

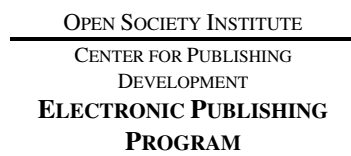
Differentiation in Male and Female Speech Styles

Olena Goroshko

© Olena Goroshko

Published in March 1999 by:

Open Society Institute
Center for Publishing Development
Electronic Publishing Program
Október 6. u. 12
H-1051 Budapest
Hungary
www.osi.hu/ep

This work was prepared under financial support from the Research Support Scheme of the Open Society Support Foundation.

Research Support Scheme
Bartolomějská 11
110 00 Praha 1
Czech Republic
www.rss.cz

The digitization of this report was supported by the Electronic Publishing Development Program and the Higher Education Support Program of the Open Society Institute Budapest.

Digitization & conversion to PDF by:

Virtus
Libínská 1
150 00 Praha 5
Czech Republic
www.virtus.cz

The information published in this work is the sole responsibility of the author and should not be construed as representing the views of the Open Society Institute. The Open Society Institute takes no responsibility for the accuracy and correctness of the content of this work. Any comments related to the contents of this work should be directed to the author.

All rights reserved. No part of this work may be reproduced, in any form or by any means without permission in writing from the author.

Contents

Введение.....	1
Глава 1 - Теоретическая модель мужского и женского вербального поведения.....	3
1.1 К истории вопроса.....	3
1.2 Различия в фонетике, обусловленные половым диморфизмом.....	4
1.3 Различия в организации “мужского” и “женского” словаря.....	5
1.4 Различия в области морфологии, семантики и синтаксиса.....	9
1.5 Различия в вербальных стереотипах и восприятии мужчин и женщин друг другом.....	14
1.6 Особенности “мужского” и “женского” дискурса.....	17
1.7 Причины, обуславливающие возникновения различий в вербальном поведении мужчин и женщин.....	20
1.8 Формирование вербальных различий в онтогенезе.....	27
1.9 Влияние социальных факторов на процесс формирования различий особенностей мужского и женского вербального поведения.....	29
1.10 Противоречивость и неоднородность полученных данных по дифференциации мужского и женского стиля речи.....	31
1.11 Имитация речи лица противоположного пола (судебно-автороведческий эксперимент)....	33
Глава 2 - Особенности мужских и женских ассоциаций.....	36
2.1 Цель и задачи исследования.....	36
2.2 Методика проведения эксперимента.....	36
2.3 Процедура эксперимента.....	38
2.3 Анализ результатов эксперимента.....	45
Глава 3 - Порождение и восприятие речи и половой диморфизм речевой деятельности.....	50
3.1 Цель и задачи исследования.....	50
3.2 Методика проведения эксперимента.....	53
3.3 Анализ результатов эксперимента.....	59
Глава 4 - Прагматические характеристики мужской и женской письменной речи.....	63
4.1 Цель и задачи исследования.....	63
4.2 Методика проведения эксперимента.....	67
4.3 Анализ результатов эксперимента.....	74
Глава 6 - Женщина и мужчина.....	81
Заключение.....	88
Литература.....	90

Введение

Работа посвящена поиску и анализу особенностей и закономерностей вербального поведения человека, которые обусловлены его биологическим полом.

Основным в работе выступает теоретико-экспериментальный подход к исследованию характерологических особенностей речи мужчин и женщин.

Актуальность работы определяется следующими положениями:

1. Функции далеко не всех единиц в речи мужчин и женщин исследовались экспериментально.
2. До сих пор не созданы ни детальное описание прагматических характеристик языковых единиц, используемых в речи мужчин и в речи женщин, ни теоретической модели вербального поведения мужчин и женщин, носителей современного русского языка.
3. Полученные в большинстве исследований данные, касающиеся характерологических особенностей мужской и женской речи, носят крайне противоречивый характер (часто взаимоисключающий).

Исследования проводились на ограниченном материале и с малым количеством испытуемых без учета корреляции и влияния других социальных факторов на речь испытуемых. И естественно все выдвинутые гипотезы о различиях в вербальном поведении полов нуждаются в детальной и всесторонней проверке с применением статистических и вероятностных методов исследования.

4. Нужды экспертной практики в криминалистике /судебно-автороведческая и судебно-фоноскопическая экспертизы, графология/, психологии и психиатрии /использование характеристик и анализа мужской и женской речи при диагностировании сексуальных девиаций, измененных состояний сознания /эмоционального напряжения, стресса, алкогольного опьянения/ и т.д. настоятельно диктует создание модели мужского и женского вербального поведения, описания стиля мужской и женской речи, что позволит более продвинуться и с большой точностью фиксировать имплицитные и латентные процессы в психическом поведении индивида, связанные с его биологическим полом.

Основная цель исследования сводится к установлению и описанию перечня идентификационных /характерологических/ признаков мужской и женской речи, к созданию модели мужского и женского типов вербального поведения.

Достижение поставленной цели требует **решения нескольких частных задач:**

1. Создание теоретической модели, позволяющей описать особенности мужской и женской модели речевого поведения;
2. Проведение серии экспериментов, направленных на выявление идентификационных признаков мужского и женского стиля речи;
3. Определение статистической значимости и валидности полученных характеристик мужской и женской речи, учет влияния других факторов на речь индивида, и их корреляции с биологическим полом носителя языка;
4. Проверка полученной модели вербального поведения человека на контрольной выборке испытуемых с проведением психодиагностического тестирования;

Предметом исследования стало речевое поведение рядовых носителей современного русского литературного языка. Исследовалась как устная, так и письменная речь, хотя предпочтение, учитывая нужды экспертной практики, психологии и психодиагностики, отдавалось письменной речи.

Изучение коммуникативных и выразительных функций речевых сообщений ведется с учетом общественно-исторических условий функционирования языка. В частности, в социально-историческом контексте рассматриваются процессы, связанные с порождением письменных текстов, а также процессы их восприятия и понимания.

Методологическими положениями определен и метод исследования. Речь идет об эксперименте как об основном методе исследования, используемого в данной диссертационной работе. А именно, метод свободных ассоциаций, а также методика "поврежденного текста", разработанная А.А.Брудным, составили основу проведенного эксперимента.

В силу характера поставленных задач, решаемых в работе при анализе и обработке данных проводился сопоставительный качественный и количественный анализ данных.

Статистический анализ основывался на применении симптоматической методики и позволил определить существенные тенденции в картине речевой дифференциации.

Глава 1 - Теоретическая модель мужского и женского вербального поведения

1.1 К истории вопроса

Половая дифференциация относится к числу тех универсальных явлений, которые так или иначе изучают все науки о человеке.

Противопоставление людей по полу, т.е. существование дихотомии "мужской/женский" пронизывает все сферы (домены) человеческого знания и культуры. Вряд ли есть культуры, где не было бы этого противопоставления, т.е. практически каждая культура обладает некоторым набором средств, позволяющих отметить и определить как мужчину, так и женщину. Так, мальчика воспитывают одним образом, а девочку - совсем по-другому, от мужчины и от женщины ожидаются различные типы социального поведения, мужчина в обществе ассоциируется с одним набором понятий, а женщина, как правило, совсем с другим.

Половая дихотомия является одним из важнейших и вместе с тем сложнейшим объектом для исследования в психологии и биологии, медицине и криминалистике. Но до недавнего времени считалось, что данная проблема прямого отношения к языку не имеет и в лингвистике ей не уделялось особого внимания. Однако появившиеся в течение последнего времени работы в лингвистике, а особенно по теории дискурса и социолингвистике (см.библиографию) не только поставили под сомнения данный тезис, но и создали базу для построения теоретической модели мужского и женского вербального поведения. Одним из первых ученых, обративших внимание на тот факт, что речь мужчины каким-либо определенным образом отличается от речи женщины был Э.Сепир, изучавший язык *коасати* на острове Ява. Он выделил формы слов в данном языке, которые преимущественно употреблялись женщинами и те формы, которые чаще использовались мужчинами (321).

А в 1922 году О.Есперсен в своей книге "Язык: его суть, происхождение и развитие" уделил целую главу описанию различий между "женским" и "мужским" речевым поведением. Опираясь на записки и сведения миссионеров и путешественников О.Есперсен приводит примеры мужских и "женских" языков индейцев, проживающих на островах Карибского архипелага: "Примитивные женщины говорят иначе, нежели примитивные мужчины... Мужчины понимают речь женщин, но сами говорят иначе, т.е. используют другие языковые структуры" (242, с.237). Более того, в некоторых индейских племенах женщинам категорически запрещалось использовать "мужские" речевые средства и соответственно наоборот. Например, жене не разрешалось произносить имя мужа, а в племени *чикито* в Боливии мужчинам разрешалось употреблять одни суффиксы, а женщине другие.

В языке зулу жене воспрещалось произносить имена ближайших родственников мужа мужского пола, она должна была говорить о них косвенно или же просто описывать человека, который имеется в виду. На острове Суахили при особых мистериях только женщинам разрешалось произносить названия фаллических символов (например, в языке *вазихуа* /waziguha/). Есперсен также обратил внимание на различия между мужчинами и женщинами в ситуации билингвизма (мужчины быстро овладевают иностранным языком и в силу ситуационных обстоятельств и гораздо чаще женщин им пользуются). Также были замечены различия в области фонетики и грамматики, - особенностях произношения и акцентуации в английском и французском языках, различия в выборе слов, в морфологии, в строении словаря мужчины и женщины, в использовании синтаксических конструкций. Фактически Есперсен был первым, кто систематически описал различия в вербальном поведении полов на примерах разных языков из различных языковых семей.

Но наибольший интерес к данной теме стал проявляться с середины 1970-х годов, когда бурное развитие получила коммуникативная семантика, социолингвистика, прагматика, когда стало изучаться влияние "человеческого фактора" в речевой деятельности. Стало ясно, что изучение языковых явлений в их коммуникативном, динамическом аспекте невозможно без учета психофизиологических и социально-стратификационных особенностей личности (пола, возраста, уровня образования и т.п.). Так, частота различий в произношении значительно снижалась, например, с повышением социального статуса и уровня образования. Изучались все уровни языка, начиная с фонетики и оканчивая особенностями дискурса и стиля речи в целом. Проводились эксперименты с учетом влияния ряда социально-психологических факторов на речь испытуемых, изучалась как устная, так и письменная речь, но сразу же хотелось бы отметить, что преимущество в изучении отдавалось письменной речи (т.к. она более спонтанна и менее подвержена контролю сознания и, как следствие этого, различия между мужской и женской речью проявляются там более контрастно).

Интересные исследования были проведены по восприятию мужчиной и женщиной цветов и форм объектов, слов и речи в целом, своих социальных ролей и каким образом эти особенности проявляются в их вербальном поведении.

1.2 Различия в фонетике, обусловленные половым диморфизмом

Мы хотели бы начать описание различий, найденных в мужской и женской речи, с фонетики.

В работах Дж.Градолла и Дж.Свэн, проведенных на материале английского языка, констатируется, что для женщины характерны более правильное и стандартное произношение (355).

Дж.Фишер в статье "Влияние социальных факторов на выбор лингвистического варианта" отмечает, что при проведении психологических экспериментов по методике ТАТ выяснилось, что дети в возрасте от 3 до 6 и от 7 до 10 лет произносят в зависимости от пола по-разному так называемое "ing" - вое окончание. Так, девочки предпочитали произносить как [ih:], что является стандартным произношением в английском языке, а мальчики - как [in] (198, с.48).

В 70-х годах Л.Милрой изучала речь жителей г.Белфаста. Ее интересовала связь между социальным статусом говорящего и его полом. Исследовались особенности произношения определенных звуков, например [ɪ], [a] в английском языке. Она установила, что самые сильные различия в особенностях произношения между мужчинами и женщинами наблюдались у представителей низших слоев рабочего класса (разнорабочих). Женщина чаще произносила звук [a], в словах типа "man", "hat" (стандартное произношение), мужчина же произносил данный звук сильно редуцируя, практически превращая его в [ɪ], ([m'n], [h't]) (363, с.50-60). Частота различий в произношении значительно снижалась с повышением социального статуса и уровня образования (154).

Многими исследователями отмечалось, что женщина вообще более склонна к стандартному и более нормативному произношению, чем мужчина (122, 124, 130, 164, 166, 222, 247, 266).

Речь мужчин и женщин также резко отличается по тембру и высоте (266, 206, 207).

Что же касается таких просодических элементов речи как, например, интонация, то во многих случаях "интонационный рисунок" женской речи отличается от мужской (143, 275, 183, 184). Так, в английском языке была выделена преференция женщины к так называемой "rise-fall-rise" ("подъем" - "опускание" - "подъем") типу интонации:

"Kan . sas . ci . ty"
(356, с.84).

Интонационный рисунок также более разнообразен в женской, а не в мужской речи (143, с.69), т.е. фонетические суперсегментные характеристики как на уровне восприятия (высота тона, громкость, его длительность), так и на физическом уровне (частота основного тона, интенсивность, время) также существенно различны и образуют то, что мы называем женский и мужской голос (250, 361).

Мак-Кеннелл Джиннет (275, с.558) утверждает, что женская интонация гораздо более динамична, с более широким диапазоном высоты и более частым и быстрым изменением голоса. Окончание фразы у женщин тоже, как правило, не так понижается, как у мужчин.

Интересная работа была проведена А.М.Холодом по восприятию мужчинами и женщинами различных звуков (109). Им была выдвинута гипотеза, что носители русского (родного) языка мужчины и женщины, имеющие тенденции к расстройствам в сексуальной деятельности, в своей речевой практике предпочитают использовать ("любят") определенные звуки. Диапазон таких звуков гипотетично определяется типом психосексуального расстройства. Выдвинутая гипотеза была подтверждена экспериментально. Действительно, психосексуальные расстройства маркируются в речи носителя языка, при этом качество и "плотность" (частотность) любимых звуков русского языка зависит прежде всего от характера испытуемого, его пола и от самого типа расстройства.

1.3 Различия в организации "мужского" и "женского" словаря

Правда, следует отметить, что различия между мужской и женской речью лежат не только в фонетике и фонологии, но также и в лексике. Именно различиям в организации мужского и женского словарного состава посвящено наибольшее количество лингвистических исследований, начиная с работы О.Есперсена (242, 31, 3, 118, 124, 125, 140, 141, 144, 171, 207, 212, 224, 232, 258, 263, 278, 285, 305, 324, 333, 335, 356, 368, 370, 376). Есперсен заметил, что по своему объему "женский" словарь относительно уже, женщина пользуется как бы ядром словаря (устоявшимся слоем лексики), т.е. лексическими единицами с более высокой частотой встречаемости в речи, в то время как мужчина употребляет больше неологизмов, профессионализмов и архаичных форм слов, если не в состоянии подыскать им более употребительные слова и выражения. По мнению О.Есперсена, мужчина более индивидуален и в выборе слов. Исследования, проводившиеся на материале русского, а затем вьетнамского языков подтвердили гипотезу О.Есперсена о различной организации мужского и женского словаря. В словаре женщин больше некое центральное ядро слов, которое широко используется в речи, а у мужчины этот центральный общеупотребительный слой лексики меньше, зато он лучше владеет различными периферийными разделами словаря, поэтому в использовании словаря мужчиной больше проявляется его индивидуальность, но эта тенденция отчетливо проступает лишь при достаточно большом словарном запасе индивида (3, 76, 305).

Итак, для трех достаточно разных языков была выявлена стойкая закономерность в организации словаря, обусловленная половым диморфизмом. По этой же теме, В.Ястров провел такой эксперимент: 25 студентам и 25 студенткам на листе бумаги было предложено написать как можно быстрее по 100 слов, но при этом не составлять из них предложений. Время для написания слов было ограничено. С помощью такого способа было отобрано 5000 слов. Анализ данных выявил следующую картину:

1. Мужчины использовали существенно больше различных слов, чем женщины.
2. Большинство слов, отобранных мужчиной, относились к названиям животных, а у женщин к описанию одежды и тканей, а также еды и способов приготовления блюд.
3. Большая часть слов, используемых женщиной, описывали их непосредственное окружение, их личные чувства и эмоции, психологические состояния, мужчины же в своих словах как бы более абстрагировались, их лексика была отделена от своего "Я", она не была *замкнута* на свой внутренний мир.
4. Слова, выбранные мужчинами чаще рифмовались или аллитерировались между собой, мужчины придавали большее значение акустическому звучанию слов, нежели женщины (257, с.130).

Мужчины больше женщин восприимчивы и к новому в языке, как уже отмечалось выше, они употребляют больше неологизмов, а также слов из терминологической и профессиональной лексики (339, с.56). Одна из книг, посвященных проблеме полового диморфизма в речи, так и называлась "Мужчина создает язык" (343).

Кстати, многие, кто работает с литературой на иностранных языках, наверное, часто замечали, что книги авторов-мужчин читать и понимать сложнее, т.к. в текстах встречается большое количество редких, диалектных и малоупотребительных слов, технических терминов, что для иноязычных читателей вызывает определенные затруднения при их понимании и переводе (232, с.154).

Женщины в большей степени, чем мужчины используют и престижные формы слов, новомодные иностранные заимствования (358, 361-365, 128, 134, 135, 164, 247, 258).

Было замечено, что женщины используют неологизмы и "модные" слова в обычном (неофициальном) разговоре, но как только дело доходит до официального уровня, то женщина всеми силами стремится сама избежать их употребления в речи, а также и исправить эти "экстравагантности", если слышит их от собеседника (258, с.58).

Интересные закономерности были обнаружены в использовании единиц вульгарной и табуированной лексики, жаргонизмов, инвектив и слэнга (29, 31, 38, 46, 129, 125, 189, 311, 326).

Двое американских ученых Ч.М.Гилли и С.Саммерс провели эксперимент на выявление различий в использовании мужчиной и женщиной вульгарной и бранной лексики (а именно, глаголов, имеющих вышеупомянутую коннотацию) (212).

100 студентам-психологам (50 мужчинам и 50 женщинам) аппалачинского университета (штат Айова, США) были выданы карточки, где было записаны одно местоимение и два глагола, один из которых был с маркированным (бранным) значением. В их задачу входило составить предложение с данным местоимением и одним из двух предложенных глаголов. Результаты эксперимента показали, что мужчины в два раза чаще женщин использовали глагол с маркированным значением (212, с.37).

Что же касается использования нецензурной лексики или инвектив, то частота их появления в мужской и женской речи весьма различается (46,199,272). Безусловно, в речи мужчин инвективы встречаются чаще (245, с.294). Женщина меньше мужчины в повседневной жизни склонна к использованию ругательств и бранной лексики и в связи с этим в речи женщины возникает больше эвфемизмов, не прямых "завуалированных" обозначений определенных предметов и явлений (245, с.294). В.И.Жельвис в статье "Инвектива: мужское и женское предпочтение" обращает внимание на тот факт, что "существуют специальные слова, предпочитаемые в конфликтной ситуации прежде всего женщинами, и слова, характерные для мужской

речи, но употребляемые женщинами, которые прекрасно осознают, что пользуются "не своими" вербальными средствами. В последнем случае они воспринимаются как более резкий вариант общения, чем когда используются мужчинами... Очевидно, что некоторые оскорбления в ряде культур воспринимаются настолько сильно, что употребление их женщинами считается абсолютно недопустимым и практически никогда не имеет место. Особенно это относится к культурам, где эксплетивный характер инвективного слоя маловероятен или исключительно редок (46, с.268). Таковы многие кавказские культуры. Однако во многих культурах женщины охотно прибегают к инвективному словоупотреблению того типа, который в буквальном переводе может показаться носителям других этнических традиций недопустимо грубым.

Так, в американском варианте английского языка женщины с любым уровнем образования могут обратиться к инвективам типа "shit" (вульгарное наименование excrementum), а в случаях крайнего раздражения даже к мужским коитальным инвективам (19, с.272).

Если говорить о русском языке, то личный опыт автора данной работы при производстве судебно-автороведческих экспертиз позволил прийти к следующему: использование инвектив женщиной вступает в противоречие с усвоенным ею стереотипом поведения и ее социальной ролью. Переосмысление, ломка этого стереотипа становится источником дополнительной психологической, эмоциональной напряженности, что еще больше усиливает экспрессивную насыщенность речи. Для женщины значение инвективы семантически неопустошено и употребляя то или иное ругательство, она как бы представляет его реально ("воочию"); тяготение же женщины к конкретности и развернутости в использовании инвектив и вульгарной лексики нередко придает последним специфический, тягостно-циничный характер. В особенности это проявляется в остроконфликтных ситуациях или в текстах, описывающих семейные или интимные стороны человеческих отношений.

Исследования, проводившиеся на материале английского, немецкого и испанского языков установили, что женщина в своей речи старается избегать элементов "панибратского" обращения, т.е. употребления кличек, прозвищ, унижительных обращений-номинаций (40, 75, 83, 145, 149, 167-169, 179, 263, 238). М.Кей в своей работе "Мужской/женский язык", касаясь особенностей использования определенных пластов лексики мужчинами и женщинами из совершенно различных социальных групп, выявила общую закономерность, отраженную в схеме, приведенной в Приложении №1 (247, с.128).

Следует заметить, что различия как в объеме словаря, так и в его качественном составе, обусловленные половым диморфизмом, уходят своими корнями в глубокое прошлое. Так, в древней Индии только мужчины могли говорить на санскрите, женщины же понимали его, но в обществе должны были пользоваться только панкритом (345, 359).

М.Адлер, описывая язык индейцев племени *сан-блас*, утверждает, что в этом языке существовал как бы полусекретный подъязык, известный только части мужчин племени и употребляемый исключительно старейшинами, знахарями и в особых религиозных и ритуальных случаях, женщинам же вообще запрещалось его использовать, хотя он был прекрасно ими понят (118, с. 78).

О.Есперсен, изучая язык *яна*, заметил, что у женщин для всего, описывающего сексуальные отношения, существовали свои собственные слова, отличающиеся от слов, употребляемых мужчинами (337, 242, с. 204).

Женщины, как правило, используют эвфемизмы и парафразы, для обозначения всего, касающегося интимных и сексуальных сторон жизни, во всяком случае, в западных культурах (119, 132, 335, 339).

Заслуживают особого внимания и данные, относящиеся к различиям в организации словаря цветообозначений, обусловленные половым диморфизмом (177, 214, 201, 331, 348).

Словарь цветообозначений по объему у женщины существенно шире, чем у мужчин (331, с.69). Она употребляет больше специфических названий цветов, многие из которых являются иностранными заимствованиями (ср. "*муар*", "*первани*", "*беж*" и т.д.).

Ученые из гарвардского университета Н.Стеклер и У.Купер провели следующий эксперимент, а именно: большой группе испытуемых (половой состав группы был разделен поровну) была предложена задача описать цвета свитера, который им выдали на картинке нераскрашенным, т.е. как бы заново словесно его "закрасить" (348). В результате была получена следующая картина:

1. Женщина использовала больше специфических названий цветов, а мужчина названия насыщенных тонов и комбинации из названий основных цветов спектра.
2. Женщины отдали свое предпочтение *розовому, темно-красному, желтому и голубому* цвету, в то время как мужчинам "*понравились*" *серый, коричневый и зеленый* цвет. В ходе исследования было замечено, что там, где мужчина называет свитер светло-голубым, женщина говорит, например, *ультрамарин* или *аквамарин* (348, 312).

Дж.Франк из джорджтаунского университета изучала использование цветовой рекламы в журнале мод и в связи с этим "мужской" и "женский" выбор цвета. Статистически значимыми были выявлены следующие различия, представленные в виде диаграммы в Приложении №2.

Полученные данные ученая объясняет различиями в сфере занятий и устройстве перцептивного аппарата женщины и мужчины (201, с.380).

Русский психолог Н.Н.Николаенко исследовал способность к идентификации и называнию цветов мужчинами и женщинами в период угнетения правого или левого полушарий мозга, вызванного односторонним электрошоком (86). Различия, вызванные в восприятии и использовании цветов (предпочтения мужчин и женщин в использовании теплых и холодных тонов, основных и вспомогательных названий цветов), ученый относит за счет межполушарной асимметрии головного мозга и особенностями в специализации полушарий мозга мужчины и мозга женщины.

Ученый полагает, что полушария мозга асимметричны в восприятии и обозначении цветов. Правое обеспечивает словесное кодирование основных цветов с помощью простых высокочастотных названий (*красный, синий*). Левое полушарие обеспечивает словесное кодирование цветов с помощью относительно редких в языке, специальных и предметно соотнесенных названий. При угнетении левого полушария из лексикона исчезают такие названия промежуточных цветов, как *оранжевый, терракотовый, вишневый, цвет морской волны*. В целом левое полушарие не фиксирует жесткие связи между предметом и цветом, цветом и словом, словом и сложным цветовым образом. В основе деятельности левого полушария лежат широкие ассоциативные связи понятия со словом, относительно оторванные от конкретно-чувственного анализа предметного мира. Эти данные получены при изучении больных, подвергшихся унилатеральному электросудорожному лечению

с функциональным угнетением правого или левого полушария. Н.Н.Николаенко на основе этих данных говорит о существовании двух систем узнавания окраски объектов. Система правого полушария ответственна за “изоморфное чувственное отражение качества предмета”, левое - за понятийное его отражение (86, с.100).

Особенностями в специализации полушарий мозга мужчины и мозга женщины, по мнению некоторых ученых, можно объяснить и существенное преобладание в словаре мужчин слов, описывающих пространственные и количественные отношения (30, 83, 119, 129, 131, 164).

При изучении различий в “мужских” и “женских” словоупотреблениях обращалось внимание на частоту встречаемости тех или иных словосочетаний, слов и устойчивых выражений, преимущественно используемых мужчиной или женщиной (31, 40, 75-78, 133, 137, 138, 148, 155, 160, 169, 176, 189, 204, 207, 211, 224, 227, 229, 236, 270, 278, 288).

Было замечено, что женщина в своей речи значительно чаще мужчины использует сдвоенные формы прилагательных "teeny-weeny", "titsy-bitsy" (англ.: крохотный, маленький) (257, с.146), аббревиатуры (257, с.320), слова с уменьшительными суффиксами (кошечка, ложечка, cutie (англ.: привлекательная молодая женщина), meanie (англ.: придира, жадина)) (257, с.165) и приставкой "mini" (miniskirt, (англ.: мини-юбка)), модальных частиц (229, с.200), наречий, оканчивающихся на "ly" (в английском языке) (207, с.230), а также наречий, выражающих значение "приближение к чему-либо" (около, рядом, nearly, about (англ.)) (207, с.245).

По наблюдениям Л.Хиршман мужчины и женщины используют в своей речи различные междометия. К "мужским" междометиям ученая причисляет "Oh, well, so and, Oh, my Lord, By gorry", а также такие слова-"наполнители", как "Yeah, rihgt", к женским - "Good heaven, oh yes-quite, my goodness, oh dear" (233, с.130). Ученая также полагает, что существует целый ряд английских прилагательных, гораздо более употребительных женщинами, чем мужчинами (233, с. с.160).

В работе Е.М.Бакушевой, посвященной изучению французского языка, отмечается, что некоторые дискурсивные слова оказались во французском языке чисто "мужскими", к ним относятся уточняющие наречия, касающиеся способа выражения мысли: "globalement, finalement, spontanement, generalement, forcement, honnetement, en revanche, egoistement" (2, с.15). Можно говорить и о дифференцированном использовании междометий. В мужской речи чаще употребляются междометия-инструкторы "Allon, En bien", в которых эмоциональный элемент в значении ослаблен, а в женской речи встречаются чаще междометия "Ah, Oh" (2, с.10).

1.4 Различия в области морфологии, семантики и синтаксиса

Одной из характерных черт женской речи является и использование оценочных прилагательных (39, 78, 181, 289, 290). Мужчина, если и использует оценочные прилагательные, то скорее те из них, которые определяют количественные и параметрические отношения (189, с.124). По мнению той же Л.Хиршман, женщина скорее скажет "awful" или "pretty" вместо "very" и "so" (количественные усилительные частицы, означающие большое количество в английском языке) (233, с.128).

Вообще, одной из отличительных черт женской речи является употребление слов с опустошенной семантикой ("ужасно интересный", "страшно красиво" (31, с.140), "furchtbar sus" (нем.: страшно сладкий), "schrecklich schon" (нем.: ужасно красивый), "Fi done" (фр.: ужасно сделано).

Т.Б.Крючкова экспериментально изучала особенности мужской и женской русской письменной речи (68). Было взято 20 текстов художественной прозы (10 женских и 10 мужских). Во всех текстах подсчитывалось количество употреблений тех или иных частей речи (68, с.187). Статистически значимыми были признаны следующие различия: женщина употребляла больше местоимений и частиц, а также у женщин наблюдалась тенденция к более частому употреблению частиц "не-ни", а у мужчин к более частому употреблению существительных.

А.М.Холод с целью описать прагматические характеристики мужского и женского стиля речи просил студентов (мужчин и женщин) письменно "в 10 предложениях рассказать о чем-либо или о ком-либо с помощью приятных и красивых слов". Далее подсчитывалось количество существительных мужского, женского и среднего рода и количество предложений в изучаемых текстах (105). Данные эксперимента позволили констатировать следующую картину:

1. Среднее количество предложений у испытуемых-мужчин было меньше, чем у женщин.
2. В среднем мужчины употребляли существительные чаще, чем женщины.
3. Что касается распределения родовых форм имен существительных, то были получены следующие два неравенства:

	мужской		женский		средний
	род существительных				
и.и. мужчины	33,6	<	43,6	>	22,7
и.и. женщины	48,3	>	41,4	>	18,7

А вот при изучении устной, спонтанной речи поволжских немцев А.А.Вейлерт сделал попытку проанализировать с помощью статистических методов количественные различия в употреблении некоторых грамматических форм в двух аспектах, вычисляя их относительную частоту встречаемости и долю (22, с.138-141). Разница долей у мужчин и женщин была существенна для четырех частей речи: у глаголов и союзов - в пользу женщин, у прилагательного и наречия - в пользу мужчин. Также было установлено, что абстрактные существительные, а из конкретных существительных - имена собственные имеют существенные расхождения у мужчин и женщин. Первые предпочитают использовать мужчины, вторые - женщины. Нарисательных существительных также было зарегистрировано больше в речи мужчин. Изучалось также богатство словаря, которое оказалось значительно выше у женщин (22, с.140-141).

Диана Варшей попросила 263 студентов технических специальностей университета описать какие-либо события из их прошлого, имеющие важное значение для них (370). В отобранных таким способом текстах подсчитывалось отношение числа глагольных к числу именных форм, количество словоформ, а также проводился смысловой анализ текста. Было установлено, что по сравнению с женщинами мужчины были менее словообильны, больше употребляли глагольных, чем именных сказуемых, при описании делали больше ссылок на временные периоды, хотя следует отметить, что женщины, а не мужчины употребляли более точные временные отрезки.

Мужчина более часто в своей речи употребляет инструментальные и объектные падежи, а женщина - притяжательные и цели (127, с.57). При описании действий мужчина также чаще использует объектные падежи (127, с.47).

Интересные наблюдения были сделаны при исследовании модальности и использования полами модальных средств в языке (148, 169, 192). Именно здесь между мужской и женской речью различия проявляются наиболее сильно (211, с.202). Во-первых, было замечено, что женщина использует чаще модальные глаголы в прошедшем времени (211, с.456):

"Mihgtn't it be the case that ...?", "Would the relationship ...?" (примеры из английского языка).

Во-вторых, частотные характеристики в использовании различных модальных глаголов существенно колеблются для мужской и женской речи: в английском языке, например, мужчина предпочитает "can", а женщина "may" (211, с.15), при использовании глаголов "to be" и "to have" как модальных (255, с.74), то "to have" как модальный, а не смысловой глагол и "to be" как заместитель модального глагола "must", выражающего долженствование, в два раза чаще употребляется женщинами (255, с.156). В-третьих, в женской речи значительно чаще присутствуют вводные слова и выражения, выражающие различную степень уверенности говорящего, а также ссылки на собственное или какое-либо другое мнение, а также для удостоверения в другом мнении (probably, possibly, certainly, I think, I suppose, You see, to seem, to my mind), находящиеся, как правило, в позиции начала предложения. Джаннет Холмс подсчитала, что женщины в 5 раз больше мужчин используют в своей речи конструкцию "You know" (236, с.23). В-четвертых, в силу более вежливого характера своей речи женщины используют средства так называемой двойной модальности ("модальный глагол + наречие"): "I was wondering if you could possibly just do me a small favour" (англ.: Не могли бы Вы оказать мне небольшую любезность) или "If you couldn't mind..." (англ.: Не возражаете ли Вы...) (296, с.71).

В женской речи чаще можно встретить и словосочетание "'I think"+ модальное наречие": "I think you just sort of talk it out" (296, с.87).

Дж.Коэрс в работе "Мужчины, женщины и язык" (164, с.114) приводит данные по различиям в использовании следующих модальных выражений:

(количество единиц в текстах)		
	женщины	мужчины
I mean	77	20
Well	65	45
Just	57	48
I think	36	12
Sort of	35	10

Н.Конклин, американский психолог и лингвист, предположил, что превалирование именно в речи женщин модальных средств языка "можно объяснить за счет неуверенности, неопределенности и нерешительности женской речи в целом" (168, с.73).

В силу того, что женщина эмоциональнее мужчины, то в речи это отражается в большем употреблении единиц аффектированной лексики ("riesig klein" (нем.: страшно маленький), "awfully pretty", "terribly nice" (англ.: страшно симпатичный), "roedsom morsom" (датск.: страсть какой ловкий), различного плана интенсификаторов, частиц, восклицательных предложений ("Что за прекрасная погода", "What lovely earrings!" (Что за прелестные сережки!) (221, 368). В речи женщины прослеживается

и более глубокая гиперболизация, а также выше частота использования тропов (метафор, сравнений, эпитетов): "I'd just die" (англ.: Я просто умерла бы), "He'll never forgive me" (англ.: Он никогда не забудет меня) (228, с.240).

В недавно защищенной диссертации Е.М.Бакушевой указывается, что во французском языке женщина чаще мужчины сопровождает свою речь эмоционально-оценочными наречиями "malheureusement", "heureusement", женщины также чаще мужчин обращаются к метафорическому значению прилагательных, частое использование образной метафоры в речи одно из самых ярких различий между мужским и женским стилем речевого поведения. Эмотивных предложений в речи женщины в 1,6 раза больше, чем в речи мужчин (2, с.16).

Женщина больше мужчины сосредоточена на своем внутреннем мире, отсюда и больше слов, описывающих чувства, эмоции, употребление глаголов, выражающих эмоционально-психологические состояния человека (328). В силу повышенного эмоционального уровня у женщин и более высокая встречаемость в речи эллиптических и инвертированных конструкций (374, 379, 376).

При изучении вербального поведения полов обращалось внимание и на синтаксический уровень языка (364, 164, 346, 377).

Уже Отто Есперсен заметил, что женщины и мужчины образуют свои предложения по-разному, например, в речи мужчины часто можно встретить сложный, запутанный или, как его называет О.Есперсен, "рваный синтаксис": придаточные предложения находятся чаще внутри придаточных, придаточное определительное чаще может находиться внутри придаточного причины или наоборот, напоминая при этом "китайскую шкатулку" (242, с.180). Поясняя мысль Есперсена, английский лингвист П.Смит утверждает, что мужчина, как правило, вводит одно предложение в другое, вкладывает их друг в друга, примерно по такой синтаксической схеме { [[[ ]]] } (336, с.14). Женский же синтаксис - это как "нить жемчуга", где жемчужины нанизаны одна плотнее другой, Есперсен называет это координацией (примерная схема [ ], [ ], [ ], т.е. мужчинам свойственен гипотаксис, а женщинам паратаксис (336, с.214). Мне кажется, что это происходит в силу того, что у мужчин нередко перед высказыванием происходит этап анализа, классификации, категоризации, что и проявляется в схеме синтаксической структуры, приводимой О.Есперсеном. В свою очередь умственный склад женщины предпочитает всяческого рода "прыжки" и пропуски, перескоки с одной мысли на другую. Они менее склонны к последовательному анализу в мышлении и предпочитают выдавать информацию как бы по частям, что и приводит к нагромождению, а иногда и сращению синтаксических структур, а также эллипсису и инверсии (303, с.184).

Для выделения своих мыслей женщина также чаще использует такие "эмоциональные средства", как ударение и интонация (299, с.275).

При исследовании речи женщин, носительниц английского языка, было замечено, что они существенно больше мужчин употребляют для выражения согласия и несогласия с мнением собеседника или своей собственной эмоции "хвостовые вопросы" (*хвостовые вопросы - вопросы типа "Тебе это нравится, не так ли?", "Ты меня любишь, не правда ли?", т.е. весь вопрос уходит как бы в конец, в "хвост" предложения. Хвостовые вопросы является типичной чертой английского синтаксиса) (176, с.289-294, 155).

Женщина также любит задавать вопросы там, где мужчина просто употребил бы императив (ср. "Сделайте это" и "Не могли бы Вы сделать это?" (364, с.540)).

Более того, женщина, вводя вопрос, делает его как бы персональным, отсюда и гораздо большая встречаемость в ее речи местоимений первого лица: "I want to ask you what time it is?" (англ.: Я бы хотела знать, который час?), и "What time is it?" (англ.: Какой час?) (268, с.118). Типично "женскими" являются и конструкции "I wonder if" (англ.: мне интересно), "It seems to me" (англ.: мне кажется), "My impression is" (англ.: мое впечатление) (153, с.118).

Мне кажется, что все эти особенности речи женщин можно объяснить тем, что она больше чем мужчина стремится к вежливости и корректности в речевом поведении. В ее речи "гораздо больше вежливых форм слов, просьб, извинений "I'm sorry", "Excuse me, please" (162, с.138). От женщины, как пишет М.Адлер, изучавший речь жителей Бруклина (район Нью-Йорка, США), можно почти на каждом шагу услышать "May" или "Couldn't" (118, с.108).

В речи женщин существенно чаще встречаются восклицательные, а в особенности, так называемые "closed-circle sentence" (назывные восклицательные) предложения:

"Nein, so was!", "Wissen Sie!" (нем.: не говорите так! невероятно!), "What a nice day!" (англ.: что за денек!). А вот отрицательные предложения - скорее черта мужской, а не женской речи (338, с.203, 129, 144).

Исследователи отмечали и тот факт, что мужчина больше пользуется глаголами в активном залоге, а женщина в пассивном (336, с.490). В этой же работе было сделано следующее интересное наблюдение: при описании своих "интимных отношений с женщиной" мужчины пользуются переходными глаголами (to fuck her, to take her out, to walk her home), а женщины же в аналогичной ситуации употребляют непереходные глаголы (to make love with him, to go with him, to fuck with him) (261, с.500, 272).

В речи мужчин можно больше встретить "апелляций к чужому мнению", т.е. сносок и цитат (341, с.122).

Любопытные различия, обусловленные половым диморфизмом, были замечены и в использовании обращений (145, 148, 149, 151, 189, 231, 233). Так, "мужские" обращения более разнообразны, в них часто присутствуют какие-либо определенные физические характеристики человека, к кому обращаются (ср. "blondie" (англ.: блондинка) или "chestie" (англ.: грудастенькая) и вплоть до официального "ma'am" (англ.: мадам) (231, с.202). Обращение к лицу только по его фамилии также является типично "мужским" (229, с.222, 277). К мужчинам обращения гораздо разнообразнее, чем к женщинам, причем только от женщин, находящихся с мужчиной в достаточно близких отношениях, мужчина может получить "dear", "honey", "darling" или "baby" (англ.: малышка, детка и т.д.), в то время как женщина может это слышать в свой адрес практически от каждого. Вообще, в обращениях к женщинам присутствует гораздо больше фамильярности и даже цинизма, чем в обращениях к мужчинам (326, с.117).

Различия в вербальном поведении полов коснулись и семантики (250, 252, 279). Например, Ч.Крамер попросила 10 женщин и 10 мужчин оценить "что они подразумевают под словами "секс", "любовь", "дом"" и, используя метод семантического дифференциала, исследовательница выяснила, что набор дифференциальных признаков, составляющих значения этих слов, существенно различен у мужчин и у женщин (252, с.158).

Анализ вербального поведения немецкоязычных коммуникантов показал, что в речи мужчин оценочных высказываний оказалось больше, чем в речи женщин, но женщина в своих оценках всегда намного категоричнее мужчины (350. 361, с.459). Отличается также иногда и "полярность" оценки - для носителей русского языка - женщин такое слово как "интеллигент" звучит весьма положительно, а вот мужчины оценивали его отрицательно, даже с некой долей иронии (97, с.45).

Заслуживают внимание и результаты, полученные при проведении ассоциативных экспериментов (45, 84, 85, 243, 273).

Выяснилось, что мужские ассоциации богаче и более "рассредоточены", чем женские. Женские же гораздо более "концентрированнее" и у них больше совпадающих ассоциаций. Наблюдается также сильная дифференциация между ассоциациями у мужчин и у женщин (291, с.202).

1.5 Различия в вербальных стереотипах и восприятии мужчин и женщин друг другом

Были проведены и работы с целью установить различия в употреблении мужчиной и женщиной слов-экспрессивов, а также посмотреть их вербальную реакцию на эти же слова (25, с.86). Выдвигалась гипотеза, что у мужчин и женщин несколько отличные представления о современном мужчине и современной женщине и что результаты эксперимента должны опосредованно отразить межличностные отношения полов, и 434 информантам - носителям русского языка было предложено из двух списков экспрессивов выбрать слова, которые, по их мнению, наиболее полно описывают соответствующие понятия и образы. Данные анализировались по семантическим признакам, т.е. выделялась группа качеств, характеризующая личность с какой-либо определенной стороны, а именно: по физическим, интеллектуальным, деловым и морально-этическим качествам, а также по отношению к лицам другого пола. Полученный экспериментальный материал позволил поставить вопрос об общих и различительных параметрах восприятия образов современных мужчины и женщины, связанного с фактором пола.

В образе современной женщины для мужчин основными оказываются черты, так или иначе связанные с ее отношением к мужчинам, для женщин же наиболее актуальным являются ее деловые качества. Различия касаются также и эмоционально-оценочной стороны: мужчины относятся к современным женщинам сверхкритично, наделяя их в основном негативными характеристиками, женщины, напротив, чаще указывают слова, выражающие положительную эмоциональную оценку.

Для характеристики современного мужчины употребляются преимущественно пейоративные слова. Авторы также ставят вопрос о различном наборе парадигм мужского и женского языка на уровне внутренней речи (25, с.8, 289).

Данные А.П.Мартынюк, исследовавшей те же вопросы на материале текстов англоязычных авторов, выявили сходную картину: в речи авторов обоих полов положительно окрашенная лексика, характеризующая женщин, количественно значительно превышает положительно окрашенную лексику, характеризующую мужчин. Показательно также, что большинство слов, положительно оценивающих женщину, относятся к семантической зоне "Внешность" и некоторые к "Дееспособности", в то время как лексемы, положительно характеризующие мужчин - в семантическую зону "Интеллект". Анализ полученного материала свидетельствует о наличии у авторов двух полов в целом сходных представлений о неотъемлемых мужских и женских свойствах. Как у авторов-мужчин, так и у авторов-женщин в характеристиках мужчин превалирует отрицательная лексика семантической зоны "Социальное поведение", а далее по степени убывания частотности следуют семантические зоны "Интеллект", "Интимное поведение", "Дееспособность", "Воля". Единственным отличием является, пожалуй, наличие у авторов-женщин некоторого количества отрицательно окрашенной лексики семантической зоны "Внешность", отсутствующей у авторов-мужчин. Гораздо больше расхождений отмечается у авторов двух полов в оценке женских качеств. Общим является то, что наиболее частотной оказалась отрицательно окрашенная лексика семантической зоны "Интимное

поведение", затем (по степени убывания частотности у авторов-мужчин следуют семантические зоны "Внешность", "Интеллект", "Социальное поведение", "Дееспособность" (входит только положительно окрашенная лексика). У авторов-женщин за "Интимным поведением" следуют "Социальное поведение", "Интеллект" и только потом "Внешность" и "Волевые качества" (73, с.с.4-5). Автор работы полагает, что можно говорить о противопоставлении полоролевых стереотипов по принципу различия социальных ролей. Данное противопоставление имеет под собой физиологическую и психологическую основы и отражает различия в сферах социальной деятельности. В рамках такой модели для мужчин первостепенным являются деловые качества, высокие интеллектуальные способности, корректное социальное поведение, тогда как для женщин главным является корректное поведение в сфере интимной жизни.

Эти представления разделяют авторы обоих полов, правда в стереотипных представлениях о мужчине у авторов-мужчин и женщин гораздо больше общего, чем в оценке женских качеств. Очевидно следует согласиться с тем, что мужчины смотрят на женщину прежде всего как на объект сексуальной притягательности, оценивая выше всего ее внешние данные. Женщины же воспринимают себя прежде всего как личность, считая более важным для себя корректное социальное поведение и интеллектуальные способности, чем внешние данные. При этом мужчины и женщины гораздо более критичны в оценке своего пола, чем качеств противоположного (73, с.8).

А вот при исследовании полоролевых стереотипов в браке в русскоязычном обществе в конце 70-х годов было установлены различия в оценке мужей женами и наоборот:

1. Оценивая личность партнера, жены с большей частотой, чем мужья фиксировали свойства, указывая на их отношение к людям.
2. В характеристиках мужей женами давалась более развернутая оценка их отношения к труду, чем в характеристиках жен мужьям.
3. "Портреты" жен содержали значительно большее число оценок темперамента и эмоциональной сферы, по сравнению с характеристиками мужей и, как в случае с немецкими коммуникантами, в оценках своего партнера жены обнаруживали большую критичность, чем мужья (25, с.83-89).

С понятием "полоролевых оценок" тесно связано понятие "стереотипа пола" (или "феминности/ маскулинности" в формулировке других авторов (46), т.е. системы обусловленных предписаний и описание того, что должна делать и какой быть в обществе женщине и каким мужчине (133, с.109-111). В понятие "стереотип пола", определяемого биологическими, социальными и психологическими факторами (56, 63, 162, 332, 334, 119, с.44) входят именно те характеристики, по которым мужчина и женщина должны различаться в социуме: поведение, навыки, помыслы, устремления, черты и особенности поведения, характера, внешности и тому подобное (367, 228, 260, 279). Инге Броверманин, определяя характеристики, по которым в обществе дифференцируются оба пола, провела эксперимент с 74 мужчинами и 80 женщинами - учащимися калифорнийского университета (США). Им был предложен список с заранее заданными психологическими, физическими и социальными составляющими, по которым каждый испытуемый должен был выделить характеристики, приписываемые женщине, и характеристики, относящиеся к мужчине. После вероятностно-статистической обработки данных, была получена следующая картина: во-первых, характеристики, относящиеся к мужчине, оценивались более положительно чем те, которые описывали женщину, во-вторых, женщина чаще описывалась в "терминах" тех мужчин, от которых в обществе она была как-то зависима, в-третьих, в набор свойств, определяющих тип маскулинности, входили следующие характеристики: "независимый, искусный в деле, в бизнесе, деятельный, объективный,

компетентный, жаждущий приключений, уверенный в себе, лидирующий в обществе, честолюбивый и т.д.". Отсутствие аналогичных качеств, как правило, было отнесено к стереотипу феминности. Женщина была охарактеризована как "безынициативная, неуверенная в себе, необъективная, зависимая от других, мягкая, тактичная, религиозная, аккуратная, эмоциональная и т.д." (146, с.63). Ниже приводится таблица прилагательных, ассоциируемых в обществе с женщиной и прилагательных, ассоциируемых с мужчиной, и их оценочная классификация ("+" - положительно оцениваемые качества, "-" - отрицательно - оцениваемые качества, "0" - нейтрально оцениваемые качества (375, с.330-331)):

Женщины		Мужчины	
<i>англ.слово</i>	<i>русский эквивалент</i>	<i>англ.слово</i>	<i>русский эквивалент</i>
Affected -	притворная	Adventurous+	предприимчивый
Affectionate +	ласковая	Aggressive 0	агрессивный
Appreciative +	благодарная	Assertive 0	напористый
Attractive +	привлекательная	Autocratic 0	властный
Charming +	очаровательная	Boastful-	хвастливый
Complaining-	стенающая	Coarse	грубый
Dependent 0	зависимая	Confident +	доверительный
Dreamy 0	мечтательная	Courageous +	мужественный
Emotional 0	эмоциональная	Cruel 0	жестокий
Excitable 0	волнующая	Daring -	отважный
Feminine 0	женственная	Disorderly -	неорганизованный
Fickle -	непостоянная	Dominant 0	влиятельный
Flirtatious 0	кокетливая	Enterprising +	предприимчивый
Frivolous -	легкомысленная	Forceful 0	сильный
Fussy -	суетливая	Handsome 0	красивый
Gentle +	добрая	Independent +	независимый
High-strung 0	нервная	Jolly 0	веселый
Meek 0	кроткая	Logical +	логичный
Mild 0	мягкая	Loud -	громкий
Nagging -	ворчливая	Masculine 0	мужественный
Prudish -	ханжеская	Rational +	разумный
Rattle-brained -	пустоголовая	Realistic +	реалистичный
Sensitive 0	чувствительная	Robust 0	здоровый
Sentimental 0	сентиментальная	Self-confident 0	самоуверенный

Женщины		Мужчины	
<i>англ.слово</i>	<i>русский эквивалент</i>	<i>англ.слово</i>	<i>русский эквивалент</i>
Soft-hearted 0	мягкосердная	Severe 0	суровый
Sophisticated 0	изысканная	Stable +	постоянный
Submissive 0	податливая	Steady 0	прочный
Talkative 0	разговорчивая	Stern 0	жестокый
Weak -	слабая	Strong 0	сильный
Whiny -	плаксивая	Tough 0	жесткий
		Unemotional 0	неэмоциональный
		Ambitious +	честолюбивый
		Unexcitable 0	невозмутимый

Примечательно в данном списке приведенных прилагательных их оценочная интерпретация испытуемыми по сравнению с русскоязычными стереотипами феминности-маскулинности (наблюдаются существенные несовпадения в знаках оценки и в распределении оценок по оценочной шкале интенсивности (ср. “robust” в отличие от русской “положительной оценки” в значении прилагательного “здоровый” дается “нейтральная оценка, “tough” не акцентируется отрицательная оценка как в русском прилагательном *жесткий* и т.д.).

Другой, уже упоминаемый нами, лингвист М.Адлер, занимающийся также проблемой стереотипа пола, провел следующее исследование: он предложил 400 испытуемым с социально однородными автобиографическими характеристиками список из 120 прилагательных, описывающих индивида. Прилагательные нужно было разнести по следующим графам: "Желаемое для обоих полов", "Желаемое для мужчины, безразличное для женщины", "Нейтральное для обоих полов", "Нежелаемое для обоих полов" и т.д. Сведя все данные граф воедино, с помощью методов кластерного анализа ученый вывел набор признаков, определяющих стереотипы феминности и маскулинности. Его данные примерно совпали с характеристиками, полученными И.Броверманн (118). Необходимо добавить и то, что согласно стереотипу пола от женщины в целом ожидается более корректное социальное поведение. Если какие-либо отклонения же от общепризнанной нормы могут укладываться в стереотип маскулинности, то они мыслятся несовместимыми со стереотипом феминности. Отклонение от нормативных образцов поведения (в том числе и речевого) для женщины в гораздо большей степени грозит опасностью общественного отторжения, чем для мужчины (162, 359, 148, 360, с.106). Отсюда и более "вежливый" (предупредительный), характер разговора у женщины. Девочку с самого детства приучают говорить более вежливо, корректно, в то время как мальчик может говорить грубее, требовательней, напористей (360, с.543). Столкновение социальных стереотипов, которое в свою очередь ведет к столкновению социальных ценностей, находит свое проявление, в частности, в том, что мужчина сознательно избегает "женских" форм слов, в то время как женщина вправе использовать "мужские" варианты (360, с.74). Различие социальных позиций мужчины и женщины, сфер их интересов в обществе накладывает свой отпечаток и на выбор темы беседы, преимущественного использования определенных языковых средств (282, 296, 307, 317).

1.6 Особенности “мужского” и “женского” дискурса

При исследовании вербальных различий в поведении мужчины и женщины обращалось внимание и на особенности дискурса в целом (268, 122, 130, 131, 133, 149, 178, 184, 191, 200, 211, 228, 229, 233, 244, 262, 286, 317, 328, 339, 354, 359, 374, 378, 379).

Так, при ведении диалога в женском речевом поведении были выявлены следующие тенденции:

1. Женщина была больше склонна задавать вопросы.
2. Вопросы, как правило задавались с целью каким-либо образом продолжить беседу, была всегда заинтересована в развитии акта коммуникации.
3. Свое несогласие с мнением собеседника склонна была выражать молчанием, а не открытым словесным протестом.
4. При прерывании речи, реагировала молчанием, т.е. воспринимала это спокойнее, чем мужчина.
5. Проявляла тенденцию к более частому использованию "вы" и "мы", т.е. употребляла личные местоимения, учитывая наличие второго лица в диалоге.
6. В целом наблюдался более вежливый характер реплик, хотя вела себя более напористо и была склонна к требованиям, "преподносимым в виде просьб".
7. Темы разговоров, как правило, развивались спонтанно, существовала и четкая ориентация на определенные темы беседы.
8. Чаще извинялась, наблюдалась нивелировка собственных рассуждений.
9. Всячески, когда была согласна с мнением собеседника, выражала свое одобрение.
10. Во время беседы получала комплименты значительно чаще мужчин.

Для мужчин было характерно:

1. Интерпретировать речь собеседника и сообщаемую ему информацию.
2. Чаще перебивать собеседника, в особенности когда он был женщиной.
3. Чаще дискутировать и оспаривать мнение собеседника, игнорировать его комментарии.
4. Стараться доминировать в беседе
5. Выражать свои намерения прямо, без обиняков, не используя при этом корректные и чересчур вежливые формы слов.
6. Реплики в диалоге носят менее личностный характер.
7. Склонен чаще начинать беседу, количество реплик мужчины в диалоге, как правило, больше и по продолжительности они длиннее.
8. Чаще выбирать тему беседы.
9. Больше склонны рассматривать вопросы как источник информации, а не как средство для продолжения разговора.
10. Стараться всегда в разговоре разрешить возникшие проблемы и дать советы по этому поводу (247, с.120-126).

А.Ф.Вернер считает, что речевые стили мужчин и женщин прежде всего отличаются тем, в какой степени мужчины и женщины учитывают реакцию партнера на предшествующие высказывания и их выбор и коррекция в этой связи (24).

Мужчина в большей степени ориентируется на собственное предыдущее высказывание, а женщина на высказывания коммуникативного партнера. В том случае, если тематический фокус высказывания партнера по коммуникации не совпадает с их собственным, женщины стараются переориентировать последние, мужчины же воспринимают такую же ситуацию как отклонение от правильного хода беседы и продолжают строить свои высказывания с прежней тематической ориентацией (27, с.135).

Некоторые лингвисты, касаясь особенностей речевой стратегии полов, говорят, что женщина ориентирована на тактику "коммуникативного сотрудничества", а мужчина "коммуникативного соперничества" (27, с.135).

Если же рассматривать речь в текстообразующем плане, то установлены различия в схеме развития темы речевого сообщения и переключения с одной темы на другую. В речи мужчины тема обычно сразу же четко очерчивается, раскрывается без отступлений, переключение происходит резко, без видимых связующих звеньев, тогда как в речи женщины переключения преимущественно осуществляются постепенно, через связывающие высказывания, резкие границы между темами отсутствуют (13, с.111).

Интересные наблюдения были сделаны и в выборе тем разговора мужчиной и женщиной (44, 48, 54, 59, 105, 148, 166, 178, 214, 218).

Выяснилось, что мужские и женские предпочтения в выборе предмета обсуждения часто бывают весьма различны (267, 351, 254, с.203). Ч.Крамер, изучая американский фольклор, и в частности спонтанные беседы и диалоги, отметила, что мужчины в основном говорили о бизнесе, политике, праве, налогах, возрасте, домашних расходах, электронном подслушивании разговоров, церкви, человеческих отношениях (в основном об ухаживаниях), о пожертвованиях, бейсболе и собственном здоровье. Женщин же больше интересовали общественная жизнь, еда и напитки, повседневные заботы, порнография, забота о семье и образ жизни (351, с.123). Другой лингвист Х.Мур в 1922 г. с помощью скрытого магнитофона, установленного на одной из авеню г.Нью-Йорка (США), записывал диалоги случайных прохожих. Таким образом было отобрано 174 беседы и выяснилось, что мужчины между собой говорили о деньгах, делах (48%), развлечениях и спорте (14%) и о других мужчинах (13%). Женщины друг с другом говорили о других мужчинах (44%), одежде и украшениях (23%), о других женщинах и кто о чем сказал (16%) (205, с.212). В паре же "мужчина - женщина" 25% тем разговоров приходилось на развлечение и спорт, 22% деньги и бизнес, женщина с мужчиной в 22% обсуждали другого мужчину и в 13% другую женщину (288, с.214).

Аналогичные исследования уже на выборке из 481 человека проводились и в штате Огайо (США) и полученные данные полностью совпали с результатами Мура (288, с.125). А вот при исследовании речи (записей бесед) жителей Лондона (Великобритания) было установлено гораздо большее разнообразие в выборе тем диалогов (297, с.357).

Немецкий лингвист Е.Гофман, наблюдая спонтанные разговоры мужчин и женщин, отмечает, что многие "женские" диалоги "кажутся случайными, глупыми и бессмысленными, они друг с другом произносят как бы монологи, не интересуясь ничуть ответной реакцией собеседницы. У них даже наступает какой-то комфорт от того, что чувства, эмоции, мысли высказываются параллельно" (215, с.240). В диалогических парах "мужчина-женщина", "женщина-женщина", "мужчина-

мужчина" А.Бодини было замечено, что мужчины между собой беседовали дольше, приблизительно в 1.5 раза по сравнению с тем, когда мужчины говорили с дамой (139, с.140). В аналогичной ситуации женщины сокращали свой разговор в те же самые полтора раза. Было установлено, что когда мужчина говорил о женщине или женщина о мужчине, то интенсивность их речи заметно возрастала. По-видимому, эту особенность можно объяснить взаимным притяжением полов (138, с.132).

Оканчивая обзор различий прагматических характеристик мужского и женского вербального поведения, хотелось бы отметить такую особенность женской речи как стремление к употреблению "престижных", ориентированных на определенный, установленный обществом образец определенных норм и стереотипов речевого поведения (275, 378). Отсюда и более вежливый характер речи, и относительно меньшее количество ошибок на уровне грамматики и большая грамматическая оформленность речи (278, с.158, 148), стремление к употреблению большего количества иностранных слов, копирование в речи иностранного акцента, в то время как речь мужчины в этом плане представляется гораздо в большей степени небрежной (336, с.с.200-230). Интересный и в то же время парадоксальный пример по этому поводу можно привести из арабского языка (240, с.300). При изучении речи жителей г.Багдада в Ираке было замечено, что мужчины говорят на стандартном языке, а женщины пользуются особым диалектом арабского языка. Но вот именно использование этого разговорного диалекта и является престижным в современном арабском обществе. Более того, женщины в силу традиций ислама долгое время не имели доступа к пользованию нормативным арабским языком и, пользуясь диалектом, они старались приблизить его к стандартному, хотя и менее престижному варианту арабского языка (240, с.301).

Стремление женщин к престижности и манифестация этого в языке Р.Траджилл, например, объясняет несколькими взаимосвязанными факторами:

1. Женщина острее чем мужчина, чувствует свое социальное положение в обществе, оно менее стабильно, женщина, как правило, находится от мужчины в зависимом положении.
2. Мужчина обычно в обществе социально определяется по роду деятельности, профессиональным качествам, по заработку и, возможно, по каким-либо другим способностям. Словом, по тому, что он делает в обществе. Для женщины это не всегда возможно, и, как следствие, женщине необходимо чувствовать себя в обществе увереннее, в силу этого она лучше осведомлена о социальной значимости лингвистических средств и стремится как бы проявить и поддержать свой социальный статус при помощи языка (362, с.154).

Женщина в своей речи больше нежели мужчина ориентируется на литературные формы слов и образцы речи (363, с.23).

Помимо вышеизложенного, некоторые зарубежные языковеды (121, 131, 160) полагают, что, если для женщины характерной реакцией на социальную принадлежность является ориентация на "открытый" социальный престиж, т.е. на общепризнанные нормы социального и речевого поведения, то для мужчины сходная реакция может приобретать противоположный характер, связанный с тяготением на так называемый "скрытый" престиж, т.е. на отклонение от установленных норм и правил общения (31, с.108).

1.7 Причины, обуславливающие возникновения различий в вербальном поведении мужчин и женщин

Следует заметить, что причины проявления различий в речи мужчины и женщины могут быть обусловлены целым рядом факторов: социальных, психических, физиологических и т.д. Например, в речи наиболее выражено проявляются психологические различия между полами, детерминированные, по мнению некоторых ученых (2, 64, 55, 63, 82, 181, 229), биосоциально. Так, В.Е.Каган при изучении стереотипов "мужественности -женственности" полагает: "Что в отсутствие биологически заданных программ развития половая социализация просто бы не имела предмета, но реализация врожденных программ в свою очередь невозможна вне социализации, определяющей как саму возможность развития, так и социально-культурные векторы психосексуальной дифференциации" и естественно, что половозрастные закономерности представлений и установок мужественности-женственности являются прежде всего закономерностями усвоения и присвоения", интериоризации, существующих в той или иной культуре полоролевых стереотипов, и проявляющихся в непосредственном (и в частности языковом) поведении людей (56, с.56). В этой же работе при исследовании стереотипов "мужественности -женственности" и их связи с образом собственного "Я" у подростков ученый установил, например, что стереотипы у девочек опираются больше на эмоционально-коммуникативные, а у мальчиков - на инструментальные свойства личности (56). Данные различных исследований показывают, что мужчины превосходят женщин по скорости и координации движений, ориентации в пространстве, пониманию механических отношений, математическими и философскими способностями, а женщины превосходят мужчин по ловкости рук, скорости восприятия, счету, памяти, адаптивности и гибкости в мышлении и поведении, беглости речи и другим задачам, включающим речевые навыки (63, 95, 115). Среди основных личностных черт у мужчин в большей степени выражены агрессивность, мотив достижения, эмоциональная стабильность, а у женщин - социальная ориентация (115). Таким образом, твердо установлено, что женщины превосходят мужчин в вербальных способностях, мужчины же сильнее женщин по визуально-пространственным способностям. Исследования, проведенные под руководством Н.Н.Обознова по изучению свойств познавательной деятельности мужчин и женщин в возрасте от 20 до 25 лет, выявили следующее:

- общая осведомленность, отражающая интересы человека и свидетельствующая о его эрудированности, оказалась заметно выше у мужчины, также как и общая понятливость, отражающая сообразительность человека, как свойство его ума и личности;
- скорость концентрации внимания на сложных интеллектуальных задачах, наблюдательность, пространственные представления, вербальный, невербальный и общий интеллект также выше у юношей, причем существенно;
- словарный же запас, логичность практического мышления и его обобщенность в большинстве групп женщин превышает показатели мужских групп. В итоге из 14 исследованных показателей интеллекта только три имели более высокое значения в женской группе, а именно: показатели кратковременной памяти, словарного запаса, и адаптивности ума (115, 119, 133, 167, 181. 305).

В других исследованиях при анализе структуры личности в зависимости от уровня интеллекта было выявлено, что у женщин уровень интеллекта в первую очередь связан с особенностями эмоционально-волевой сферы: эмоциональной неустойчивостью, тревожностью и фрустрированностью (63). Считается, что энергетическая цена творческого усилия у женщин больше. Поэтому новые двигательные

и интеллектуальные задачи лучше решаются мужчинами (63). Но, сразу же следует отметить, что данные о психологических различиях между полами носят крайне противоречивый характер (63). Непонятно, какие психологические различия между полами установлены строго научно, а что основывается на ходячих мнениях и стереотипах массового сознания, какова степень этих различий, насколько разграничиваются мужские и женские качества, какова природа их происхождения (95).

Английские психологи Э.Маккоби и К.Джаклин критически проанализировали и обобщили большинство американских и западноевропейских исследований о половых особенностях восприятия, обучаемости, памяти, интеллекта, когнитивного стиля, мотивации, самосознания, темперамента, уровня активности и эмоциональности, общительности, доминантности и т.д. ...И достоверно установленных фактов оказалось даже меньше, чем принято было думать (267).

По мнению Маккоби и Джаклин, твердо установлено, что девочки превосходят мальчиков в вербальных способностях, мальчики сильнее девочек в визуально-пространственных и математических способностях; у мужчин выше уровень агрессивности (267).

Сведения о том, что девочки “социальнее” и более внушаемы, чем мальчики, у девочек ниже уровень самоуважения, девочки лучше справляются с простыми, рутинными задачами, тогда как мальчики - с более сложными познавательными процессами, овладение которыми предполагает преодоление ранее усвоенных реакций, мужской когнитивный стиль более “аналитичен”, чем женский, на девочек больше влияет наследственность, а на мальчиков - среда, у девочек слабо развита потребность в достижении, у девочек больше развито слуховое, а у мальчиков - зрительное восприятие, - кажутся необоснованными (267). Возможно, что скептические выводы Маккоби и Джаклин отчасти обусловлены их чрезмерной методологической придирчивостью, но психология не подтвердила и не опровергла валидности их исследований и по сей день (63, с.52). Но половые различия охватывают очень широкий круг свойств и отношений, межкультурной валидностью, по-видимому, обладает различие мужского стиля жизни как более предметного и инструментального от более эмоционально-экспрессивного женского стиля; это связано с особыми функциями женщины-матери и так или иначе преломляется в направленности интересов и деятельности, соотношения семейных и социальных ролей и т.д. Однако эти эволюционные универсалии существуют не сами по себе, а в исторически конкретной системе общественных отношений (63, с.52). Так, традиционная система дифференциации половых ролей и связанных с ним стереотипов маскулинности-феминности отличалась следующим:

1. Мужские и женские виды деятельности и личные качества различались очень резко и казались полярными.
2. Эти различия освящались религией или ссылками на природу и представлялись нерушимыми.
3. Мужские и женские функции были не просто взаимодополнительными, но и иерархическими - женщине отводилась зависимая, подчиненная роль, так что даже идеальный образ женщины конструировался с точки зрения мужских интересов (63, с.53).

Но, как считают Спенс и Хельмрайх, “классы психологических свойств и поведенческих структур, различающих мужчин и женщин в данное время и в данной культуре, не только множественны, но и могут иметь разные корни и относительно независимо варьировать у разных индивидов” (115, с.15).

Однако, например, в тестах по определению коэффициента интеллектуальности (IQ) неизменно выявляются различия между полами в средних величинах, и эти различия часто обнаруживаются уже в детстве. Девочки учатся говорить и читать раньше, чем мальчики, и гораздо реже сталкиваются с трудностями при обучении чтению. Среди детей, оказавшихся неспособными к чтению, мальчиков в четыре раза больше, чем девочек. И такое различие между полами многие ученые видят в организации структуры головного мозга мужчины и женщины (4, 11, 28, 82, 110, 269, 256, 294).

При изучении размеров, например *planum temporale*, в обоих полушариях на достаточно обширном материале вскрытий была получена информация, что, хотя более крупные размеры *planum temporale* в правом полушарии встречались сравнительно редко, в большинстве таких случаев мозг принадлежал женщине (11, с.120, 372). Эти возможные половые различия в анатомии мозга приобретают определенный смысл в связи с разницей в способностях, о которой говорилось выше; но особый интерес они вызывают в сопоставлении с данными о том, что повреждения мозга приводят у мужчин и женщин к разным результатам. Так, при различиях в последствиях повреждений левого полушария будет приводить к дефектам вербальных функций, а правого к дефектам пространственных функций.

Г.Ланселл, нейропсихолог, который занимался данной проблемой в течение многих лет, когда начал изучать последствия частичного удаления одной височной доли у больных обоего пола, обнаружил, что его прогноз оказался верным для мужчин, но не для женщин. Этот неожиданный результат заставил ученого предположить, что распределение функций может быть различным для женского и мужского мозга. Дальнейшие исследования подкрепили этот вывод. Ж.Мак-Глоун (280, с.200) обследовала 85 праворуких больных, у которого инсульт или опухоль мозга привели к повреждению левого или правого полушария. У мужчин поражение левого полушария вызывало афазия в три раза чаще, чем у женщин, и приводило к гораздо большему ухудшению вербальных способностей, определяемых по шкале Векслера (280). Хотя результаты невербальных субтестов у этих больных не выявили значительных различий в зависимости от пола или стороны повреждения мозга, при сравнении оценок, полученных по вербальным и невербальным субъектам, обнаружились резкие различия. У мужчин поражение левого полушария ухудшало результаты вербального теста в большей степени, чем невербального, а при поражении правого полушария получалось обратное соотношение. Для женщин сторона, на которой произошло поражение, не имела столь большого значения. У них наблюдались ухудшения, но они не коррелировали с поражением того или другого полушария. Следовательно, у мужчин специализация полушарий, по-видимому, выражена в большей степени, чем у женщин. Вероятно, у женщин вербальные и пространственные функции более широко распределены в обоих полушариях, тогда как у мужчин они более строго разделены - вербальные в левом, пространственные - в правом полушарии (280, с.190). Интересные эксперименты в этой области были проведены В.Ф.Коноваловым и Н.А. Отмаховой (64).

У мужчин и женщин в возрасте 20 - 30 лет изучалась электрическая активность мозга при запоминании 1) существительных, 2) музыкальных отрывков, 3) десяти двузначных чисел. На основании полученных данных было выдвинуто предположение, что мозг мужчины более асимметричен, что у женщин "речевые функции локализованы в обеих гемисферах . и это приводит к использованию ими преимущественно вербально-аналитической стратегии решения даже в невербальных задачах". Говорится о "большей выраженности различий в ЭЭГ правого полушария. Это объясняется тем, что левое полушарие "специализировано одинаково у мужчин и у женщин, именно для аналитического, последовательного вербально-логического мышления": правая же

гемисфера у мужчин “более специализирована в аналоговом, образном и пространственном мышлении, которое меньше представлено у женщин ввиду её большего участия в речевом поведении. Другими словами, специализация правого полушария у мужчин и женщин различна.

Существует мнение, что женский мозг подобен мозгу мужчины-левши и характеризуется пониженной (по сравнению с мозгом мужчины- правши) специализацией полушарий (64, с.68). Так, по данным Дж. Леви, левши, уступая правшам по перцептивным тестам, существенно превосходят их по показателям вербальной шкалы. Аналогичные результаты были получены в исследовании Х.Хид (225, с.364). Для объяснения этих результатов Дж.Леви предложила концепцию о несовместимости речевых и зрительно-пространственных функций в одном и том же полушарии.

Эта концепция строится на логическом допущении о том, что у левшей язык менее латерализован, чем у правшей. Если речевые функции у левшей недостаточно латерализованы, значит, они представлены не в одном, как у правшей, а в обоих полушариях. Следовательно, меньшая выраженность функциональной асимметрии мозга у левшей интерпретируется как проявление его симметричной организации, причем такой симметрии, при которой оба полушария обеспечивают осуществление речевых функций, т.е. работают как “два левых” полушария. Такая интерпретация используется не только для объяснения превосходства левшей по вербальным тестам, но и их низких результатов в перцептивных заданиях. Предполагается, что у левшей правое полушарие не может развить высокий уровень своих собственных, специфических функций, во-первых, потому, что оно уже занято речью, а во-вторых, потому что, согласно этой концепции, речевые и перцептивные функции не могут быть совмещены в одном и том же полушарии (цит. по 67, с.115-120).

Итак, если и существуют функциональные различия между специализацией полушарий у мужчин и женщин, то как и когда они возникают ?!

По мнению Нормана Гешвинда, уже на шестой неделе жизни человеческого зародыша образуются гонады, или половые железы, которые вначале одинаковы у обоих полов. Если плод мужского пола, то уже на третьем месяце внутриутробного развития под влиянием одного или нескольких генов Y-хромосомы начинают дифференцироваться в семенники, которые приступают к секреции мужского гормона тестостерона. Хотя тестостерон в небольшой концентрации имеется и у плода женского пола (так как в некотором количестве он образуется в организме матери), содержание этого гормона у мужского плода после формирования семенников сильно возрастает (11, с.191). Норман Гешвинд полагает, что именно тестостерон влияет на скорость пренатального роста полушарий развивающегося мозга и ответственен за возможные различия в строении мозга у мужчин и у женщин. Высокое содержание тестостерона в период внутриутробного развития, по мнению Гешвинда, замедляет рост левого полушария у мужского плода по сравнению с женским и способствует относительно большему развитию правого полушария у лиц мужского пола (11, с.193).

Исследования русских ученых Г.П.Удаловой, Т.В.Черниговской, Н.Н.Николаенко, В.П.Деглина, В.А.Балонова (4, 67, 110, 86) и др., экспериментально изучавших связь асимметрии межполушарных различий с полом индивида и вероятности реализации этих различий в речи, установили следующее:

К 4 - 5 годам мозг ребенка становится похожим на мозг взрослого по очень существенной детали своего строения. Эта деталь - асимметричность высших функций правого и левого полушарий. Пока не достигнут “критический возраст” оба эти полушария способны воспринимать речь и управлять ею (67). Но как только развитие маленького человека перешло определенный порог, одно из полушарий теряет эту способность, становится, так сказать немым. Это происходит постепенно, но следует

подчеркнуть, что именно в момент латеризации у девочек вербальные способности почти полностью сосредоточены в доминирующем полушарии в силу более быстрого роста и развития их мозга в отличие от мальчиков (4, с.100) Во взрослом же возрасте максимальная ФАМ (функциональная асимметрия мозга) была обнаружена у мужчин (4, с.120, 82).

Изучалась также речь билингвов и монолингвов обоего пола в условиях преходящего угнетения одного полушария, вызванного лечебным унилатеральным электрошоком (86, 67, 110). Исследовалась возможность использования родного языка, и второго, выученного позже как иностранный. Угнетение левого полушария приводило к доминированию родного языка и к игнорированию второго языка, к невозможности пересказа текста и неспособности к метаязыковым операциям на этом языке, причем у мужчин этот процесс был выражен гораздо ярче. Угнетение правого полушария сказывалось в игнорировании родного языка и в отчетливом доминировании второго: в спонтанной речи, в пересказах текста и при метаязыковых операциях, хотя женщины (все-таки минимальный процент испытуемых) все же могли пользоваться двумя языками сразу. Исследователи полагают, что порождение высказывания на родном языке связано с правым полушарием, а окончательное грамматическое и фонетическое оформление высказывания с механизмами левого полушария (67, с.118). Для второго языка все эти этапы обеспечиваются только, по-видимому, механизмами левого полушария. Хотя данное утверждение, на наш взгляд, слишком категорично и небесспорно, но других исследований по данному вопросу найдено нами не было вообще. А вот при изучении речи монолингвов в условиях преходящего угнетения одного из полушарий было выявлено, что угнетение левого полушария приводит к упрощению синтаксиса высказываний, нарушению понимания грамматики сложных предложений, а при метаязыковых операциях (термин, используемый автором данного исследования) - к усилению опоры на семантику и утрате значения языковой формы. При угнетении правого полушария, напротив, усложняется структура высказываний в ущерб соотнесенности их с внеязыковой действительностью, улучшается понимание сложных конструкций, а при метаязыковых операциях это приводит к усилению опоры на языковую форму и утрате значения семантики. Таким образом, по мнению исследователей, левое полушарие склонно к внутриязыковым трансформациям, оно “понимает” и активно пользуется сложными грамматическими конструкциями, но для него менее важно семантическое наполнение речевой конструкции. Правое полушарие хранит конкретные значения слов, простейшие базисные синтаксические конструкции, оно ориентировано на “сюжет”, а не на форму. Полученные экспериментальные данные позволили исследователям сделать следующие обобщения, относительно речепорождающего процесса с позиций генеративной семантики. Можно полагать, что физиологические механизмы правого полушария обеспечивают формирование глубинно-семантических структур высказывания, тогда как левое полушарие ответственно за постсемантические процессы - трансформацию глубинных структур в поверхностные, уже оформленные и грамматически, и фонетически. Угнетение деятельности одного из полушарий и реципрокное облегчение деятельности другого приводит к усилению того или другого “полюса”. Нормальное взаимодействие обоих полушарий обеспечивает адекватность речепорождающего процесса на всех его этапах (67, с.115).

Исследования же в области ФАМ последних лет показали, что функции полушарий неравны в формировании не только фонетического, но и морфологического, лексического, синтаксического и семантического уровней языка. Участие в организации речевой деятельности правого и левого полушарий “осуществляется при постоянном и гибком их взаимодействии, обеспечивает возможность двоякого познания внеречевой действительности, создавая целостный

чувственно-иконический образ мира и проверяя его истинность через построение рациональных и логических моделей” (110,с.34). А В.Л.Деглин формулирует гипотезу о семиотической природе функциональной асимметрии мозга, согласно которой последняя выявляется только при обработке знаковой информации и отсутствует при обработке информации, не имеющей знакового характера. Ведущим, по мнению ученого, является принцип семиотического дублирования: объективная реальность получает в сознании двойное отражение: мозг параллельно создает две знаковые модели мира: правое полушарие - иконическую, а левое - символическую (95, с. 56).

Итак, полагая, что мужчина воспринимает речь преимущественно левым полушарием, а у женщин речевые функции размещаются в обоих полушариях головного мозга, т.е. у женщины мозг менее асимметричен, то становятся понятными и различия в речи, обусловленные половой дихотомией.

При изучении гетерогенности языкового сознания и его связи с ФАМ были получены экспериментальные данные, говорящие о том, что при оперировании вербальным материалом левое и правое полушария используют принципиально разные стратегии. Если стратегия левого полушария логическая, конвенциональная, то стратегия правого - метафорическая и ассоциативно-эмоциональная (256, с.364). Учитывая упомянутое выше, становится понятным и более высокая эмоциональность и метафоричность женской речи. В то же время отмечается, что при решении пространственно-визуальных задач у мужчин специализация правого полушария выражена ярче (225). Этим, по-видимому, может быть объяснено превалирование в речи мужчин пространственно-временных характеристик. Кроме того, было установлено, что “левое полушарие опознает обобщенно, абстрактно, правое же - целостно, во всем богатстве признаков, т.е. возможно более конкретно” (269, с.157). Этой особенностью левого полушария в свою очередь объясняется, что при сходстве описываемой ситуации для мужчин в большей степени характерно использование абстрактных существительных и глаголов, а в речи женщины отмечается преимущественное употребление конкретных существительных и качественных прилагательных. Синтаксические различия в речи полов некоторые авторы также склонны объяснять за счет левополушарного доминирования мозга мужчины (256, с.365). Этим же фактором предопределяется, на мой взгляд, и некоторая неадекватность в восприятии вербальной информации, а также большая аналитичность мышления у мужчины и синтетичность у женщины (292, с.301, 328, с.168).

На мой взгляд, заслуживает внимание и теория “процессора половой дихотомии”, разработанная А.М.Холодом для объяснения реализации полового диморфизма в речевом поведении или же прагматику мужской и женской речи (106-108).

Ученый предположил, что стиль мужчины и стиль женщины должен быть “отмечен” своими маркерами. Теория основывается на том положении, что речевая деятельность - это один из видов общей психической деятельности. А.М.Холод полагает, что сексуальная деятельность так же как и речевая является одним из видов общей психической деятельности, т.е. они функционируют в ее рамках как элементы одной системы. Следовательно, подобная взаимообусловленность имеет характерную маркированность (107, с.14-15). Способом реализации сексуальной деятельности выступает речевая деятельность. Отсюда следует, что наличие некоторых характерных особенностей в стиле обусловлено функцией процессора половой дихотомии (сокр.: ППД) (107, с.14-15).

Ученый считает, что ППД - это один из элементов универсального предметного кода (УПК, по Н.И.Жинкину), который ответственен за формирование символьных схем и кодов на речевом этапе в соответствии с принадлежностью индивида к одному из полов в дихотомии *мужской - женский* (107). Суть ППД сводится к следующим положениям:

1. ППД отражает психическую дифференциацию в мышлении индивида в связи с критерием принадлежности этого индивида к определенному биологическому полу.
2. Механизм подобной дифференциации основан на психических, биологических и социальных признаках определенного пола.
3. Средствами выражения функций ППД в языке могут выступать фонетические, словообразовательные, морфологические, синтаксические единицы; в речи - характер вокализации, предметная соотнесенность морфем с полом как результат репрезентации, грамматическая селекция морфологических категорий в связи с полом носителя языка; “мужской”, “женский” стили речи, диалогическая стратегия, селекция синтаксических структур как средств отражения антропоцентрических характеристик носителя языка и т.п.
4. ППД гипотетично выражен в символах универсального предметного кода. Средствами такого выражения могут быть как лингвистические, так и паралингвистические формы...
5. Поскольку предметно-образный код универсален, что ППД с разнообразными средствами и формами выражения (паралингвистическими, лингвистическими) в различных культурах выступает также в качестве универсального.
6. ППД базируется на процессах половой дихотомии. Такой аспект гипотетично глобален и связан с базовыми характеристиками человека.” (107, с.14-15).
А.М.Холод также полагает, что мужчина и женщина имеют “свой” “картины мира”. К понятию “картина мира” относятся мировоззрение, система оценок окружающей действительности, стереотипы социального поведения, соответствующие определенным психологическим установкам, и подобные “мужские” и “женские” картины мира во многом определяют стиль поведения индивида, его ориентацию в условиях вербальной коммуникации, восприятия предметов и явлений окружающей действительности. Мужской стереотип поведения (или стереотип маскулинности) ни в коем случае не соответствует женскому стереотипу поведения (или стереотипу феминности) (107, с.15).
Различия между этими стереотипами, по мнению А.М.Холода, и составляет основу непохожего друг на друга восприятия мужчинами и женщинами речевого высказывания как психологической экспликации внешнего мира (37, с.16).

А.М.Холод также полагает, что механизм половой дихотомии “реализует свои функции в употреблении, например, грамматической категории рода в русском языке” (107, с.14, 36).

Но в области исследования закономерностей функционирования мозговых полушарий у женщины и мужчины, различий в специализации высшей нервной деятельности и их влияния на вербальное поведение полов сделано на сегодняшний день крайне мало и всевозможные результаты, полученные для различных языков, крайне противоречивы, фактически все исследования находятся на начальной стадии. Необходимо знать намного больше о психофизиологических особенностях устройства человеческого мозга, чтобы понять как ““половые составляющие” внедряются в поведение и мышление человека и определяют в целом его речевое поведение” и почему данный процесс имеет столь необратимый характер (120, с.130).

Но по какой схеме происходит психосексуальная дифференциация вообще, что делает мужчину мужчиной, а женщину женщиной, что больше оказывает влияние биологические или же социальные факторы?

1.8 Формирование вербальных различий в онтогенезе

На наш взгляд, наиболее четко дихотомия “мужской/женский” объясняется и вкладывается в модель Мани (цит. по 63, с.48). Данная модель описывает последовательность и взаимосвязь психосексуального развития и половой социализации. Сразу же следует заметить, что сейчас в науке не противопоставляются одни факторы другим (например, генетические - средовым, врожденные - приобретенным, биологические - психологическим, а скорее рассматривают их взаимодействие (315, с.117). Психосексуальное развитие индивида и половая социализация изучаются комплексно, в своем развитии и взаимовлиянии. Первое (психосексуальное развитие) описывает процесс превращения человеческого индивида в мужчину или женщину, второе (половая социализация) изнутри от пренатальной стадии до формирования личности описывает этот процесс как бы снаружи, со стороны социальных институтов и культурных норм, последовательное усвоение которых формирует соответствующие свойства личности.

Все эти процессы находят свое отражение и проявление в речевой деятельности (315, 316).

И, естественно, формирование различий в вербальном поведении индивидов, начинается с самого детства, где на всех этапах развития ребенка обнаруживаются различия в его вербальном поведении, связанные с полом (2, 3, 5, 105, 110, 158-161, 186, 194, 217, 217, 265, 28, 306, 316, 349).

Различия в языковых навыках у детей проявляются на первом году жизни ребенка: принято считать, что девочки начинают говорить раньше мальчиков; в возрасте полутора лет они делают в речи меньше грамматических ошибок, чем мальчики. Болезни, связанные с нарушением речевых функций, афазии и алексии, встречаются значительно чаще у мальчиков: на каждую девочку приходится от 4 до 8 мальчиков. Считается, что у девочек лучше развиты дикция, у них больше словарный запас, они свободнее, чем мальчики, строят высказывания (2, с. 101).

Некоторые исследователи утверждают, что причина более высокого развития языковых способностей у девочек не генетическая, а социальная: девочкам условия более благоприятствуют, чем мальчикам, т.к. девочки видят перед собой социальную модель (мать), которой надо продолжать, следовать. К тому же именно игры девочек требуют большего количества речевых актов: в своем воображаемом мире они больше говорят, спрашивают, объясняют, поучают и т.п., чем мальчики (185).

Д.Эдер и Халинан М. провели одно примечательное исследование детских игр в различных возрастных группах. Резюмирующими стали следующие положения:

1. Девочки чаще играют дома.
2. Мальчики играют больше группами. В их группы входит больше детей разных возрастов.
3. Девочки существенно чаще мальчиков играют в “мальчишеские” игры, чем наоборот.
4. Мальчики в играх соревнуются чаще девочек.
5. Игры девочек короче игр мальчиков.

6. В “мальчишеских” играх ролевые установки идут с позиции силы, в играх у девочек по принципу дружеской близости.

7. Идея “лучшей подруги” является для девочек центральной (185, с.223).

Довольно любопытное исследование *спонтанной* детской (в возрасте 9-11 лет) речи (что очень ценно) было проведено на материалах центра Crediff. Предмет исследования - половой диморфизм детской речи во французском языке (3, 2). Для изучения было выбрано 6 диалогов мальчиков и 6 диалогов девочек. Результаты исследования (изучалась фонетика, грамматика, синтаксис и особенности речевого рисунка в целом) показали следующее: выбор тем у девочек и мальчиков был неодинаков. Темы, выбранные девочками, предполагали сиюминутные интересы: отношения к подругам, характеристики учителей, одежда, игрушки. Мальчики же предпочитали более абстрактные темы и делились своими познаниями о космосе, истории, окружающем мире, причем, при описании темы, например фильма, мальчики просто описывали увиденное, а девочки выражали к этому свое отношение (2, с.104-106). Исследование подтвердило и более высокую эмоциональную окраску речи девочек (2, с.110). Общее количество междометий, употребленных девочками, в 1,58 раза превышает этот показатель у мальчиков. Наиболее часто встречающиеся в речи девочек междометия: oh!, ah!, mon Dieu!, oh la la! (фр.), а также междометия, выражающие колебания, неуверенность: heu, hein. Зато мальчики, со свойственным им стремлением передать *действие*, а не описать *событие*, чаще прибегают к междометиям - ономатопеям, которые прежде всего заменяют в их речи глаголы-действия (2, с.104).

Изучался и синтаксис детской речи (5, 217). Было установлено, что у девочек более частое употребление безличных предложений и существует определенная разница в употреблении сложноподчиненных предложений (5, с.5).

Помимо вышесказанного было установлено, что фонетические различия в речи мальчиков и девочек, говорят в пользу девочек. Их произношение более мобильно, они легче усваивают престижные формы произношения.

О том, что речь девочек стройнее и совершеннее речи мальчиков, говорило следующее: девочки почти в 1,5 раза реже мальчиков использовали повторы слов во фразе, обрывали фразы, были нерешительны и затруднены в речи (3, с.7). Во время проведения эксперимента исследовательница неожиданно столкнулась с таким фактом: существенными различиями в речи мальчиков и девочек при обращении к собеседнику. Такие обороты, как “tu sais”, “tu vois”, “tu trouves” постоянно встречались в речи девочек и были крайне редки у мальчиков. Общее количество обращений в речи девочек было в 3 раза выше, чем у мальчиков. Речь девочки была также более грамотна. Мальчики в своей речи допускали грубые грамматические ошибки. В речи же девочек подобных ошибок встречено не было, напротив, для них были характерна ошибка, связанная с так называемой гиперкоррекцией - излишней тщательностью в языке (3, с. 6).

Исследование, проводившиеся на материале украинского языка, где возраст исследуемых детей составлял 7 - 8 лет, показало, что разнополые носители языка неодинаково используют простые предложения в письменной речи (5). Изучалось количество простых предложений в сочинении - описании и качество структуры простого предложения (нераспространенное, распространенное, двусоставное, односоставное). В результате интерпретации данных эксперимента было отмечено:

1. Испытуемые мальчики и испытуемые девочки в равной степени использовали простые предложения в тексте-описании;
2. В письменной речи испытуемых мальчиков преобладали простые односоставные нераспространенные предложения, а в письменной речи испытуемых-девочек преобладали простые односоставные распространенные предложения.

Итак, как мы видим, рисунок мужской и женской речи вырисовывается уже в раннем детстве. Наиболее интенсивно, по мнению многих исследователей (368, 193. 155, 156), этот процесс происходит в возрасте с 5 до 10 лет и обуславливается упомянутыми выше факторами.

1.9 Влияние социальных факторов на процесс формирования различий особенностей мужского и женского вербального поведения

Важное значение на формирование и проявление различий в речевом поведении оказывает и социальная среда. Неравенство в сфере трудовой деятельности, различия в уровне образования, общественном положении и т.д. приводит к существенным расхождениям в вербальном поведении обоих полов. Так, главенствующее положение мужчины в обществе определяют некоторые особенности его дискурса, а женщина в силу своей некоторой социальной “ущемленности” очень чувствительна к своему общественному статусу, который она пытается поддерживать и с помощью лингвистических средств (ее ориентированность на “престижные” формы слов, суперкоррекция в речи и т.д.) (267, 245).

Такие социальные составляющие как уровень образования, социальное окружение, возраст, например, влияют на степень проявления различий (227, с.47. 229, 335, 336). П.Траджилл в монографии, посвященной проблеме взаимосвязи половой дихотомии и социума, отметил следующий факт: чем уровень образования выше, тем больше стираются границы различий в вербальном поведении мужчины и женщины (363, с.132). У представителей средних слоев наблюдается самая высокая степень различий в речи мужчины, а также самая высокая ориентация женщины на “корректные”, престижные формы языковых структур (364, с.130-156). В возрасте 30 - 35 лет, как было замечено, различия между полами проявляются наиболее контрастно (267, с.211).

Различное участие в трудовой деятельности иногда приводит даже к тому, что женщины, оказавшиеся в ситуации двуязычия, могут понимать другой (неродной) язык, но не пользоваться им как средством коммуникации (223, 34, 186, 269). Примечательный пример по этому поводу приводится в работе (234). При изучении языковой ситуации в эмигрантской среде г.Нью-Йорка (США), а именно: переселенцев из Панамы, было замечено, что мужчины к концу первого года проживания практически свободно изъяснялись по-английски. Женщины же в силу того, что они не работали и сфера их интересов ограничивалась домом и магазинами, где они говорили исключительно по-испански, спокойно понимали английскую речь, но сказать на ней что-либо представляло для них существенную трудность (234, с.130).

С.Хардинг, специалист в области примитивных языков (под примитивными языками имеются в виду языки, обслуживающие общественно-политический строй с низким уровнем экономического и социального развития), утверждала, что в каждом обществе женщины по каким-либо параметрам говорят отлично от мужчин. Особенно резко этот контраст проявляется в примитивных языках, где различия в трудовой деятельности и социальном положении мужчин и женщин наиболее велики (цит. по 224,

с. 147). Но, если, например, сфера деятельности у мужчины и женщины совпадает, то различия в вербальном поведении существенно сглаживаются (163, с.15-16).

Важное влияние на формирование языковых различий оказывает и то, что женщина с детьми говорит и общается больше и оказывает на них языковое воздействие именно в тот период, когда закладываются основы речевых навыков (235, 265, 303, 306).

Урсула Пипер изучала в немецком языке речь родителей с детьми 2-3 лет во время игры и, соответственно, их вербальное влияние на процесс латеризации (306). Она установила следующее:

- мужчины чаще начинали разговор с детьми;
- мужчины произносили больше реплик и они длились дольше;
- мужчины делали больше утверждений и поощряли детей и меньше чего-то запрещали;
- говорили более небрежно;
- определяли тему беседы;
- их речь была меньше персонифицирована;
- употребляли больше вульгаризмов и императивов;
- в их речи встречалось меньше слов с уменьшительными суффиксами.

Характеристики речи женщины являли собой “зеркальное отражение” перечисленных выше черт, т.е. в их речи было все наоборот (306, с.72-75). Мамы с детьми общались через диалог, а папы произносили монологи, которые длились значительно дольше женских реплик (306, с.78). Были обнаружены и различия в количестве и типе использования личных глаголов (306, с.76-77). Отцы употребляли их чаще, а матери более разнообразно. Мужская речь отличалась большим количеством употреблений определенного артикля, а женская неопределенного, а также более частого использования отрицательных и вопросительных предложений и междометий (76, с.74). Но проследить непосредственное влияние этих особенностей на возникновение речевых навыков у ребенка исследовательнице не удалось.

Если же брать школьный период жизни ребенка, то было замечено, что школьные учителя (как мужчины, так и женщины) с мальчиками (если классы смешанные) разговаривают во время урока чаще, более того, на такие формы поведения как одобрение и неодобрение, обращение и восприятие сказанного ребенком мальчиком, а не девочкам уделяется гораздо больше времени (327, 157).

Но мы хотим подчеркнуть еще раз, что половая дифференциация в речи говорящего есть результат влияния трех факторов : биологического, психологического и социального. На наш взгляд, кажется несколько неправомерным, утверждать, что только психологические (имеется в виду концепция А.М.Холода) или социальные (Е.М.Бакушева) факторы оказывают влияние на половую дифференциацию вербального поведения. Так, физиологические особенности речевого аппарата могут влиять на произношение или различия в тембре и тоне мужского и женского голоса. Психологический фактор существенен для произношения, например специфическое женское произношение может быть связано с манерами, кокетством, жеманством, на уровне эмоциональности речи этот фактор также оказывает решающее влияние. А вот А.Бодини полагает, маркировка пола в языке опирается на самооценку носителя языка половых различий и на стереотипы их языкового поведения и этим объясняет такую особенность женского произношения как гиперкоррекция (138, с.с.145-150).

Выяснить же корреляцию всех перечисленных факторов и установить, что оказывает большее влияние на язык, а что меньшее, и на что именно (на какое различие) и для какого языка еще предстоит выяснить, и я не уверена, что для каждого случая будет найдено однозначное решение. Язык слишком сложная структура для нашего понимания и формализации и крайне опасно упрощать наблюдаемые языковые явления или же делать их “подгон” к той или иной теоретической модели. Ведь именно упрощения и недооценка наблюдаемых явлений, противоречивость во мнениях и путях исследования различий привели к картине крайней противоречивости и неоднородности как данных, так и их интерпретации по вопросу прагматики мужского и женского стиля.

1.10 Противоречивость и неоднородность полученных данных по дифференциации мужского и женского стиля речи

Ряд ученых, начиная с О.Есперсена, утверждали, что словарь женщины более концентрирован, централен, женщины менее разнообразны в выборе слов, причем данное утверждение, касалось не только английского, но, например, русского (68), французского (3) и вьетнамского языков (84, 85), а вот С.Силверманн, проводивший изучение “мужского” и “женского” словаря с помощью метода TTR (Type Token Ratio) в 1994 году после подсчета количества различных слов, употребляемых мужчиной и женщиной, пришел к противоположному результату (356, с.234-247). Словарь женщины не был центральнее словаря мужчины, он также не обнаружил большую речевую готовность (быстрота ответной речевой реакции) у женщин и ее многословия (количество слов, произнесенных за определенный речевой период) (356, с.240). Результаты А.П.Мартынюк (76) при исследовании устной украинской речи также показали, что мужчины говорили больше женщин как по времени, так и по объему сказанного. Из трех часов записанной речи мужчины использовали 1,6 часа, а женщины соответственно 1,2 часа. Средний речевой период мужчины (непрерывная серия высказываний) состоял из 11,5 высказываний, в то время как такой же период у женщины содержал 4,7 высказывания (76, с.с.134-135). А.П.Мартынюк были найдены и противоречия, касающиеся использования полами оценочных выражений (мужчина употребляет их больше) и наречий, выражающих различную степень уверенности говорящего (у мужчин их также больше) (77, с.4). Установленные противоречия, по мнению ученой, свидетельствуют о том, что “в другой этнокультурной модели дифференциации вербального поведения получает другое выражение” (75, с.151). Или, например, в английском языке мужчины считаются инициаторами лингвистических изменений (164, с.234), а во французском - женщины (292, с.240). В одних работах женщины употребляют больше восклицательных и “хвостовых” вопросов, а в других исследованиях данный тип вопросов считается чисто мужской преференцией (155, с.78, 176). Тоже самое можно сказать и о частоте использования прилагательных, существительных и других частей речи, особенностей синтаксиса и т.д. Следует отметить, что некоторые различия были только гипотетично предсказаны, но так и не получили своего экспериментального подтверждения. Сейчас, по мнению некоторых лингвистов (292), изменения в вербальном поведении полов можно найти скорее на таких абстрактных уровнях как фонологический или же синтаксический, чем искать их в лексике или морфологии (353, 356). Также на степень проявления различий влияет и специфичность задач, стоящих перед коммуникантами. Ряд исследователей полагает, что чем специфичнее решение речевой задачи, тем меньше проявляются в речи полов различия (365, с.290). При оценке различий в вербальном поведении полов нужно иметь в виду и обстановку самого коммуникативного акта в целом: пол говорящего, пол слушающего, пол человека, о котором ведется, например, разговор и т.д. (379, 377). Более того, процесс формирования различий протекает в языке крайне медленно (376, с.134). Различия в речевом поведении полов уходят корнями в прошлое и в большинстве

случаев мы не располагаем какими-либо знаниями по возникновению той или иной особенности речевого поведения мужчины или женщины (376, с.201). О многих из причин в худшем случае можно догадаться, в лучшем связать их с последовательностью исторического развития. При этом нужно учитывать, что социальные, биологические и другие процессы протекают крайне медленно и может пройти сотни лет, прежде чем какие-либо изменения в вербальном поведении полов станут ощутимыми.

Подводя итог изложенному, следует подчеркнуть, что, несмотря на все различия в речи мужчины и женщина говорят на одном языке, разделяют один и тот же набор лингвистических норм. В одном языке эти различия видны контрастнее, как, например, в японском (330) или в арабском (239), в другом менее ярко - как в русском (39-42, 68), но все эти различия укладываются в систему одного языка. Различия как в письменной, так и в устной речи обоих полов “носят не инвентарный, а вероятностный характер, т.е. связаны не с наличием различных стратификационных переменных, а с относительной частотой их появления в речи. Неодинаковая частота их появления в речи является не только прямым следствием половой принадлежности автора”, но и проявлением воздействия целого ряда факторов, перечисленных выше (31, с.116). Как считает Е.М.Бакушева, идеальные результаты в анализе речеполовых различий возможны только при симметрии всех характеристик индивида, исключая фактор пола. Так как в реальной жизни мы постоянно сталкиваемся с наложением ролей, например, статусных (пол) и позиционных, ситуационных и т.д., то “обязателен учет воздействия одних социальных факторов на другие. Однако наиболее сильным среди социальных характеристик, определяющих, в конечном счете, речевое взаимодействие коммуникантов, является их статусно-ролевое соотношение.” (3, с.6).

Интересен и тот факт, что в большинстве исследований именно мужская, а не женская речь бралась за основу, эталон. Все особенности и различия женской речи рассматривались как девиации от этой нормы (360, с.с.235). В силу этого речевое поведение мужчины осталось гораздо менее изученным, чем вербальное поведение женщины, а проблема отношения (норма и дихотомия “мужское-женское”) в известных мне работах не рассматривалась. Мы бы хотели также обратить внимание на тактику проведения экспериментов, связанных с дифференциацией мужского и женского стиля речи (344), например влияние пола экспериментатора на валидность данных эксперимента.

Дж.Йорт исследовал влияние данного фактора на испытуемых подростков (юношей) (344). Половина из них выполняла задание (кодирование символов) под руководством мужчины-экспериментатора, а вторая - под руководством женщины - экспериментатора (обе группы были уравнены по мотивационной структуре). В последствии лишь экспериментатор - женщина могла рассчитывать на сотрудничество своих испытуемых в последующих сериях экспериментов. В целом же достигнутые результаты были выше в случае экспериментатора-мужчины.

Также и интерпретация полученных данных о различиях контрастирует с трудностью их экспериментального получения и исчерпывающего описания. Да и при процессе самой интерпретации довольно сложно понять, где работают лингвистические знания, а где “знания об окружающем мире и его законах” (359, с.234). Достаточна сложна и математическая обработка полученных результатов, проверка их на статистическую валидность. Мы обратили внимание и на то, что при выделении и дифференциации характеристик мужской и женской речи в очень редких случаях проводилось вероятностно-статистическое исследование. Как правило, все ограничивалось лишь простым арифметическим подсчетом встречаемости тех или иных речевых структур (68). Поэтому крайне важно при обработке результатов эксперимента подобрать адекватный статистический и вероятностный аппарат.

1.11 Имитация речи лица противоположного пола (судебно-автороведческий эксперимент)

В заключении описания проблемы половой дихотомии и ее речевой реализации я бы хотела остановиться на описании одного крайне интересного эксперимента из области судебного автороведения. Диссертационное исследование, о котором я хочу рассказать, было посвящено искажению автором своей письменной речи путем ее имитации или же нивелировки им своего собственного стиля (38). И как частная задача в данном исследовании решалась проблема установления имитации речи лица противоположного пола и давались методические рекомендации по установлению такого вида искажения. Чтобы прийти к выводу о факте имитации речи лица другого пола нужно установить какой комплекс классификационных признаков (термин из судебного автороведения, означает идентификационные характеристики) женской и мужской речи является броским, часто встречающимся и легко поддающимся имитации, а каким признакам речи подражать сложнее, что обусловлено глубинными процессами порождения речи и не может быть спрятано, замаскировано (38, с. 96). В результате довольно сложного отбора образцов и статистической проверки выделенных признаков было выделены комплексы признаков, говорящих об имитации речи мужчины или же женщины, а также устанавливающих пол истинного автора искаженного текста (38, с.45-118). Автор рассматриваемой работы считает, что “общий признак”, говорящий об имитации речи женщины (мужчины) один: наличие в тексте, составленном от лица женщины (мужчины), характеристик, в большей мере отражающих психолингвистические навыки мужской (женской) письменной речи (38, с.96)

К психолингвистическим навыкам мужской письменной речи относится: использование армейского и тюремного жаргона (в силу специфики объектов судебного автороведения), наличие множества абстрактных существительных, широкое употребление пространственно-ориентационной лексики, вводных слов, чаще имеющих характер констатации или утверждения (“конечно”, “очевидно”, “несомненно”), употребление слов с наименьшей эмоциональной индексацией при передаче состояния, чувства, оценки предмета или явления, при выражении отношения к чему- или к кому-либо, сочетания официально и эмоционально маркированной лексики при обращении к родным и близким людям, использование газетно-публицистических клише, употребление нецензурных слов как вводных (“Любовь, блядь, нашел”), однообразия используемых нецензурных слов, а также преобладания нецензурных слов и конструкций, обозначающих действия и процессы, однообразие лексических приемов при передаче эмоций, преобладание глаголов активного залога и переходных (“отстегнул бабки”, “трахнул телку”, “оттаранил ее в постель”), несоответствие знаков препинания эмоциональному накалу речи и т.д.

К психолингвистическим навыкам женской письменной речи могут быть отнесены следующие признаки: наличие множества вводных слов, определений, обстоятельств, местоименных подлежащих и дополнений, а также модальных конструкций, выражающих различную степень неуверенности, предположения, неопределенности (“может быть”, “по-видимому”, “по-моему”), ориентация на престижные, эталонные формы, в том числе различного рода словесные клише, книжную лексику (“испытывал чувство гадливости и брезгливости”, “резкий разговор”, “силуэты подростков”), использование эмоционально-нейтральных слов и выражений (эвфемизмов) вместо синонимичных им слов и выражений (“нецензурно выражался” вместо “матерился”, “в нетрезвом виде” вместо “бухой”), употребление оценочных слов, высказываний вместо называния лица по имени или конкретного указания на объект (“эта сволочь”, “эти подонки”, “те подружки”), использование слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами (“курточка”, “парочка”, “скамеечка”, “родненький”, “миленький”),

поэтичность, образность речи при описании чувств, многообразие инвектив, говорящих о том, что каждому из них придается особый смысл, оттенок, их эмоциональная окрашенность, выражающаяся в акцентуации их с помощью усилительных частиц, наречий, прилагательных и иных средств (“и какая же ты, блядь,” “поебали как положено”, “блядище”, “горячая ебля”), инвективы, как правило, задевают биофизиологические характеристики женщины: возраст, внешность, сексуальность, часто в инвективах ключевыми словами выступают названия животных (“пестеря глухая”, “баран малахольный”), преобладание ругательств-существительных, частое употребление глаголов в пассивном залоге (“Ивана напоют самогоном”, “Забирают ее с работы каждый день на тачке”), частое использование конструкций “наречие + наречие” для усиления экспрессивного, эмоционального эффекта (“слишком безжалостно”, “очень хорошо”), наличие множества различных усилительных частиц, преобладание простых и сложносочиненных конструкций и конструкций с “двойным отрицанием”, частое использование знаков пунктуации, а также высокая эмоциональная окраска речи в целом.

Следует отметить, что информативность каждого выделенного признака устанавливается параллельно двумя методами: с помощью статистического анализа (вычисления отношений коэффициента внутригрупповой корреляции к коэффициенту внегрупповой корреляции) и экспертных оценок путем анкетирования экспертов. Информации о надежности работы приводимой методики в судебном автороведении и с какой долей вероятности диагностируется пол автора искаженного текста в моем распоряжении не имеется. Но, я бы хотела подчеркнуть, что только в рассматриваемой работе из области судебного автороведения была предпринята первая попытка построить модель мужского и женского вербального поведения на основе русской письменной речи. На анализе данной работы я бы хотела окончить теоретический обзор состояния проблемы дифференциации мужского и женского вербального поведения на данный момент.

Как видно из изложенного, в лингвистике уже существует достаточная экспериментальная и методическая база для построения модели мужского и женского речевого поведения: накоплен обширный эмпирический материал в различных языках из нескольких языковых семей по констатации существующих различий между мужской и женской речью (как письменной, так и устной), изучено влияние и корреляция психофизиологических и социальных факторов на речевое поведение полов в целом, рассмотрена проблема возникновения и формирования особенностей и закономерностей мужского и женского речевого поведения.

Поэтому основным предметом последующих глав диссертационного исследования стало экспериментальное изучение характеристик женской и мужской речи. Причем для экспериментального исследования были выбраны две принципиально различные методики: “методика наблюдения” и “методика моделирования” (92, с.88). Под “методикой наблюдения” я понимаю изучение и анализ случайно порожденных текстов с констатацией определенных статистико-вероятностных закономерностей и различий между мужским и женским речевым поведением. “Методика моделирования” (создание специальным образом порождаемых текстов и метод “свободных ассоциаций”) используется для понимания механизмов речепорождения и развития языковой способности индивида. Объектом для исследования был выбран русский язык в силу минимальной степени изученности данного вопроса именно в русском языке, а также учитывая непосредственные нужды судебно-автороведческой и криминалистической практики в целях создания методики диагностирования пола автора документа. На основании приводимого выше материала, мною была выдвинута гипотеза, *что в русском языке половой диморфизм затрагивает все уровни языковой системы, но на различных уровнях он проявляется с разной степенью интенсивности.*

Констатируемые различия в вербальном поведении полов носят не инвентарный (наличие отдельных “мужских” и “женских” вариантов языка), а вероятностный характер и выражаются в существовании определенных статистических различий в частоте и особенностях использования тех или иных языковых средств. На степень и характер проявления различий влияет целая система социально значимых факторов, но главная причина, отвечающая за их наличие - это ФАМ, особенности специализации центральной нервной системы человека. Половая дифференциация в языке возникает вместе с формированием языковой способности человека.

И исходя из данной гипотезы, в качестве первого объекта исследования стали особенности ассоциативного мира мужчины и женщины, рядовых носителей современного русского языка, т.к. именно ассоциации часто служат источником для анализа путей и закономерностей формирования языкового сознания в онто- и филогенезе, и могут показать “каким способом устроена языковая способность человека и её связь с полом носителя языка” (РАС, с.216).

Глава 2 - Особенности мужских и женских ассоциаций

(Описание эксперимента)

2.1 Цель и задачи исследования

Мы предположили, что параметр пола может быть введен для изучения семантико-грамматического уровня языковой способности человека с целью выявления особенностей мужской и женской речи.

Учитывая теоретическое состояние проблемы половой дихотомии в речевом поведении и данные ряда эмпирических исследований (84, 85, 97, 147, 273), мы выдвинули гипотезу, что:

“ассоциативная картина мира” женщины в русском языке по определенным параметрам должна отличаться от “мужской ассоциативной картины”. И, если при проведении экспериментальных исследований мы каким-либо образом обнаружим эти особенности, то наше предположение о различиях в языковой способности женщин и мужчин априори будет доказано, т.к. именно “ассоциации являют язык в его “предречевой готовности”, обнажая сокровенный, скрытый от прямого наблюдения способ “держания” языка в памяти его носителя, приоткрывая таинственную завесу над святая святых, над тем, как устроена языковая способность человека” (РАС, с.191).

2.2 Методика проведения эксперимента

Для экспериментальной проверки и подтверждения данной гипотезы был использован метод свободных ассоциаций, в котором испытуемым предлагают отвечать словом R, первым пришедшим в голову при предъявлении слова-S, ни чем не ограничивая ни формальные, ни семантические особенности слова R (69, с.14).

Причем, за единицу анализа берется ассоциативная структура, т.е. два объекта между которыми существует ассоциация. Минимальной ассоциативной структурой считается пара слов “стимул - реакция”: SpR. На одно слово S может быть получена целая цепочка слов-R, в которой все предыдущие R оказываются дополнительными S для последующих. Промежуточные стимулы как бы направляют процесс ассоциирования, при этом в цепочке, строго говоря, ассоциативно связаны только смежные слова, а не первое и, например, последнее.

Но в целях чистоты эксперимента нами рассматривались лишь минимальные ассоциативные структуры.

Далее мы ввели понятия “ассоциативной связи”, “ассоциативного поля” и “ассоциативной нормы” (98, с.36).

Были сформулированы два закона вербальной ассоциации:

1. Между элементами (словами) существует ассоциативная связь в том случае, если они могут быть противопоставлены друг другу единственным и недвусмысленным образом;
2. Между элементами существует ассоциативная связь в том случае, если они объединены на основе общности двух или более характеристик (92, с.98).

Ассоциативное поле слова определялось нами как совокупность ассоциатов, т.е. реакций на слово - стимул. Ассоциативное слово имеет ядро (наиболее частотные реакции) и периферию. Различают индивидуальное ассоциативное поле и коллективное. Коллективное ассоциативное поле, выявленное в свободном ассоциативном эксперименте, обычно интерпретируется как ассоциативная норма.

Следует подчеркнуть, что именно методика “свободных ассоциаций” была выбрана нами в качестве инструмента исследования, т.к. искусственная ситуация ассоциативного эксперимента сама по себе является достаточно гибкой и свободной, в самом задании (“ответить на предъявляемое слово первым, пришедшим в голову словом”) нет установки ни на общение с экспериментатором, ни на решение познавательной задачи (36, с.34). При проведении многих экспериментальных исследований было замечено, что чем сложнее и искусственнее экспериментальная ситуация, тем менее информативны оказываются полученные в эксперименте данные (51, с.46).

Итак, как уже говорилось выше, основным инструментом нашего исследования стал “метод свободных ассоциаций”.

В цель исследования входило обнаружить, систематизировать и описать особенности *мужских и женских* ассоциативных норм в русском языке.

Задачи исследования:

1. Провести серию экспериментов с отбором соответствующих образцов.
2. Определенным образом обработать полученные данные, сделать их систематизацию и описание.
3. Проверить статистическую значимость предполагаемых различий и валидность результатов исследования.

Отбор участников проводился на основании следующих критериев:

1. Участниками эксперимента могли быть лица для которых русский язык является родным.
2. Они должны быть городскими жителями, чтобы максимально снизить влияние диалектного языка.
3. Возрастной состав испытуемых колебался от 17 до 25 лет. Лица такого возраста нами были выбраны неслучайно, т.к. к указанному возрасту в основном завершается становление языковой способности, и, значит, в ассоциациях должна отразиться *сформировавшаяся языковая способность*.
4. При отборе участников эксперимента мы стремились выбрать людей с различными уровнями образования и профессиями, чтобы учесть влияние обоих факторов на будущие результаты. И поэтому основной контингент испытуемых составили студенты и аспиранты технических и гуманитарных специальностей Вузов России и Украины.

Перед началом эксперимента все участники проходили предварительное психодиагностическое тестирование по методике ММРІ (Миннесотский многоаспектный личностный опросник) (29, 94).

Каждому участнику эксперимента предлагалось ответить на список, состоящий из 550 утверждений и образующий 10 основных диагностических шкал. Данные утверждения касаются таких сфер жизни, как отношение к различным видам профессиональной деятельности, культурные потребности и интересы и т.п. Отдельному исследованию подвергалась шкала “феминности-маскулинности”,

состоящая из 59 утверждений и предназначенная для измерения идентификации обследуемого с ролью мужчины или женщины, предписываемой обществом.

Отобранные ответы обрабатывались по специальной компьютерной программе (русский вариант ММРІ, адаптированный Л.Т.Ямпольским) с выделением шкалы “феминности-маскулинности”, и только лица, показавшие высокую степень (свыше 70%) проявления феминных или маскулинных свойств, приняли дальнейшее участие в эксперименте (94).

Таким образом для эксперимента была составлена выборка из мужчин и женщин, удовлетворяющих всем, перечисленным выше критериям.

Стимульным материалом для эксперимента послужил список из 11 слов: “Иметь, говорить, любить, мужчина, женщина, ребенок, небо, море, молитва, красивый, и зеленый”.

Слова также были отобраны по определенным критериям:

1. Слова должны были относиться к различным частям речи.
2. Слова должны иметь оценочный элемент в своем значении ср.: “молитва” и “красивый”).
3. 10 слов-стимулов были отобраны по частотному принципу (путем пересечения данных трех частотных словарей (РАС, Словаря ассоциативных норм русского языка под редакцией А.А.Леонтьева и слов, вошедших в список Г.Кента - А.Розанова), а также стимульного материала, использовавшегося для изучения мужских и женских ассоциаций в других языках при изучении стереотипов мужских и женских качеств, а именно слова: “женщина”, “мужчина”. “ребенок” и “любить”(такой выбор был обусловлен сопоставительным характером исследования).

2.3 Процедура эксперимента

Отобранной группе испытуемых зачитывалось определенное слово и ставилась задача: “Написать первое, пришедшее в голову слово после того, как вы услышите произнесенное слово, предъявленное Вам.” Фиксировались как результат, так и само время реакции. Каждому испытуемому предъявлялось только одно слово из списка, чтобы исключить влияние семантики других слов и “очистить” (предохранить) таким образом результат, т.е. от каждого испытуемого была получена единичная реакция и лишь на одно слово. Весь список слов не предъявлялся ни одному испытуемому в силу небольшого количества слов, использующихся в эксперименте.

Обработка результатов эксперимента включала несколько стадий.

Первый этап обработки включал выбор реакций на каждый стимул из протоколов экспериментов по частотности, с одной стороны, и по распределению реакций по половым признакам испытуемых, с другой стороны.

Далее проводился обсчет реакций по определенным частотным и функциональным критериям. Для каждого стимульного слова было образовано по два (мужской и женский) массива (словарных статьи), упорядоченных следующим образом: по убыванию частотности (от слов с самой высокой частотой встречаемости до слов с единичной встречаемостью), по алфавиту и отдельно были выделены реакции, образующие группу слов или же предложение (туда попали все реакции по своему составу большие, чем одно слово). В конце каждого массива приводились количественные показатели частотности и отмечались совпадающие реакции у мужчин и женщин.

Следует подчеркнуть, что при интерпретации результатов исследования мы столкнулись с проблемой “каким образом и по каким основаниям оценить и классифицировать полученные реакции и каким способом изучать сами ассоциативные поля, полученные от каждого предъявляемого мужчинам и женщинам стимульного слова. И проблема классификации ассоциаций составила основную сложность при обработке и оценке полученных результатов.

Вообще, по мнению Л.В.Сахарного, проблема классификации ассоциаций является одной из самых больных в ассоциативных исследованиях (98, с.92). Известны психологические, лингвистические, логические и другие классификации. Однако проблема распределения ассоциаций по некоторому непротиворечивому основанию оказывается тесным образом связанной с проблемой определения сущности ассоциативной связи (50, 51, 69, 91, 113, 116).

Совершенно очевидно, что процесс актуализации ассоциаций, имеющие место в свободном ассоциативном эксперименте, не могут быть описаны лингвистическими, логическими или философскими категориями.

Традиционно в психолингвистике наиболее распространена классификация ассоциаций на *парадигматические* (если стимул и реакция находятся в парадигматических отношениях, например *стул-табуретка*) и *синтагматические* (если они находятся в синтагматических отношениях - *стул-стоит, стул-зеленый*).

Стимул и реакция в парадигматических ассоциациях могут быть связаны отношениями координации (если они на одном уровне абстракции *стул-табуретка*), субординации (от рода к виду: *фрукт-яблоко*) или суперординации (от вида к роду: *стул-мебель*). В координированных парадигматических ассоциациях могут быть выделены отношения синонимии (*друг-товарищ*) и антонимии (*друг-враг*). Синтагматические связи можно подразделить категориям (существительное-глагол, существительное-прилагательное и т.д.) (92, с.93). Практически классификация на парадигматические и синтагматические базируется на принадлежности стимула и реакции к одной или разным частям речи и мало что дает для решения проблемы природы ассоциативной связи.

Следует заметить, что при классификации ассоциаций необходимо учитывать и то, что вкладывается в понятие “ассоциации”. Если это сама словесная реакция, и тогда классифицируются виды реакций, если связь между стимулом и реакцией, то тогда проводится анализ всей ассоциативной связки и т.д. Сейчас же большинство имеющихся классификаций ориентированы на реакции, полученные в эксперименте (51, 91), а не на стимулы и отношения “стимул-реакция”. Между тем необходим анализ всех трех компонентов ассоциативной структуры двух её составляющих (в виде стимула и реакции) и отношения между ними (69, с.9). Существенно осложняет классификацию ассоциаций и признание наличия у испытуемых определенной стратегии ассоциирования, т.к. одна и та же реакция может вызываться различными стратегиями речевого поведения испытуемых и их психологическими установками (69, с.9).

К недостаткам существующих классификаций следует отнести и тот факт, что ассоциации классифицируются обычно без учета “удельного веса” каждой ассоциации в общей структуре ассоциативного поля. Классификации как правило проводятся в одной плоскости, т.е. заранее предполагается, что в основе процесса ассоциирования лежит общий механизм и единичные реакции могут быть классифицированы по тем же основаниям, что и частотные (36).

Остается открытым и вопрос об иерархической связи ассоциаций. Попытки построения иерархической “сетки” ассоциации были предприняты в психологии в работах Ю.А.Самарина, а также при исследовании вербальных ассоциаций в онтогенезе А.Р.Лурия (54, 55).

При исследовании ассоциативных полей в психолингвистике некоторые ученые замечали и крайнюю неоднородность, а также размытость их структуры (113). Есть слова-стимулы, имеющие достаточно упорядоченное ассоциативное поле, стабильно вызывающее некоторые стереотипные ответы, а существуют поля, “порожденные” другими стимулами с неоднородной и хаотичной структурой. Этот факт также важно учитывать при создании классификации ассоциаций.

Поэтому необходимо разработать некоторые способы оценки стереотипности набора реакций в ассоциативном эксперименте, которые позволили бы дифференцированно подходить к анализу ассоциативных полей, и, следовательно, и составляющих их групп реакций. Т.е. при интерпретации данных, полученных при свободном ассоциативном эксперименте, необходимо классифицировать и стимулы, и реакции, и сами ассоциативные связи, возникающие между стимулом и реакцией. Фактически нужны или 3 системы классификации или же должна быть создана унифицированная система, учитывающая основания всех трех подсистем.

Исходя из вышеизложенного, мы поступили следующим образом. Сначала все реакции были упорядочены по абсолютной частоте встречаемости, затем распределены на единичные реакции (отдельные слова) и предложные словосочетания и предложения. Полученные единичные реакции расклассифицированы по частям речи. Далее были выделены эмоционально положительно и отрицательно окрашенные реакции по общеоценочным основаниям, предложенным Е.М.Вольф (27, с.46-54).

Для анализа собственно ассоциативного поля была использована несколько модифицированная, учитывающая стоящую перед нами задачу, методика А.Р.Лурия. Были выделены:

Отказы в разных формах, начиная от молчания в ответ и просто нежелания принимать участие в эксперименте.

Реакции, не связанные семантически со стимулом и вызванные различными причинами (экстрасигнальные реакции по А.Р.Лурия).

Называние наобум предметов, находящихся в поле зрения испытуемого.

Реагирования по поводу самого опыта (“говорить” - *я больше не придумала*), реакции-персеверации, где семантическая связь со стимулом отсутствует, реакция оказывается связанной с предыдущей реакцией испытуемого: (“любить” - *нос*, “говорить” - *глаза*, “иметь” - *нос*). В нашем эксперименте, учитывая условия его проведения, данный тип реакций отсутствовал.

А.Р.Лурия называет такой тип реагирования персеверацией от реакции (36, с.46). Персеверации от реакции могут иметь и более сложный характер. В этом случае семантическая связь стимула и реакции есть, но ответ обусловлен одним из предшествующих ответов, либо одним из стимулов. Среди персеверации выделяются и такие реакции, как постоянное реагирование на стимул одним и тем же словом.

Следует заметить, что явление персеверации при проведении ассоциативного эксперимента представляет большой интерес и требует отдельного самостоятельного исследования, оно оказывает существенное влияние на весь ход эксперимента, особенно в онтогенезе (в работе Н.А.Гасицы, изучавшей особенности детских ассоциаций, данный тип (стратегия) реагирования рассматривается достаточно подробно (36)). Среди взрослых испытуемых данный тип реагирования встречается крайне редко, нами были

зарегистрированы лишь единичные реакции, и то при проведении пилотажных исследований, когда испытуемым предъявлялся весь список слов-стимулов.

Следующая группа реакций - это реакции, в которых происходит реагирование прежде всего на форму стимула (звуковые реакции у А.Р.Лурия). К данной группе относятся:

Повторы стимула (встречаются крайне редко).

Реакции по созвучию (“ребёнок” - *теленок*).

Как видно, сюда также относятся различные виды аллитераций и рифмовок, но таких реакций в моем эксперименте практически встречено не было. Отметим и то, что такие реакции никогда не становятся типом реагирования, в отличие от сложных персевераций (36, с.с.28-89).

Реагирование на форму стимула (звуковые реакции у А.Р.Лурия), к которым относятся словообразовательные реакции разных типов. Среди самых простых изменение стимула в роде и числе, добавление частицы *не* к стимулу и т.д. Часто такой тип реакций отражает стратегию реагирования. Кроме того, они нередко сочетаются с реакциями - изменениями в числе. Более сложный тип реагирования словообразовательными реакциями - когда словообразование не ограничивается изменением рода и числа, а добавляются различные суффиксы, приставки, происходят чередования в корне слова и т.д. В этом случае, как правило, происходит изменение части речи: “иметь” - *отыметь*, “молитва” - *молитвенный*.

Но наиболее интересны для нашего исследования реакции, у которых налицо тесная связь между стимулом и реакцией.

Классификация данного типа реакций отличается от классификации А.Р.Лурия. Впрочем, мы также выделяем реакции, дополняющие слово до некоторой единой структуры. Мы назвали их реакциями развертывания (предикативные реакции у А.Р.Лурия): “говорить” - *лаконично*, “иметь” - *ценности*.

Кроме того, в отдельный класс мы выделили реакции-пояснения, когда испытуемый стремится объяснить значение стимула различными способами: “иметь” - *быть в распоряжении*, “любить” - *чувство, отношение к другому человеку или людям*.

Какие реакции мы подразумеваем под реакциями развертывания?

Развертывание стимула до целостной группы может происходить по нескольким направлениям:

Приписывание признака стимулу, определение слова через его признак. Мы назвали данный тип реагирования атрибутивным: “женщина” - *красивая, счастливая, хитрая*, “ребенок” - *маленький, шустрый*.

Второй тип реакций развертывания, который часто встречается в эксперименте, это реакции функциональные, т.е. выделяются прежде всего функции предмета, то есть то, что делает данный предмет. Выделение функции предмета также, как и выделение признака происходит на разных уровнях обобщения. Это может быть, как и в случае атрибутивных реакций, выделение либо наиболее существенной функции предмета, основной, самой главной, определяющей его сущность, либо указание на функцию, проявляющуюся в некоторой близкой для испытуемого ситуации. Различение уровней абстракции здесь может происходить с учетом того, что одна и та же функция выражается испытуемым разными средствами, которые могут быть обозначены некоторыми общими семами: “молитва” - *очищение, утешение*, “мужчина” - *кормилец*.

Необходим также, как и при различении уровней обобщения атрибутивных реакций, учет частотности данной реакции.

Третий вид развертывания оказывается тесно связанным с указанными двумя, если учесть это при описании и атрибутивных и функциональных реакций, я выделяю общие, типичные признаки и функции, и конкретно-ситуационные, зафиксированные в единичных реакциях.

Реакции ситуационные, выделение которых гораздо более сложно, нежели выделение атрибутивных и функциональных. Это реакции, аналогично выделяемым А.П.Клименко тематическим реакциям.

Под ними вслед за А.П.Клименко мы понимаем такие реакции, которые могли бы оказаться в одном контексте при описании некоторой ситуации, т.е. употребляться в рамках тематически ограниченного контекста.

При исследовании ситуационных реакций также необходимо различать уровни обобщения. Ситуационные реакции, имеющие высокую частотность, отражают некоторые типичные, стандартные реакции, знакомые большинству испытуемых, их следует отличать от реакций единичных, связанных с индивидуальным опытом испытуемого: “говорить” - *ум, ругательство*, “женщина” - *Пандора, Венера Милосская, эротика, секс, уют*.

Последние являются наиболее сложными, в них связь между стимулом и реакцией зачастую устанавливается самим исследователем, некоторые звенья этой связи часто бывают пропущены и восстановить их можно, лишь спросив у испытуемого о мотивах такого ответа, т.е. почему он ответил таким образом, что в условиях свободного ассоциативного эксперимента, во-первых, довольно сложно, во-вторых, не всегда успешно и является существенной помехой в его проведении, оказывая влияние на валидность предполагаемых результатов. Ситуационные реакции в силу своего разнообразия редко оказываются среди самых частотных в ассоциативном поле стимула.

Помимо реакций развертывания к числу реакций с ясно выраженной семантической связью со стимулом мы относим реакции-пояснения (в классификации А.Р.Лурия этот тип реакций отсутствует). Данный тип реакций в нашем эксперименте встречался очень часто. Реакции-пояснения не однородны. Пояснения, как мы видим, тоже происходят на разных уровнях абстракции: это может быть либо стремление дать дефиницию (реакции-пояснения), либо объяснить значение слова через конкретную ситуацию, близкую испытуемому: “женщина” - *Я представляю себе свою жену на берегу реки, она улыбаясь лежит под солнцем*.

Другой тип реакций-пояснений это попытки объяснить значение слова через другое, более общее, более широкое по значению (реакции типа “вид-род”): “женщина” - *проститутка, домохозяйка*.

Последний тип реакций, который оказывается четко выделим по данным свободного ассоциативного эксперимента, это реакции выбора. При таком типе реагирования испытуемый как бы сопоставляет предъявляемое слово с некоторым другим, принадлежащим к тому же семантическому полю и контрастирующим со стимулом по одному семантическому признаку “ребенок” - *мальчиш*, “мужчина” - *старик*. Легко заметить, что такие реакции являются, как правило, реакциями противопоставления, при этом противопоставление понимается более широко, нежели словарный синоним и близок к определению “оппозитивов” у А.А.Залевской (50, 51). Основанием для выделения таких реакций в один класс служит сходный механизм их образования.

Итак, наша классификация реакций может быть представлена в виде следующей схемы:

1. Отказы в разных формах,
2. Реакции, семантически несвязанные со стимулом:
  - 2.1 Реакции-реагирования по поводу самого эксперимента,
  - 2.2 Реакции-персеверации,
  - 2.3 Реакции-реагирования на форму стимула:
    - 2.3.1 Повторы стимула,
    - 2.3.2 Реакции по созвучию,
    - 2.3.3 Словообразовательные реакции,
3. Реакции, семантически связанные со стимулом:
  - 3.1 Реакции развертывания:
    - 3.1.1 Атрибутивные реакции,
    - 3.1.2 Функциональные реакции,
    - 3.1.3 Ситуационные реакции,
  - 3.2 Реакции-пояснения,
  - 3.3 Реакции выбора.

По схеме мы можем проследить четкую иерархическую структуру предложенной классификации.

Каждый из типов ассоциаций является зачастую стратегией реагирования в эксперименте.

Тип реагирования, по мнению некоторых исследователей, связан с глубинными семантическими характеристиками слова - стимула (й59, 60).

Различная степень обобщения ассоциативных структур и возможность выделения ассоциаций разных уровней обобщения говорит, по-видимому, о том, что связи в ассоциативных парах имеют различную природу, в различной степени ситуационно обусловлены.

К сожалению, при классификации и анализе данных мы не избежали общего недостатка всех ассоциативных экспериментов: при классификации и интерпретации данных существенную роль и влияние на результат оказывает мнение интерпретатора, т.е. лица, производящего классификацию. Но более формализованного метода оценки нами без привлечения личностного, человеческого фактора найдено не было.

Поэтому при проведении классификации и распределения ассоциаций по группам в спорных случаях (т.е. когда не было однозначного критерия для отнесения ассоциации в определенную группу) мы пользовались консультациями нескольких экспертов-лингвистов и только мнение большинства учитывалась нами при оценке выбора и основания для стратегии реагирования.

Изучалась также структура самих ассоциативных полей, порожденных разными стимулами и полученных отдельно от мужчин и женщин. Для анализа этих структур мы выбрали комплексный способ оценки стереотипности реакций на стимул и её вероятностной оценки и направленности ассоциативного поля по так называемому индексу *P* (Ю.П.Скокан).

Нам было интересно оценить “мужские” и “женские” структуры ассоциативных полей и различия между ними, если таковые возникнут.

Данные показатели высчитывались по методу, предложенному в работах (6, 36).

Этот метод был выбран нами в силу того, что он лишен недостатков оценки стереотипности реакций только на основе энтропии и низкочастотные реакции не оказывают такого сильного влияния на конечный результат.

Итак, в начале мы рассчитывали энтропию реакций по классической формуле К.Шеннона:

$$H = - \sum_{i=1}^N p_i \ln p_i, p_i = \frac{n_i}{N},$$

, где p_i - статистическая оценка вероятности появления i -ой реакции на данный стимул (из опрошенных N человек реакция A появилась в n_i случаях);

Собственно информация уменьшается с ростом вероятности появления реакции, и наоборот, самая частотная реакция содержит бойлее значимую информацию, Сумма произведений вероятности появления реакции на ее информацию и есть энтропия структуры реакций на данный стимул.

Чем разнообразнее структура по количеству и группам реакций, тем больше H , чем более стереотипны реакции на стимул, тем меньше H .

Т.к. определенная таким способом энтропия является величиной абсолютной, и это дает возможность сравнивать стимулы только между собой по показателю H , не имея данных о том, каково максимальное и минимальное значение H , то для большей наглядности результата исследования мы ввели понятие относительной энтропии структуры реакций S по формуле:

$$S = \left(1 - \frac{H}{H_{\max}} \right) 100\%$$

, где H - абсолютная энтропия структуры реакций данного стимула, $H_{\max}$ - максимальная энтропия данной структуры, возможная при равновероятном распределении реакций (в частном случае, если все реакции встретились 1 раз) и определяемая через количество разных реакций R следующим образом:

$$H_{\max} = - \ln \frac{1}{R}$$

Отношение абсолютной энтропии к максимальной и есть величина, называемая относительной энтропией. Оценить стереотипность получаемых ответов можно сделать, сравнив данную величину с единицей.

Но, как уже отмечалось ранее, на показатели стереотипности набора реакций в ассоциативном поле существенно влияют единичные реакции, а при проведении нашего эксперимента они встречались крайне часто. Поэтому для устранения такого влияния мы ввели еще два показателя Z и P - так называемые индексы степени ассоциативной направленности слова.

В основе вычисления Z лежит определение отношения суммы квадратов численных значений ассоциаций к квадрату суммы численных значений ассоциации в дистрибуции:

$$Z(A) = \frac{1}{N_a^2} \sum_i a_i^2$$

, где N_a - сумма численных значений ассоциаций (количество испытуемых),

a_i - численное значение ассоциации (частота реакции).

Результатом такого действия является положительное число, не превосходящее 1.

Значение Z возрастает с увеличением однозначности появления ассоциации в структуре реакции. При этом под увеличением однозначности понимается уменьшение количества разных реакций в дистрибуции или увеличение неравновероятности их появления. Таким образом Z количественно характеризует некоторые внутренние особенности дистрибуций реакций на определенный стимул. На его основе производится оценка эквивалентности дистрибуции на разные стимулы.

Для оценки данных, полученных в нашем эксперименте, нами была также использована модифицированная формула определения степени ассоциативной направленности слова или индекс P , которая является характеристикой ассоциативного поля, отражающей способность стимула вызвать одну или возможно меньшее количество одинаковых реакций у испытуемых. Она характеризует таким образом стереотипность ответов испытуемых на данный стимул ( ). Данный индекс также как и Z изменяется от 0 до 1, увеличиваясь с возрастанием стереотипности ответов. Он равен:

$$P = 1 - \frac{1 - \frac{N}{M}}{1 - \sqrt{R}},$$

где: N - количество испытуемых;

R - количество разных реакций;

M - модуль, равный:

$$M = \sqrt{\sum_i^r r_i^2}$$

где r_i - количество ответов на все реакции.

Вычисления упомянутых четырех параметров были полностью автоматизированы и осуществлялись с помощью специальной программы EXCEL (Microsoft Corporation), что значительно снизило как трудоемкость вычислений, так и вероятности появления ошибки при расчетах.

После вычислений все данные были сведены в 2 таблицы: одна с массивом женских результатов, а одна с массивом - мужских (см. Приложения NN3-6) и сопоставлены как между собой, так и с результатами, полученными в РАС.

2.3 Анализ результатов эксперимента

Результаты выявили следующую картину ассоциативного мира мужчины и женщины, представленных в Приложениях NN3-5, 7.

Как видно по полученным данным общее количество женских реакций по всем предъявленным стимулам составило 1763, а от мужчин было получено 2064 реакции, из них отказов (в разных формах) от мужчин было получено 34 раза, а от женщин - всего 9 раз. Далее все реакции были распределены по определенным категориям (параметрам) и расклассифицированы по основаниям (стратегиям реагирования).

После количественной обработки данных статистически значимыми выявились следующие различия:

1. По количеству различных реагирований на слова-стимулы женщины показали более высокие результаты (т.е. их ассоциации оказались разнообразнее женских).
2. Мужчины чаще женщин реагировали отказами на предъявляемые слова-стимулы.
3. Среди женских реакций встретилось также больше предложений и предложных словосочетаний *“предлог+существительное”*.
4. При распределении единичных реакций по частям речи у мужчин было зарегистрировано больше существительных, а у женщин прилагательных, различия в употреблении же глаголов, местоимений и наречий не были признаны статистически значимыми.
5. Число положительно окрашенных реакций в мужском и женском массиве было одинаковым, но женщины чаще мужчин давали отрицательные реакции на предъявленные стимулы, в особенности на слова *“мужчина”*, *“любить”*, *“говорить”* и *“молитва”*.
6. Если же рассматривать стратегии реагирования, то женщины чаще мужчин реагировали словами, семантически не связанными со стимулами, в частности в *“их”* массиве реакций было больше персевераций и словообразовательных реагирований на предъявляемые стимулы.
7. При анализе семантически связанных со стимулом реакций было установлено, что по *“реакциям развертывания”* женщины количественно превосходят мужчин и предпочитают давать атрибутивные или же ситуационные характеристики стимулу, мужчины больше выделяли его функциональную сторону.

Мужчины значительно чаще женщин пытались давать пояснения услышанным словам (т.е. каким-либо образом интерпретировать предъявляемый стимул) или же выбрать слово, противопоставленное по определенным параметрам слову-стимулу (чаще использовали реакции выбора).

8. При изучении структуры ассоциативных полей, полученных от мужчин и женщин, было замечено, что “женское поле” разнообразнее “мужского” по своей структуре (индекс Н выше, а индекс S соответственно ниже), мужские реакции более стереотипны. Показатель дистрибуции реакций, т.е. индекс Z также выше у женщин (т.е. при количественном росте реакций количество различных реакций существенно снижается). Полученный суммарный индекс Р, учитывающий влияние одиночных реакций (реакций с частотой 1), подтвердил наше предположение о большей стереотипности структуры мужского ассоциативного поля.

Перечисленные выше различия касаются только сводных показателей, полученных при обработке отдельно женского и отдельно мужского массивов реакций. Если же сравнивать полученные данные по каждому стимулу, то как видно по результатам исследования, женщины давали больше различных реакций на глаголы “иметь”, “любить”, “говорить”, существительные “молитва”, “море”, “ребенок” и лишь на слово “зеленый” мужские ассоциации были разнообразнее женских.

На слова “ребенок”, “небо” и “женщина” женщины чаще реагировали предложениями, чем мужчины. На существительное “молитва” реакций в виде словосочетаний *“предлог + существительное”* в женском ассоциативном поле было значительно больше чем в мужском.

При распределении слов по частям речи было установлено, что глагольных реакций на слово “говорить”, “любить”, “море” и “ребенок” женщинами было дано больше, а вот на слова “мужчина”, “небо”, “красивый” и “молитва” наоборот мужчины чаще реагировали глаголами. Существительных в мужских реакциях встретилось больше при предъявлении таких стимульных слов, как “мужчина”, “женщина”, “ребенок” и “море”, а в женских - на слова “иметь”, “говорить”, “небо”, “красивый”, “зеленый”.

Мужчины реагировали чаще наречиями на слова “говорить”, “любить” и “молитва”, а женщины - на стимульный глагол “иметь”. Реакций-прилагательных на слово “мужчина”, “море”, “женщина” у женщин встретилось больше, а вот на слово “небо” чаще прилагательными реагировали мужчины.

При исследовании оценочного элемента в значении слов-реакций, у женщин положительно окрашенные реакции возникали на слово “иметь”, “говорить” и “молитва”, а у мужчин - на слова “ребенок” и “красивый”. Отрицательно же окрашенными для мужчин больше чем для женщин стали стимулы “мужчина”, “женщина”, “молитва” и “море”, а для женщин - “любить”, “ребенок” и “зеленый”. Реагирование словами с пейротивной оценкой в своем значении на такие стимулы как “молитва” (мужские реакции) и “ребенок” (женские реакции) было для нас крайне неожиданно и мы склонны объяснять данное явление экстралингвистическими причинами (например, в случае со словом “ребенок”, влияние на психику женщины тяжелых экономических условий для существования и особенно для воспитания детей в данный момент на Украине и в России, страх и нежелание иметь детей и т.д.).

По стратегии реагирования больше всего семантически несвязанных со стимулом реакций женщины дали на слово “мужчина”, а мужчины в свою очередь больше всего реагировали персеверациями на слово “говорить”. Если рассматривать семантически связанные со стимулом реакции, то среди реакций развертывания женщины больше всего использовали атрибутивных реакций к словам “мужчина” и “женщина”, а мужчины делали больше определений к глаголу “говорить” и существительному “небо”. Как уже отмечалось выше, функциональных реакций больше среди мужского массива реакций, особенно четко эта тенденция прослеживается в реакциях, полученных от стимулов “говорить”, “любить”, “море” и “иметь”.

Ситуационных реакций мужчины дали больше на слова “мужчина”, “красивый” и “молитва”, а женщина на слова “зеленый”, “иметь” и “любить”.

Реакции-пояснения стали стратегией реагирования для мужчин на слова “говорить”, “любить” и “ребенок”. Женщины же больше пояснили такие стимулы, как “молитва”, “зеленый”, “небо” и “женщина”.

Реакции выбора у мужчин по сравнению с женщинами преобладали на слова “любить”, “море”, “мужчина” и “иметь”, а у женщин - на слова “зеленый” и “женщина”.

Если же сравнивать структуры ассоциативных полей (см. Приложения N3-4 *продолжения*), то у женщин самый высокий индекс энтропии показало ассоциативное поле, полученное от слова “мужчина” ($H \sim 4,78$), а самый низкий индекс, был у слова “иметь” ($H \sim 3,93$), т.е. самые стереотипные ответы были даны женщинами на слово “мужчина” (соответственно у этого слова и самая низкая $S=0,00071$), самое максимальное значение S ($S=0,1071$) получилось у слова “красивый, т.е. данное прилагательное порождает поле с самой неупорядоченной языковой структурой). У мужчин словом с самым высоким индексом H стал глагол “говорить” ($H \sim 4,66$), а словом с самым низким индексом энтропии стало прилагательное “зеленый” ($H \sim 3,96$). Показатель был минимальным опять же у глагола “говорить” ($S=0,0397$), а максимальным у слова “ребенок” ($S=0,128$).

При распределении реакций самый высокий индекс дистрибуции Z у женщин показало слово “иметь” ($Z=0,446$), а самый низкий был зафиксирован у слова “зеленый” ($Z=0,138$). В мужском же массиве минимальное значение Z также было у слова “говорить” ($Z=0,435$), а максимальное было зарегистрировано у существительного “небо” ($Z=0,1348$) (т.е. с возрастанием Z происходит увеличение неравновероятности появления ассоциаций в дистрибуции или же с увеличением количества реакций уменьшается их разнообразие).

Что же касается индекса ассоциативной направленности слова P , то у женщин он был зафиксирован на максимальном уровне у слова “любить” ($P=0,947$) (т.е. данный стимул порождает ассоциативное поле с самой упорядоченной структурой), а самый низкий показатель P получился у слова “зеленый” ($P=0,795$) (самая неоднородная структура ассоциативного поля). В мужском массиве реакций максимальное P было опять зафиксировано у глагола “говорить” (т.е. у мужчин из всех стимулов по всем параметрам самая упорядоченная и “строгая” стереотипная структура у глагола “говорить”) ($P=0,949$), а самая “разбросанная” структура ассоциативного поля у существительного “небо” ($P=0,814$).

Также в мужском и женском массивах по каждому стимулу в отдельности нами были выделены совпадающие реакции. Больше всего совпадающих реакций было дано на слово “море”, а меньше всего на слово “иметь”. Все совпадающие реакции у мужчин и женщин отмечены в Приложении N7.

Итак, как видно по полученным данным, мужские и женские ассоциации отличаются как по количественным параметрам, так и качественно. Для дальнейшей проверки нашей гипотезы о различиях в ассоциативной картине мира мужчины и женщины в русском языке мы провели сопоставительный анализ ассоциативных полей таких же слов-стимулов, как и в нашем эксперименте, но только выбранных из РАС.

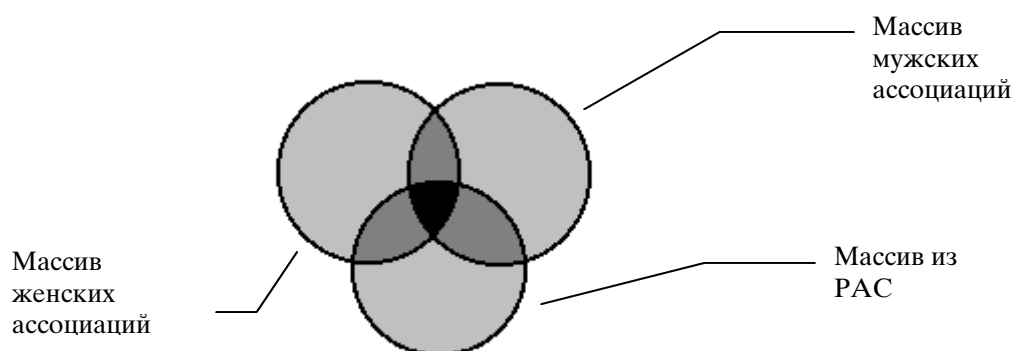
Статистическое исследование ассоциативных полей слов-стимулов из РАС с их распределением и классификацией реакций по тем же основаниям, что и в нашем эксперименте приводится в Приложении N6.

Слова из РАС нами были выбраны как норма, т.е. как нечто “среднее”, стоящее по середине дихотомии “мужской-женский”, т.к. при составлении словарных статей или же ассоциативных полей фактор пола его авторами не принимался во внимание (т.е. в словаре приведены “смешанные данные” без учета половой принадлежности информантов).

Из словаря было отобрано 9 слов полностью совпадающих по форме со словами, используемыми нами в эксперименте: “иметь”, “говорить”, “любить”, “море”, “небо”, “зеленый”, “мужчина”, “женщина” и “ребенок”.

Как видно из приведенных данных при сравнении уже трех массивов реакций четко прослеживается следующая тенденция: если различия между мужским и женским массивами статистически значимы, то эти же различия прослеживаются и в третьем массиве (т.е. различия между третьим “нейтральным” массивом и мужским или же третьим массивом и женским массивом идут по одним и тем же параметрам). Если же различия между мужским и женским массивами отсутствуют, то они не проявляются и при сравнении их поочередно с нейтральным массивом.

Схематически данное положение может быть пояснено следующим рисунком:

Это же может быть отнесено и к стратегии реагирования и к структурам порождаемых ассоциативных полей.

Следует отметить, что нами не было зарегистрировано ни одного совпадения в индексах ассоциативных полей , т.е. все показатели были отличны один от другого (т.е. не было обнаружено полей с одинаковыми ассоциативными структурами) как при сравнении с мужским, так и при сравнении с женским массивом. Причем показатели Н, Z и Р были самыми низкими для “нейтрального” массива реакций (т.е. была зарегистрирована самая низкая стереотипность реакций и неоднородность структур ассоциативных полей). Если же сравнить ассоциативные поля из РАС постимульно, то поле с самой высокой степенью стереотипности структуры показало слово “любить” (Н=4,56), а словом с самым упорядоченным полем стало существительное “ребенок” (Р=0,452), соответственно самая низкая стереотипность и неоднородность структуры была зафиксирована у существительного “небо” (Н=2,774, S=0,4225, Z=0,024 и Р=0,4529).

Также мы выделили совпадающие реакции по всем трем массивам, отмеченные в Приложении N7 с помощью подчеркивания. Больше всего совпадающих реакций было дано на слово “море“, а меньше всего на глагол “иметь”.

При сравнении результатов проведенного нами свободного ассоциативного эксперимента и данных, полученных при составлении РАС, стала очевидной возможность введения “параметра пола в задачи изучения семантико-грамматического уровня языковой способности с целью выявления особенностей “мужского” и “женского” языка” (РАС, с. 216). Причем данные из РАС могут быть взяты за некую норму, эталон, а мужские и женские ассоциации рассмотрены как девиация, отклонения от выбранного ассоциативного стандарта.

Следует подчеркнуть также, что результаты эксперимента подтвердили нашу гипотезу о том, что по определенным параметрам (распределением частот встречаемости различных реакций, распределения реакций по частям речи, стратегиями реагирования, структурой ассоциативных полей и связями между стимулом и реакцией) “женская” картина ассоциативного видения мира отлична от “мужской”. А, следовательно, и женская языковая способность (на вербальном, лексико-семантическом и грамматическом уровнях) может отличаться от мужской.

В следующих сериях экспериментов мы попытаемся установить различия и особенности речемыслительной деятельности мужчины и женщины, а также выявить определенные прагматические характеристики женской и мужской письменной речи.

Глава 3 - Порождение и восприятие речи и половой диморфизм речевой деятельности

В третьей части нашего диссертационного исследования мы попытаемся доказать, что на процесс порождения и восприятия речи оказывает определенное влияние как пол говорящего, так и пол воспринимающего речь, т.е. процессы речепорождения связаны с полом коммуниканта и существует ряд различий в функционировании “мужского” и “женского” речемышлительного механизма.

В проведенном исследовании по восприятию и порождению письменных текстов мужчинами и женщинами была предпринята попытка доказать, что *половой диморфизм речи затрагивает глубинные процессы речевой деятельности и детерминирован не только социальными, но и психологическими факторами, а именно особенностями строения мозга (межполушарной асимметрией) и некоторыми, по всей видимости, различиями в специализации его правого и левого полушарий.*

Речевая деятельность рассматривается нами как один из видов психической деятельности человека (71, 33).

3.1 Цель и задачи исследования

Как уже указывалось выше, противопоставление по полу и наличие двух начал “мужского” и “женского” является универсальным явлением, затрагивающим все домены человеческой деятельности - этнос, культуру, мышление, язык (во всяком случае последнее мы пытаемся доказать). Вряд ли существуют культуры, где не было дихотомии “мужской-женский” и не существовало “мужского” и “женского” видения мира (картины мира), к которому относится система оценок и укладов, стереотипов поведения и психологических установок. Подобные картины мира, по мнению многих исследователей, определяют психическую (а, она естественно связана с специализацией нервной системы) и, следовательно, речевую деятельность человека, “его ориентацию в условиях вербальной коммуникации и в восприятии им окружающего мира и явлений действительности” (107, с.35). И мужской стереотип поведения (психической деятельности) отличен от женского и различия между упомянутыми стереотипами и составляют основу столь непохожего восприятия и понимания речевого высказывания.

В доказательство нашей гипотезы была произведена серия экспериментов, связанных с порождением, восприятием и, следовательно, пониманием речевого высказывания мужчинами и женщинами.

Следует заметить, что проблема восприятия и порождения высказывания связана с проблемой понимания окружающего нас мира, “которая в свою очередь обладает существенно важным прагматическим аспектом” (16, с.204).

В основу экспериментального исследования была положена *методика “поврежденного текста”*, детально описанная А.А.Брудным и успешно применявшаяся в исследованиях по изучению синтеза смысловой структуры текста, пониманию текста, а также при решении психодиагностических задач (изучение речемышлительных расстройств у больных шизофренией и т.д.) (1, 7, 13, 44, 10, 52, 62, 65, 66, 88, 93, 104, 111).

Методика “поврежденного текста” проста в использовании, достаточно апробирована и описана во многих исследованиях (80, 87, 88, 101, 102, 111).

А.А.Брудный в своих работах ставил задачу исследования понимания текстов в процессе реконструирования испытуемыми исходных (эталонных) текстов по смысловым отрезкам. Осмысленный текст считался системой, образованной рядом

элементов, с различной долей вероятности следующих друг за другом. Каждый элемент текста связан с некоторым другим - предшествующим и последующим. Эти связи в совокупности образуют структуру содержания текста (15, 16, 17, с.с.35-37, 18).

Иными словами, создание структуры текста осуществлялось на основе некоторого множества результатов его понимания.

Под термином “текст” понимается “динамическая коммуникативная единица высшего порядка” (35, с.62). Текст обладает определенной внешней и внутренней структурой. Внешняя структура текста представляет собой последовательность предложений, а внутренняя - последовательность элементарных знаний, связанных некоторыми логическими соотношениями (34, с.361-365).

Любое членение текста (на предложения, высказывания, абзацы, параграфы, главы) само по себе структурирует текст выявляет его формальную структуру. Определить смысловую структуру текста можно в том случае, если из законченных, смысловых отрезков - высказываний (основное свойство которых состоит в том, что они могут быть понятны без обращения к расположенным выше и ниже отрезкам текста) извлечь только необходимую или другими словами существенную информацию. Эта информация должна быть представлена в явном виде (8, с.29).

Работает “методика поврежденного текста” следующим образом:

Исходный (иногда его называют *эталонным* или *оригинальным*) текст подразделяется на относительно законченные в смысловом отношении отрезки (часто всего предложения или абзацы), предъявляемые в случайном порядке испытуемым, перед которыми ставится задача восстановить (реконструировать) первоначальный текст.

Данная методика была нами выбрана неслучайно, т.к. при собирании (“восстановлении”) “поврежденного” текста испытуемые стараются *воспринять* и, следовательно, *понять* исходный текст, *порождая* при этом свой собственный оригинальный текст.

Понимание текста рассматривается нами как своего рода адаптация к грамматическим, лексическим и смысловым единицам его составляющим (44, с.68).

Понятие же “*порождение текста*” неоднозначно и включает в себя самые разноплановые точки зрения на процесс “получения конечного числа конкретных речевых произведений на рассматриваемом языке” (61, с.46-48).

Следует обратить внимание, что проблема порождения текста как целостного речемыслительного образования в психолингвистике, по сути дела, не затрагивалась. Чаще рассматривались вопросы, связанные с порождением речи. Под речью мы вслед за И.Р.Гальпериным понимаем “результат спонтанного говорения”, а текстом в узком понимании считаем “речь обработанную каким-либо образом” (34).

Процесс порождения речи рассматривается как сложное, поэтапно формируемое речевое воздействие, входящее составной частью в целостный акт деятельности по А.А.Леонтьеву (70, 72). Он состоит из следующих этапов;

1. Программирование грамматико-синтаксической стороны высказывания;
2. Грамматическая реализация и выбор слов;
3. Моторное программирование компонентов (синтагм);
4. Выбор звуков;
5. Воспроизведение или выход.

А исследования Н.И.Жинкина показали, что прежде чем построить высказывание, мы при помощи особого кода, которого он назвал “универсальным предметным кодом” формируем смысловой костяк текста, или же вступает в работу механизм программирования речевого высказывания, затем вступают в работу механизмы его реализации. Возникший смысл начинает складываться в синтаксические и грамматические структуры, включаются механизмы её грамматического прогнозирования, механизм, обеспечивающий её хранение и реализацию, а также механизм развертывания её в грамматические конструкции (47, 49).

Следующий этап - “заполнение” грамматических конструкций словами и их звуковой выброс, т.е. слово как бы “выскакивает” через фонетическую матрицу, включаются механизмы выбора звуков. После идет фаза контроля: возврат к синтаксису, т.е. корректировка предложений на основе алгоритмов, стереотипов, возврат к лексике и т.д. Заполняется общая синтаксическая схема, выбор слов для нее производится языковой личностью уже осознанно, происходит реализация высказывания, возникает развернутая внутренняя речь (79, с.187).

Схема процесса порождения текста, предложенная А.А.Леонтьевым, включает 3 основные фазы:

1. мотивация и замысел (программа, интенция);
2. осуществление;
3. сопоставление реализации с замыслом.

Восприятие текста - процесс, обратный процессу порождения. Если порождение текста можно характеризовать как процесс “от мысли к тексту”, то процесс восприятия имеет обратную направленность “от текста к мысли” (70).

Восприятие текста тесно связано с процессами его порождения и в значительной мере, как полагает В.А.Маслова, опирается на те же механизмы, но это не “раскручивание” процесса в обратном направлении (79, с.190).

Восприятие как и порождение текста - процесс многоуровневый. Он включает в себя уровень непосредственного восприятия знаковой формы текста, уровень смысла, уровень целостной структуры. Восприятие начинается с отождествления отдельных смысловых фрагментов текста - фраз, словосочетаний, отдельных слов, т.е. восприятие текста - это собственно поэтапный перевод воспринимаемой речи на смысловой код (УПК по Н.И.Жинкину). Тем самым смысловая структура текста и знаковая форма его представления (объем, синтаксис, язык) выполняют организующую роль в формировании смысла текста в сознании человека.

При порождении текста замысел говорящего (или же “продюцента”) конкретизируясь содержательно, разворачивается в синтагматически организованный вербальный текст. Перевод парадигматически организованного замысла текста в линейную последовательность смыслов влечет за собой, по мнению В.П.Белянина, неравномерность развития текста и “перерывы постепенности” в нем (7, с.28). При восприятии текста происходит последовательное перемещение внимания реципиента от одного относительно законченного элемента к другому: реципиент стремится “увязать”, “согласовать” разные содержательные элементы текста в одно целое. “Содержание текста представляет в его сознании в динамическом аспекте именно в силу постоянного перемещения мыслимого центра темы от одной подтемы к другой” (8, с.27).

Следует также особо выделить тот факт, что реципиент воспринимает текст в форме образов и понятий. В процессе восприятия текста, как уже подчеркивалось выше, происходит перекодировка, расшифровка знаков на образном и понятийном уровнях. Происходит понимание текста и его отражение в эмоциональной, когнитивной и волевой сферах личности индивида (79, с.190).

И данный процесс сопровождается аккомпанементом пришедшего в движение содержания индивидуального опыта. А.А.Брудный полагает, что понимание текста всегда связано с выходом за пределы его содержания, понимание текста - это понимание индивидом в той или иной мере самого себя (18, с.6).

Процесс понимания письменного текста осуществляется также на трех уровнях.

Первый - это уровень монтажа: читаемый текст как бы монтируется в сознании из последовательно сменяющих друг друга отрезков, относительно законченных в смысловом отношении.

Второй уровень - это уровень сопоставления элементов текста, с перестройкой их первоначального соотношения в процессе отражения в сознании структуры содержания.

На третьем уровне параллельно происходит появление некоторого общего смысла (концепта текста). Эти уровни всегда представлены в процессе понимания, но роль каждого из них меняется в зависимости от смысловой специфики текста (18, с.6).

Исходя из изложенного, мы полагаем, что понимание текста - это своего рода осознанное его восприятие, человек сначала воспринимает, а потом что-либо осмысливает в соответствии со сложившимися в его голове стереотипом определенных знаний и понятий, это как бы опосредованное (пропущенное через призму своего мироздания) восприятие.

Следует подчеркнуть и то, что в формировании текста существуют две особенности, которые указывают на диалектическую связь и различие процессов порождения и восприятия: во-первых, при порождении текста автор (создатель текста) предвосхищает возможное восприятие текста реципиентом. Во-вторых, восприятие текста и, конечно, его понимание и оценка может в той или иной степени отличаться от задуманного автором (12, 21. 63, 55).

3.2 Методика проведения эксперимента

Учитывая все изложенное выше, для проведения эксперимента мы отобрали 6 текстов, авторами трех из которых были мужчины, а трех - женщины.

Тексты выбирались, исходя из следующих критериев:

1. По числу предложений (они не должны были быть слишком длинными, чтобы не "перегружать" испытуемых и не вызывать дополнительные трудности при сборе текстов);
2. По своему логико-композиционному строению или же контекстно-вариативному членению были отобраны тексты различных типов:
  - а) текст-описание;
  - б) текст-рассуждение;
  - в) текст-повествование.

Столь различный выбор текстов по смысловой структуре был обусловлен желанием проследить как “жесткость” смысловой структуры влияет на его последующее восстановление. В тексте-рассуждении была самая низкая степень “жесткости” смысла, а в тексте-повествовании - самая высокая в независимости от их авторства. Под “жесткостью смысловой структуры” мы подразумевали его логико-композиционное строение. Так, в тексте-повествовании события следовали один за другим, действие развивалось четко и динамично, т.е. в смысловом плане текст был структурирован, текст-рассуждение в смысловом плане был разветвлен, размыт, бессюжетен, т.е. деструктурирован. Текст-описание занимал промежуточное положение между текстом-повествованием и текстом-рассуждением, он был более фабулен чем текст-рассуждение, но ни столь строен по своей композиции и логичен как текст-повествование.

3. Были взяты как художественные, так и нехудожественные (публицистические) тексты. Мы отобрали отрывки из прозы Э.Хемингуэя, М.Цветаевой и А.Герцена и такое нехудожественное произведение вообще (публицистический текст из школьного сборника диктантов). Это было сделано для того, чтобы нейтрализовать влияние личности самого автора. Мы предположили, что в художественном тексте оно должно быть максимально велико, а в нехудожественном соответственно оно должно оказаться минимальным.
4. Как уже отмечалось выше, были отобраны тексты, где авторы были и мужчины, и женщины, чтобы проследить как пол автора текста влияет на его восприятие и понимание соответственно мужчинами и женщинами.

Были взяты тексты из романа Э.Хемингуэя “Райский сад” (мужской текст - описание, сокращенно **МТО** (длина - 22 предложения)), отрывок из воспоминаний З.Гиппиус (женский текст-описание **ЖТО** (длина - 23 предложения)), из рассказа Анджелы Хатх “Приятель” (женский текст-повествование **ЖТП** (длина - 25 предложений)), публицистический мужской текст-повествование (**МТП** с длиной предложений 36)). В качестве текстов-рассуждений были выбраны отрывки из романа А.Герцена “Былое и думы” (мужской текст-рассуждение **МТР** (количество предложений - 25)) и из прозы М.Цветаевой “Мой Пушкин” (женский текст-рассуждение **ЖТР**, состоящий из 23 предложений) - всего 6 текстов: **МТО**, **ЖТО**, **МТР**, **ЖТР**, **МТП** и **ЖТП**.

Выбранные тексты послужили в эксперименте текстами-эталоном или же исходными текстами (Содержание выбранных текстов приводится в Приложении N8).

При отборе эталонных текстов проводилась также их предварительная экспертная оценка специалистом-филологом.

Для участие в эксперименте мною было отобрано 100 человек (50 мужчин и 50 женщин), для которых русский язык является родным. Что касается уровня образования, то у всех испытуемых оно было высшим, т.к. при проведении пилотажных экспериментов люди со средним уровнем образования, не говоря уже о начальном, или не могли справиться с поставленной задачей вовсе (реконструировать исходный текст) (65% испытуемых), или же он вызывал у них большие затруднения и они воссоздавали его чисто формально (фактически наобум, просто для того, чтобы задание было выполнено, т.е. создавалась последовательность кодов без привязки к предложениям, обозначаемых ими). Поэтому для проведения основного экспериментального исследования были выбраны люди только с высшим образованием (как гуманитарным, так и техническим).

При отборе испытуемых был введен (учитывался) также и возрастной фактор, т.к. нам было крайне важно посмотреть корреляцию между полом и возрастом испытуемых. Участвовало *две* возрастные группы: первую группу составляли лица в возрасте от 17 до 25 лет, а вторую - от ~ 40 до 50 лет. Такие возрастные диапазоны были нами выбраны в силу того, что в 40 - 50 лет феминные и маскулинные качества (стереотипы) личности носят устоявшийся характер, даже несколько заостренный, а в 17-25 лет, по данным литературных источников, они менее устойчивы, а иногда находятся еще и в стадии формирования (63. 24.189).

Следовательно, у нас получилось четыре группы испытуемых (дифференцированных по полу и возрасту), которым было предложено “восстановить исходный текст”.

Эксперимент проходил по следующей схеме: группе испытуемых раздавались пакеты с различными наборами предложений, каждое из которых имело свой код. В течение получаса испытуемые должны были восстановить поврежденный текст, и так шесть раз подряд с промежутками примерно в неделю, т.е. каждый испытуемый собрал шесть различных типов текстов, а экспериментатор получил шесть различных последовательностей кодов от каждого, принявшего участие в эксперименте. Оригинальные (контрольные) тексты находились у экспериментатора и их содержание заранее испытуемым известно не было.

После сбора последнего текста испытуемым выдавалась карточка, где их просили ответить на следующие вопросы:

1. “Какую цель они преследовали при “сборе” текстов: максимально приблизить его к оригиналу, создать свой собственный текст или же просто передать его содержание?”;
2. “Какой из текстов представлял при восстановлении наибольшую трудность?”;
3. “Какой из текстов собрать было легче всего и почему?”;

Таким образом от каждого испытуемого было получено шесть цепочек (последовательностей) кодов и карточка с ответами.

Обработка результатов происходила следующим образом:

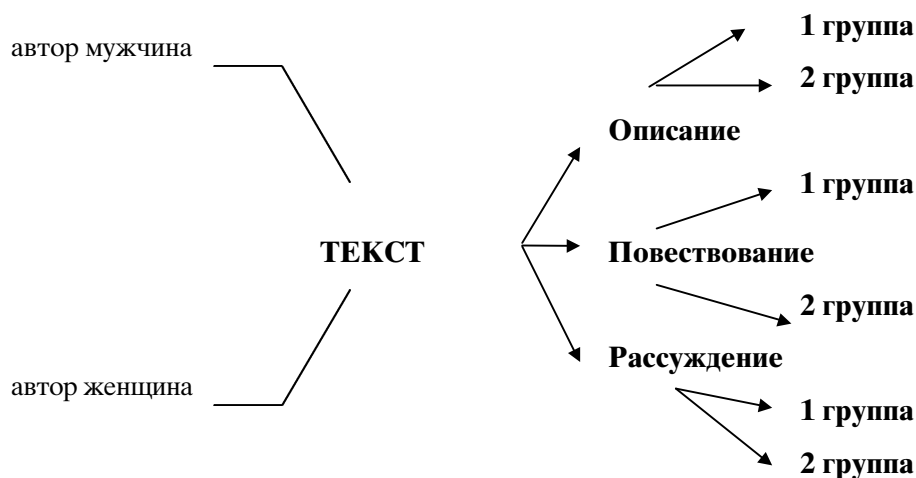
Сначала все данные были отсортированы по а) *типам текстов*, б) *по половой и в) по возрастной принадлежности* испытуемых.

Всего в ходе эксперимента было собрано 600 текстов, из которых было сформировано 24 матрицы (кодовых массивов):

1. Массив женских текстов-описаний, собранных женщинами из младшей возрастной (первой) группы, сокращенно **ЖЖТО1**;
2. Массив женских текстов-описаний, собранных женщинами из старшей возрастной (второй) группы, сокращенно **ЖЖТО2**;
3. Массив мужских текстов-описаний, собранных женщинами из младшей возрастной группы, сокращенно **МЖТО1**;
4. Массив мужских текстов-описаний, собранных женщинами из старшей возрастной группы, сокращенно **МЖТО2**;
5. Массив мужских текстов-описаний, собранных мужчинами из младшей возрастной группы, сокращенно **ММТО1**;
6. Массив мужских текстов-описаний, собранных мужчинами из старшей возрастной группы, сокращенно **ММТО2**;

7. Массив женских текстов-описаний, собранных мужчинами из младшей возрастной группы, сокращенно **ЖМТО1**;
8. Массив женских текстов-описаний, собранных мужчинами из старшей возрастной группы, сокращенно **ЖМТО2**;
9. Массив женских текстов-повествований, собранных женщинами из младшей возрастной группы, сокращенно **ЖЖТП1**;
10. Массив женских текстов-повествований, собранных женщинами из старшей возрастной группы, сокращенно **ЖЖТП2**;
11. Массив женских текстов-повествований, собранных мужчинами из младшей возрастной группы, сокращенно **МЖТП1**;
12. Массив женских текстов-повествований, собранных мужчинами из старшей возрастной группы, сокращенно **МЖТП2**;
13. Массив мужских текстов-повествований, собранных женщинами из младшей возрастной группы, сокращенно **ЖМТП1**;
14. Массив мужских текстов-повествований, собранных женщинами из старшей возрастной группы, сокращенно **ЖМТП2**;
15. Массив мужских текстов-повествований, собранных мужчинами из младшей возрастной группы, сокращенно **ММТП1**;
16. Массив мужских текстов-повествований, собранных мужчинами из старшей возрастной группы, сокращенно **ММТП2**;
17. Массив женских текстов-рассуждений, собранных женщинами из младшей возрастной группы, сокращенно **ЖЖТР1**;
18. Массив женских текстов-рассуждений, собранных женщинами из старшей возрастной группы, сокращенно **ЖЖТР2**;
19. Массив женских текстов-рассуждений, собранных мужчинами из младшей возрастной группы, сокращенно **МЖТР1**;
20. Массив женских текстов-рассуждений, собранных мужчинами из старшей возрастной группы, сокращенно **МЖТР2**;
21. Массив мужских текстов-рассуждений, собранных женщинами из младшей возрастной группы, сокращенно **ЖМТР1**;
22. Массив мужских текстов-рассуждений, собранных женщинами из старшей возрастной группы, сокращенно **ЖМТР2**;
23. Массив мужских текстов-рассуждений, собранных мужчинами из младшей возрастной группы, сокращенно **ММТР1**;
24. Массив мужских текстов-рассуждений, собранных мужчинами из старшей возрастной группы, сокращенно **ММТР2**.

Вся совокупность массивов может быть изображена в виде следующей схемы:

Затем для каждого из 24 массивов были образованы матрицы размерами $m \times l$, где в строках записывались коды, полученные от каждого из испытуемых, а номер в столбце соответствовал порядковому номеру позиции каждого предложения. M всегда равнялось 25 (количеству человек в группе), а l варьировалось в зависимости от длины текста (количества предложений в эталонном тексте). Соответственно размеры матриц были: 25 x 36, 25 x 22, 25 x 25, 25 x 23, 25 x 25 и 25 x 24.

Как уже отмечалось выше, каждое предложение имело свой порядковый номер (код). Далее по каждой позиции высчитывалась разность $\dot{y}$ (назовем её S_i) между порядковыми номерами предложений текста-эталона N_i и собранного, “реконструированного текста” R_i (в дальнейшем будем называть его *текстом-проекцией*):

$$S_i = M_i - N_i$$

Например, испытуемый на место первого предложения в тексте-проекции ставил предложение №5 из оригинального, эталонного текста ММТО1. Соответственно, модуль разности равнялся четырем. А вот другой испытуемый на место 10 предложения в тексте-проекции ставил 4 предложение из текста-эталона, следовательно, “его” модуль разности равнялся 6. И так по каждой позиции в тексте, т.е. для каждого предложения и для каждого испытуемого. После получения уже первично обработанных данных вычислялось *среднее значение модуля разности* D_l для каждого участника эксперимента и по каждому тексту, равное отношению суммы всех модулей разности по всем позициям к числу предложений в тексте:

$$K_l = \frac{\sum_{m=1}^m S_m}{25}$$

Вычислялось и среднее смещение по каждой позиции по каждому типу текстов мужчин и у женщин из двух возрастных групп. Оно бралось как отношение суммы всех модулей разности по каждой позиции к числу участников эксперимента (т.е. к 25):

$$D_i = \frac{\sum_1^m S_m}{L}$$

Таким образом мы смогли проследить “структуру” отклонений по каждой позиции и сопоставить полученные отклонения между собой, т.е. мы как бы получили значение проекции отклонений на основной, эталонный текст.

Далее все данные были сведены в итоговую таблицу, где для 24 массивов по каждой позиции и для каждого типа текста соответствовало среднее (смещенное) значение модуля разности между порядковыми номерами предложений собранного и оригинального текстов, т.е. мы получили наглядную возможность проследить и сопоставить все полученные отклонения для разных текстов и проследить их корреляцию с возрастом и полом испытуемых.

Статистическая значимость полученных различий (отклонений проекции от эталона) оценивалась с помощью критерия Стьюдента (*t*) (37, с.103).

Выбор такой методики анализа данных можно объяснить тем, что мы хотели оценить полученные тексты - проекции чисто формальными методами и исключить прагматический фактор при интерпретации результатов, т.е. мы хотели максимально “нейтрализовать” влияние личности и половой принадлежности экспериментатора на саму процедуру эксперимента. В этих же целях отбор образцов осуществлялся также попеременно то экспериментатором - женщиной, то экспериментатором - мужчиной.

Анализировались и обрабатывались также и ответы на вопросы.

Следует отметить, что в ходе проведения эксперимента мы часто сталкивались с нежеланием при ознакомлении с предстоящей задачей “собрать текст”, некоторые испытуемые либо вообще отказывались участвовать в эксперименте, либо в процессе “складывания” текста все предложения смешивали вдруг в кучу и говорили, что они ничего не понимают и сложить цельный текст не могут. У ряда испытуемых в пакете находились “лишние” предложения, а некоторым их наоборот не хватало.

Обработка всего массива данных была полностью автоматизирована с помощью специально созданной программы “BRUDNY” и реализована на 486 IBM PC, демонстрационная версия которой прилагается к диссертационному исследованию.

3.3 Анализ результатов эксперимента

Эксперимент выявил следующую картину вербального поведения мужчин и женщин (см. Приложения №№9-11), анализ которой мы начнем с описания общих закономерностей реконструирования текстов, а затем уже проследим корреляцию реконструированных текстов с полом и возрастом испытуемых.

Результаты показали, что:

1. Составление текстов заключается в смысловой группировке предложений по их тематике, происходит смысловая группировка материала, которая представляет собой некоторое промежуточное звено между текстом и его смысловым образом в сознании испытуемого, но с той только разницей, что при понимании и запоминании текста происходит его разбивка по смысловым группам, а при создании более крупных группировок происходит “сборка” по семантическим признакам, что ещё раз подтвердило мысль А.А.Брудного о том, что “монтаж текста сукцессивен до того момента, пока перебор вариантов не приводит к пониманию и уяснению глубинной семантической структуры текста, представляющий некоторый “куст ситуаций” (19, с.115), испытуемые восстанавливали тексты не только на основании опознания элементов связности между его частями, но и благодаря тому, что у них в сознании выстраивался некоторый фрейм ситуации, под который они и “подгоняли” выданные им отдельные предложения.
2. Восстановление текстов приводит к созданию новых текстов (или как мы это называем текстов-проекций). Из всех полученных нами текстов - проекций ни один не совпал с оригинальным текстом. Вариативность наблюдается и в отношении одного составленного текста к другому, т.е. совпадения между собой воссозданных текстов нами также зафиксировано не было.
3. Восстановление текста зависит от:
  - 3.1 его логико-композиционного строения (воспроизведение текста цепной структуры (текста-повествования) характеризуется большей степенью полноты (приближения проекции к оригиналу), чем воспроизведение текста разветвленной структуры (реконструкций текстов-рассуждений);
  - 3.2 логической структуры текста, которая прослеживается в строении его предложений. Если логическая взаимосвязь предложений достаточно хорошо устанавливается, то испытуемые “строят” почти идентичные тексты.
  - 3.3 фабульности самих текстов-эталонов (хотя провести границу между фабульностью и его логичностью порой весьма сложно. В процессе эксперимента испытуемые стремились прежде всего обнаружить фабулу текста, собирая предложения по смысловым группам, соответствующим описанию отдельных событий и ситуаций. Эксперимент показал, что наибольшее единообразие вариантов достигается там, где композиционное строение - нить текста (ближе всего собирались к оригиналу мужской текст-повествование, отвечающий как раз вышеуказанному требованию).
  - 3.4 интенции самих испытуемых (анализ ответов на вопрос “Какую цель они преследовали при “сборе” текстов: максимально приблизить его к оригиналу, создать свой собственный текст или же просто передать его содержание?” показал, что при желании испытуемых приблизить тексты к оригиналу “восстановленные” тексты были реконструированы наиболее точно);

- 3.5 степени знания испытуемыми предмета, о котором идет речь в исходном тексте (отрывок из романа А.Герцена “Былое и думы”, представляющий собой размышление автора о духовной жизни русского общества середины прошлого века, был точнее всего восстановлен будущими филологами и историками);
4. Было установлено, что предложения, составляющие текст, имеют различные “смысловые веса”, которые неравнозначны для испытуемых в процессе реконструкции.
5. Эксперимент позволил выявить “гибкие” фрагменты в тексте (в которых элементы свободно разъединяются) и “жесткие” (испытываемые как будто заранее знали порядок следования отдельных предложений), в трех исследуемых типах текстов независимо от их контекстно-вариативного членения. Так, самым “гибким” было начало текстов, затем середина (менее варьировалось, т.е. разброс значений был меньше), концовка же была самой “жесткой”.
6. Обработка экспериментальных данных, представленных в виде результатов воспроизведения реципиентами исходного текста, позволяет определять выделить некоторые устойчивые фрагменты, которые сохраняются при трансформации. Они и образуют структурные признаки эталонного текста, его костяк.
7. Не было обнаружено различий при восстановлении художественного и нехудожественного текстов.
8. Тексты, взятые нами в качестве эталонных (исходных), по-видимому, в логико-композиционном отношении не являлись удовлетворительными, т.к. подавляющее большинство испытуемых образовывало новые тексты, логико-композиционная структура которых также могла рассматриваться как эталонная.

Что же касается различий при восстановлении текстов, обусловленных половым и возрастным диморфизмом, то результаты исследования показали следующее:

1. Одним из самых существенных выводов стало то, что в среднем восприятие, понимание и воспроизведение текстов женщинами или, иными словами, проекции предложенных им в эксперименте текстов характеризовалось большей нежели у мужчин семиотической мощностью (меньше значение разницы между проекцией и эталоном) чем у мужчин в независимости от возраста, т.е. ***мужские тексты отклонялись от эталонных сильнее женских.***
2. Женщины оказались более чувствительны к логико-композиционной структуре текста, чем мужчины, т.к. женские тексты-повествования с цепной структурой были собраны точнее, чем мужские. А вот тексты-рассуждения, где логико-композиционная структура разветвлена, действие нечетко и размыто, т.е., как говорится, “мысль растекается по древу”, то здесь “мужская сборка” текстов была гораздо точнее “женской”.
3. Если рассматривать сборку “жестких” и “гибких” мест в текстах, то в женских текстах гибких мест было меньше, а жестких наоборот больше чем в мужских. Самым гибким местом у мужчин и у женщин было начало текстов, менее гибкой - середина, а концовка (завершение) текста было самой жесткой, причем у женщин проекция практически не расходилась с эталоном.
4. Результаты исследования также показали, что как у мужчин, так и у женщин фактор возраста оказывает прямое влияние на усиление различий между проекцией текста и его эталоном.

5. Мы также проследили и влияние пола автора на восприятие и воссоздание смысловой структуры текста мужчинами и женщинами, и обнаружили интересную закономерность: текст-описание, где автор была женщина, женщинами же и был собран точнее, и наоборот - а там, где автор был мужчина, то мужчинами он точнее реконструировался. Та же особенность наблюдалась и при сборе текстов-рассуждений: отрывок из романа Герцена был гораздо аккуратнее восстановлен мужчинами, что не скажешь о цветаевском отрывке. Он реконструировался менее правильно. У женщин наблюдалась аналогичная картина.
  6. Мы постарались проследить и влияние возрастного фактора на восприятие и воссоздание текстов мужчинами и женщинами и установили, что в старшей возрастной группе женщины при восстановлении смысловой структуры текста были менее точны чем в младшей группе по сравнению с воссозданием текстов в мужских группах испытуемых, и это никак не зависело от типа текста, т.е. возраст каким-то образом, по всей видимости, влияет на восприятие, воссоздание и понимание текста у женщин больше, чем у мужчин.
  7. Анализ ответов на вопросы показал, что для женщин основной целью было или передать содержание текста (35% в младшей группе и 55% в старшей группе) или же с наибольшей точностью восстановить исходный текст (соответственно 65% испытуемых в младшей группе и 45% в старшей), а мужчины в 80% в старшей группе и 70% в младшей стремились создать свой собственный текст, а в 20% и 30% только передать его содержание. Интересен и тот факт, что ни один мужчина-испытуемый не стремился реконструировать авторский текст.
  8. Оказалось, что факторы половой принадлежности автора текста и возраста самих испытуемых оказывают прямое влияние на оценку испытуемыми сложности собирания текста. При ответе на вопрос “Какой текст было собирать сложнее всего, а какой был для восстановления наиболее легким”, то для женщин из младшей возрастной группы самым сложным был отрывок из Герцена (текст-рассуждение), а самым легким было собрать отрывок из рассказа Анджелы Хать. Для старшей возрастной группы самым сложным стал отрывок из Э.Хемингуэя, легче всего же - воспоминания З.Гиппиус. То есть для женщин прослеживается прямая зависимость субъективной сложности восстановления текста от половой принадлежности автора исходного текста. У мужчин самым сложным из младшей и старшей возрастных групп стал текст-рассуждение из прозы М.Цветаевой, а самым легким публицистический текст-повествование у мужчин из младшей возрастной группы, и отрывок из А.Хать для вариативным членением текста в независимости от их возраста.
- В заключение хочется отметить, что восстановление смысловой структуры текста, т.е. собственно механизмы порождения, восприятия и понимания текста связаны с проявлением полового диморфизма речевой деятельности, а также в какой-то степени коррелируют с возрастом, уровнем образования и профессией реципиентов.

Причем, эксперимент показал, что на механизмы речевой деятельности первостепенное значение оказывают психологические факторы. Под психологическими факторами имеется в виду распределение вербальных функций между полушариями мозга у мужчин и у женщин. Именно в силу того, что у женщин вербальные функции распределены в обоих полушариях и нет столь четкой асимметрии в их специализации как у мужчин (ярко выраженное левополушарное доминирование), т.е. у женщин при восприятии и генерировании смысловой структуры в работе мозга больше

задействованы именно два полушария, то и справились они со стоящей перед ними задачей практически по всем параметрам лучше мужчин.

Большая аналитичность мужского мышления (что, по результатам ряда исследований в психолингвистике и нейрофизиологии обеспечивается специализацией левого полушария) проявилась в более точном, чем у женщин реконструировании текстов-рассуждений (4, 82, 83, 67, 63).

Мы увидели, что социальные факторы также оказывают влияние на восстановление смысловой структуры текстов, но они не являются в большинстве случаев определяющими. Первостепенно - организация работы структур головного мозга, межполушарное взаимодействие и специализация его полушарий.

В последней главе нашей работы мы хотим провести статистическое исследование письменной речи, чтобы установить прагматические характеристики мужского и женского стиля письма или, иными словами, посмотреть как особенности и различия в языковой способности и речемыслительных механизмах, обусловленные половым диморфизмом речевой деятельности, воплощаются в конкретных речевых структурах и закономерностях.

Глава 4 - Прагматические характеристики мужской и женской письменной речи

Итак, заключительным этапом нашего исследования стало выявление прагматических характеристик мужского и женского стиля речи.

В качестве объекта изучения была выбрана письменная речь русскоязычных коммуникантов.

В отличие от предыдущих экспериментов, в которых мы “моделировали” лингвистическую ситуацию и пытались активно влиять на речевой процесс, чтобы выделить различия и особенности мужского и женского вербального поведения данное исследование имеет чисто описательный характер и связано с выявлением статистических закономерностей в использовании мужчиной и женщиной тех или иных языковых средств, или же другими словами, какие языковые структуры употребляются чаще, а какие - реже мужчинами и женщинами и какие факторы влияют на частотность их употребления.

Данные многочисленных литературных источников и обобщение практики производства судебно-автороведческих экспертиз по установлению половой принадлежности автора анонимного текста, а также проведенное пилотажное исследование на материалах русской и английской письменной речи в плане дифференциации и описания мужского и женского стиля позволили автору данной работы предположить, что *в русском языке существуют определенные особенности и закономерности в мужском и женском вербальном поведении. Данные различия носят спорадический (вероятностный) характер, проявляясь в виде определенных тенденций, т.е. связаны с различной частотой появления в речи (в т.ч. и письменной) определенных языковых средств, что предполагает применение наряду с качественным и количественного методов анализа.*

4.1 Цель и задачи исследования

Для подтверждения данной гипотезы нам предстояло сперва решить несколько частных вопросов:

1. “Что выбрать в качестве образцов для исследования и в каких условиях они должны быть отобраны?”;
2. “Какие параметры письменной речи должны быть изучены и какими методами?”;
3. “Какие факторы и в какой степени могут влиять на прагматические характеристики мужской и женской письменной речи?”.

В качестве объектов для исследования были выбраны образцы письменной речи носителей русского литературного языка.

Почему мы выбрали письменную, а не устную речь?

Такой выбор был обусловлен несколькими причинами.

Во-первых, исходя из практических нужд судебного автороведения и судебно-психологической экспертизы, где письменная речь гораздо чаще устной выступает в качестве предмета исследования.

Во-вторых, в письменной речи, подготовленной, продуманной, более полно раскрывается личность: особенности мышления, культура, степень образованности, этнические и культурные стереотипы поведения. Более того, письменное изложение мыслей требует значительного интеллектуального, волевого напряжения.

В-третьих, устная речь спонтаннее письменной, менее подвержена контролю сознания, более опосредована экстралингвистическими факторами чем письменная. Поэтому, если мы установим различия в использовании языковых средств мужчинами и женщинами по письменной речи, то очень большая вероятность, что в устной речи они проявятся ещё глубже. Т.е. утверждая, что половой диморфизм затрагивает речь письменную, мы тем самым апостериори доказываем, что он будет наблюдаться и в устной речи. Обратное же может быть верным и не всегда.

Вообще, письменная речь как особая знаковая деятельность, впервые стала предметом специального психолингвистического исследования в работах Л.С.Выготского (32, 33).

Ученый рассматривал её с точки зрения развития высших психических функций и полагал, что она существенно отличается от устной и внутренней речи и представляет собой специальное психологическое образование, а именно: она функционирует в условиях отсутствия собеседника, более полно реализует содержание сообщения, порождается иными мотивами и обладает большей произвольностью и осознанностью, чем устная и внутренняя речь.

Т.е., по мнению Л.С.Выготского, письменная речь основывается на сложных психологических образованиях - на внутренней речи, способности к абстракции, произвольности и осознанности речевых процессов (32, с.131). Им же ещё в 30-е годы была высказана интереснейшая мысль о генетической общности игры, жестов, рисования и письменной речи (33, с.38).

В модели функционирования письменной речи по Л.С.Выготскому, письменная речь рассматривается как сложное системное образование, ведущий уровень которого образуют два главных действия - порождение смыслового содержания и его выражения, которые реализуют две основные функции письменной речи - обобщения и общения. Каждое из этих действий состоит из ряда операций. В систему действий порождения смыслового содержания текста входят следующие операции: выбор темы и определение её границ; порождение и отбор основных смысловых единиц содержания; их развертывание в целостной структуре смыслового содержания (построение композиции сюжета).

Наиболее важными операциями действия выражения смыслового содержания являются отбор слов; порождение и отбор синтаксических структур предложений; обеспечение контекстности высказывания и связности предложений в тексте. Нет сомнений, что каждая операция также имеет сложное строение со множеством функциональных элементов (33, с.70). Так, операция обеспечения связности предложений в тексте содержит такие механизмы, как выявление необходимой связи (причинно-следственной, сравнительной и т.д.) между данными предложениями, отбор адекватной связки для выражения, проверка адекватности выражения выявленной связи. Операция обеспечения контекстности включает механизмы выявления потенциально ситуативных элементов, проверки их предметной соотнесенности конкретизации их значений путем введения в контекст соответствующей словоформы или словосочетания и прочее).

Идеи Л.С.Выготского были развиты Н.И.Жинкиным (47 - 49). Он выявил некоторые компоненты письменной речи как *действия построения текста*. Письменная речь рассматривалась им как сложная аналитико-синтетическая деятельность, в которую входят механизмы отбора слов, упреждения и критики текста. В аналитическую часть деятельности письменной речи входят такие операции, как разложение предмета высказывания на ряд составляющих его элементов, а в синтетическую - удержание всего предмета высказывания в памяти, размещение элементов в тексте и их упреждение. Что касается более частного механизма отбора

слов, то в его составе выделены два противоположных действия - наплыв слов и их отсев в результате критики оценки их адекватности смысловому содержанию текста (47).

Н.И.Жинкин уделяет большое внимание проблеме связности текста. Он впервые сделал тщательный анализ этого параметра письменной речи с точки зрения её функций и средств реализации. По мнению ученого, связность - результат действия установления соотношений между двумя соседними предложениями. Она включает их в более крупную семантико-синтаксическую категорию - в текст.

Вне такого соотнесения предложений в целом тексте они остаются разрозненными и автономными, и наоборот, связь между ними указывает на их принадлежность к общей семантико-грамматической единице. “На стыке двух предложений - пишет Н.И.Жинкин - лежит то зерно, из которого развивается текст” (48, с.215).

Наиболее глубокое и полное исследование вопроса о взаимоотношении устной и письменной речи было проведено в уже упомянутых работах Л.С.Выготского.

Исследователь пришел к мысли, что “письменная речь есть совершенно иной с точки зрения психической природы образующих её функций процесс, чем устная. Она есть алгебра речи, наиболее трудная и сложная форма намеренной, сознательной речевой деятельности” (32, с.267).

Известно, что письменная речь человека, протекающая в условиях отсутствия собеседника, должна быть монологической, выражать смысловое содержание сообщения исключительно языковыми средствами, использовать знаки визуального кода (32, с.33). Устная же речь, как правило, ди- о полилогическая, передает определенную часть смыслового содержания сообщения паралингвистическими средствами выражения, использует звуковой код (32, с.33).

В психологическую структуру каждой из этих форм речи включены определенные образования, которые делают возможным функционирование речи в типичных для неё ситуациях общения.

По мнению ряда исследователей (71, 72, 70, 74, 174 и др.), устная и письменная речь в зрелой форме представляет собой два различных психологических образования как в функциональном, так и в структурном планах.

Так, специфика письменной монологической речи имеет внешние, чисто технические способы передачи чувств и мыслей, и внутренние, которые относятся к её содержанию, логике, назначению. Тесно связанная с внутренней, она более осмыслена, осознана, обобщена, содержательна, абстрактна, нормативна, чем устная. Для письменной речи характерен и более сложный синтаксис (74, с.с.25-36, 174, с.с.56-67).

Наиболее ярко эти различия проявляются по четырем параметрам: ситуативность, лексическое разнообразие, отображение качественных признаков действительности, отображение активных сторон действительности (74, с.с.35-46).

Ситуативность - специфическое качество устной речи, выражающееся в том, что отдельные элементы высказывания пропускаются в силу их общности для собеседников. Статус ситуативности приобретают также элементы речи, значения которых определяются данной ситуацией общения и конкретизируются паралингвистическими средствами: жестами, мимикой, интонацией и др.

Ситуативной речи противопоставляется контекстная речь, содержание которой раскрывается лишь посредством текста. На основе признаков ситуативности (эллипсис, значение которого не восполняется вербальным контекстом, и субституты, не

конкретизируемые тем же контекстом) выработана техника идентификации ситуативных элементов. Если в предложении отсутствует какой-либо его член и данный контекст не в состоянии его семантически реконструировать, то это незаполненное место в структуре высказывания считается ситуативным элементом. Ситуативными элементами являлись также субституты, которые не были наделены конкретными смыслами со стороны контекста. За количественную меру ситуативности было принято отношение числа ситуативных элементов к числу всех эллипсисов и субститутов данного текста.

Лексическое разнообразие выражается через отношение числа различных, неповторяющихся, слов к общему количеству слов. Первым в психолингвистику ввел данный параметр Дж.Миллер, назвав его ТТР (type token ratio) (284). Для сравнительного изучения письменной и устной речи его впервые применили П.Фрес и М.Брейтон (202). В результате был сделан вывод о том, письменная речь значительно превосходит устную по степени вариативности словаря (202).

Отображение качественных признаков действительности является, по мнению большинства исследователей, одним из наиболее чувствительных индикаторов различий между письменной и устной речью. Количественным выражением этого параметра служит индекс квалификации. Содержание данного параметра состоит в следующем: “Действительность многообразна и многогранна, и не следует думать, что субъект её отображает в речи именно так, как она объективно предстает перед ним. Отбор материала для речевого выражения действительности производится в зависимости от ряда факторов, наиболее весомыми из которых являются мотивация и условия речевой деятельности. Непосредственное участие собеседника в ситуации общения освобождает говорящего от описания признаков предметов, о которых он говорит. При составлении письменного высказывания субъект вынужден указать на определенные свойства предмета общения. В противном случае этот предмет, точнее слово, его обозначающее, остается для адресата неиндивидуализированным, общим и диффузным понятием.” (74, с.42).

Отображение активной стороны действительности в тексте измеряется отношением числа глаголов к числу всех слов, т.е. индексом активности (74, с.с.44-45).

Следует подчеркнуть, что письменная речь не функционирует сама по себе, она - не самоценная деятельность, а компонент и средство реализации других видов деятельности, с которыми она вступает во взаимосвязь.

Какие же виды деятельности опосредованы письменной речью?

1. Прежде всего это так называемая эпистолярная деятельность или же переписка. Это наиболее распространенный вид деятельности. Её основной мотив - потребность в передаче мыслей, чувств, сообщений человеку, контакт с которым невозможен при помощи устной речи. Такая функция устной речи требует от письменной речи осуществление функций обобщения и общения. А.А.Брудный называет такой вид письменной деятельности “аксиальной коммуникацией” (16, с.12). Продуктами этой деятельности выступают письма, записки и прочее.
2. Другим видом деятельности, обслуживаемый письменной речью, является словесное творчество или же в терминологии А.А.Брудного “ретиальная коммуникация”.

3. Третий вид деятельности, который включает в свой состав письменную речь в качестве функционального элемента, - это научно-исследовательский труд. Сюда мы можем отнести книги, статьи, рефераты. Они рассчитаны на определенное количество специалистов. Данный вид письменной деятельности может быть также отнесен к ретинальной коммуникации.
4. Массовая коммуникация, которая использует речь для распространения информации среди населения через печать и т.д.
5. Письменная речь как структурный элемент входит в мнестическую деятельность.

В данном случае речь выступает как проводник памяти, как способ реализации функции памяти в деятельности. Отличительная черта данного вида письменной речи состоит в том, что субъект одновременно является и коммуникатором, и реципиентом письменного акта. По своим параметрам мнестическая речь наиболее близка к внутренней речи - она может быть такой же ситуативной, эллиптической и предикативной. Реализуется мнестическая деятельность посредством писания дневников, конспектов, мемуаров и т.д.

Естественно, бывают случаи, когда письменная речь может реализовываться по нескольким функциям.

Для нашего исследования мы выбрали два вида письменной речи: эпистолярную и словесное творчество.

4.2 Методика проведения эксперимента

Для проведения статистического исследования письменной речи было сформированы две выборки образцов.

Сначала для составления первой выборки, которую мы назвали экспериментальной, мы отобрали две группы испытуемых. Половой состав двух групп был стабилен (30 мужчин и 30 женщин).

В первую группу для участия в эксперименте были отобраны студенты старших курсов университетов и аспиранты различных технических, естественнонаучных и гуманитарных вузов. Возрастной состав группы колебался в пределах от 20 до 30 лет. Во вторую группу вошли рабочие заводов, т.е. люди со средним и средне-техническим образованием и в возрасте от 35 до 45 лет.

Всем испытуемым было предложено выбрать из заранее составленного списка тему, на которую они хотели бы написать сочинение, и затем, естественно его написать. Ограничений ни на время для его написания, ни на объем (т.е. длину самого текста) наложено не было. Единственная установка, которая давалась в качестве рекомендации: "Чем больше напишите, тем лучше". Список тем приводится в Приложении №12.

В процессе отбора образцов участвовало два экспериментатора - экспериментатор-мужчина и экспериментатор-женщина. Это было сделано, для того чтобы нейтрализовать влияние пола экспериментатора на результаты эксперимента.

Таким образом было отобрано 120 текстов сочинений. Эти тексты образовали экспериментальную выборку, состоящую из четырех массивов. Это было сделано для того, чтобы установить корреляцию:

1. между половым диморфизмом речевой деятельности и возрастом испытуемых;
2. между половым диморфизмом речевой деятельности и уровнем образования.

Материалом для второй выборки послужили личные письма бытового плана, авторами которых были мужчины и женщины, рядовые носители русского языка, люди различных профессий, возраста (колебался от 20 до 60 лет), но уровень образования, за исключением 4 случаев, был высший.

Тексты данных писем и составили вторую выборку, состоящую из двух массивов, которую мы называли контрольной.

Почему именно письма были выбраны нами в качестве объекта исследования?

Это было сделано в силу ряда обстоятельств.

Во-первых, данные письма были написаны *вне* экспериментальных обстоятельств, что для нас наиболее ценно, т.к. исключается полностью влияние условий проведения эксперимента на отбираемые образцы. В данном случае мы исследуем “живую” письменную речь, полученную неэкспериментальным путем.

Во-вторых, исходя из потребностей судебно-следственной практики, т.к. письма наиболее близки к самым частым объектом судебно-автороведческой экспертизы - анонимным письмам, листовкам, запискам и прочее.

Таким образом было сформировано шесть массивов текстов:

1. Экспериментальный массив мужских текстов лиц из младшей возрастной группы с высшим уровнем образования.
2. Экспериментальный массив женских текстов лиц из младшей возрастной группы с высшим уровнем образования.
3. Экспериментальный массив мужских текстов лиц из старшей возрастной группы со средним уровнем образования.
4. Экспериментальный массив женских текстов лиц из старшей возрастной группы со средним уровнем образования.
5. Контрольный массив мужских текстов.
6. Контрольный массив женских текстов.

Полученные таким образом тексты анализировались нами по следующим параметрам:

1. **Количество слов в тексте** (за слово принимался отрезок в тексте между двумя соседними пробелами).
2. **Количество предложений в тексте.**
3. **Средняя длина предложения** (среднее количество слов в предложении, бралось как отношение количества слов к количеству предложений).
4. **Количество речевых ошибок** и их распределение по категориям (классификация, используемая в судебном автороведении. Мы полагаем, что ошибки могут иметь различный характер в зависимости от того, связаны ли они с нарушением системы, или (и) нормы, или (и) узуса. Под нарушением системы понимается несоблюдение грамматических и орфографических правил языка, употребление слов в несвойственных им значениях и связях, немотивированное (не обусловленное смысловой направленностью изложения) использование иноязычной или нелитературной лексики и фразеологии. Нарушение нормы - это отклонение от принятого в письменной форме данного языка употребления слов, словосочетаний, фразеологизмов, синтаксических конструкций. Нарушение узуса проявляется в несоответствии используемых языковых средств (лексико-фразеологических, синтаксических) характеру данной

ситуации письменного общения, т.е. оно связано с использованием неадекватных стилистических средств языка (например, разговорной лексики и фразеологии в официальном стиле). В нашем эксперименте мы анализировали только ошибки, связанные с нарушением системы и нормы на различных языковых уровнях:

4.1 Лексический уровень- ошибки, связанные с использованием полнозначных слов нелитературных вариантов данного языка и слов иного языка, в том числе общеизвестных, но по-разному оформленных в словообразовательном отношении, а также ошибки, связанные с употреблением слов данного языка в несвойственных им в литературном стандарте значениях и связях.

4.2 Грамматический уровень - ошибки связанные с нарушениями в порядке слов, построении простых и сложных предложений, употреблении служебных слов, падежных или родовых форм и т.д.

4.3 Графико-орфографический уровень - ошибки, связанные с отклонениями от графики и правил орфографии литературного стандарта данного языка (29, с.с.23-28).

5. **Лексическое разнообразие словаря** (подсчитывалось как отношение количества различных (т.е. встретившихся один раз в тексте) слов к общему количеству слов в тексте).

6. **Распределение слов в тексте по частям речи.**

6.1 **Количество существительных и их распределение:**

6.1а по родам;

6.1б на абстрактные и конкретные;

6.2 **Количество прилагательных и их распределение:**

6.2а по родам;

6.2б по функциям (качественное, относительное, притяжательное),

6.2в по степеням сравнения (для качественных прилагательных).

Отдельно рассматривался **оценочный фактор** в значении **качественных** имен прилагательных и проводилась их классификация по оценочным основаниям (**общеоценочные** и **частнооценочные**) и дифференцирование частнооценочных значений по их **видам**. При выделении частнооценочных оснований и, вообще, при классификации оценочных значений прилагательных мы опирались на концепцию Е.М.Вольф (26, 27).

Известно, что дескриптивная и квалификативная структура в значении прилагательных могут реализовываться как совместно, так и раздельно. Если в значении прилагательных дескриптивный элемент уходит на задний план, то говорят об общеоценочном значении по типу *хорошо / плохо*. Если же слова содержат наряду с квалификативным элементом описание того или иного аспекта, служащего критерием оценки (например: *вкусный, смелый*), они определяются как частнооценочные.

К первой, общеоценочной группе прилагательных, кроме слов *хороший, плохой*, относятся также их синонимы с разными стилистическими и экспрессивными оттенками (*превосходный, великолепный, дурной* и др.). Вторая группа прилагательных с частнооценочными значениями более обширна и разнообразна. К ней относятся прилагательные со значением, дающим оценку по одному из аспектов объекта с определенной точки зрения. Поэтому частнооценочные значения дифференцируются

в зависимости от основания оценки, её мотивировки. Последняя обычно содержится в практической целесообразности, удобстве, легкости, в соответствии с определенными нормами и правилами, т.е. иными словами “взаимодействие субъекта оценки с её объектом становится основанием для подобной дифференциации” (27, с.32).

Исходя из способов взаимодействия, частнооценочные значения подразделяются на группы (роды и виды оценок).

Наиболее обширная группа - это сенсорно-оценочные прилагательные. Они отражают непосредственные ощущения и восприятия человеком окружающей действительности, испытываемые им при этом чувства: *вкусный, яркий, ароматный*.

Эти оценки не нуждаются ни в какой мотивировке, кроме отсылки к ощущениям, чувствам, которые независимо от воли и самоконтроля испытывает человек. Сенсорные оценки в свою очередь делятся на: сенсорно-вкусовые или гедонистические (*сладкий, сухой*), психологические - интеллектуальные (*увлекательный, банальный*) и эмоциональные (*радостный, приятный, желанный*).

Сенсорно-вкусовая оценка - наиболее индивидуализированный вид оценки. Она непосредственно связана с чувственным опытом, прямо проистекает от испытываемых ощущений. Психологическая оценка выражает рациональное осмысление мотивов, по которым происходит “оценивание”.

Сублиматы сенсорной оценки - эстетическая и этическая оценки. Они как бы возвышаются над сенсорными, “гуманизируя” их. Эстетическая оценка основана на синтезе сенсорных и психологических ощущений. В её структуру входит также и понятие нормы, т.е. наличие в сознании человека определенного стандарта, эталона, выработанного в процессе мыслительной и практической деятельности людей. Образно говоря, эстетическая оценка любой предмет (*что*) пропускает через *как*, т.е. соединяет любое *что* с *как*. Этическая оценка же, наоборот, любое *как* переводит в *что*, а именно: *как* ты поступил, определяется тем, *что* ты сделал. Она также зависит от нормы, нравственных и моральных принципов и положений, установленных в обществе.

Оценка интенциональных объектов может приобретать и рациональный характер. Рационалистические оценки, как правило, связаны с практической деятельностью и интересами человека, его повседневным опытом и ролью в обществе. Их основные критерии - определенная польза, удобство, соответствие установленному стандарту, направленность на достижение цели, выполнение функции, свойственной данному предмету. К группе рационалистических оценок относятся утилитарные, основанные на принципе “*нужности / ненужности*”, “*полезности / неполезности*”, нормативные, т.е. вытекающие из соответствия определенного предмета установленной норме (*здоровый, правильный*), когда оценка по нормативу относится к процессам и действиям как таковым; социальные, т.е. оценки социального положения или роли человека в обществе с точки зрения определенных, установленных критериев и взглядов (*заметный, высокий*). Распределение оценок по используемым основаниям приводится в нижеследующей таблице:

Классификационная таблица оценочных оснований

РОД ОЦЕНКИ	ВИД ОЦЕНКИ
сенсорные	сенсорно-вкусовая
	интеллектуальная
	эмоциональная
сублимированные	эстетическая
	этическая
рационалистические	утилитарная
	нормативная
	социальная

Таким образом, в текстах выделялись именные группы “прилагательное + существительное”, из них вычленялись словосочетания “качественное прилагательное + существительное”. После этого все выделенные словосочетания были дифференцированы по описанным выше оценочным основаниям. В случаях, когда аспект оценки не определялся рамками именной группы, рассматривался более широкий контекст для уточнения оценочного основания.

6.3 Количество числительных;**6.4 Количество местоимений;****6.5 Количество глаголов и их распределение:**

6.5а по наклонению;

6.5б по виду;

6.5в по залогу.

6.6 Количество причастий, в том числе их распределение:

6.6а по виду;

6.6б по залогу.

6.7 Количество деепричастий и их распределения по:

6.7а по виду;

6.7б по времени.

6.8 Количество союзов;**6.9 Количество предлогов;****6.10 Количество частиц, в т.ч. употребление частиц:**

6.10а *не* - *ни* (частицы эти подсчитывались и в случае слитного, и в случае раздельного написания с последующим словом).

6.11 Количество междометий;

Подсчитывались также определенные соотношения количества употреблений одних частей речи к другим.

7. Соотношение количества прилагательных к количеству существительных;
8. Соотношение количества прилагательных к количеству глаголов;
9. Соотношение количества глаголов к количеству существительных;
10. Соотношение количества наречий к прилагательным;

На основе частотных характеристик встречаемости определенных частей речи в тексте измерялись некоторые параметры общей закономерности построения структуры текста или же в формулировке Б.Н.Головина “признаки речи-мысли” (37, с.с. 143-154), а именно: **коэффициенты предметности, качественности, динамизма, активности и связности** текста.

Они были определены следующим образом:

Предметность (Pr) измерялась соотношением числа прилагательных и наречий к числу имен существительных и глаголов:

$$Pr = \frac{\text{Существительные} + \text{Местоимения}}{\text{Прилагательные} + \text{Глаголы}}$$

11. *Качественность* (Qu) измерялась соотношением числа прилагательных и наречий к числу имен существительных и глаголов:

$$Qu = \frac{\text{Прилагательные} + \text{Наречия}}{\text{Глаголы} + \text{Существительные}}$$

12. *Активность* (Ac) текста выводилась как соотношение глаголов и глагольных форм к общему количеству слов в тексте (N):

$$Ac = \frac{\text{Глаголы} + \text{Глагольные формы}}{N}$$

13. *Динамизм* (Din) допустимо определять как отношение глаголов и глагольных форм к именам и местоимениям:

$$Din = \frac{\text{Глаголы} + \text{Глагольные формы}}{\text{Существительные} + \text{Прилагательные} + \text{Местоимения}}$$

14. Коэффициент *связности* (Con) определялся как соотношение числа предлогов и союзов к числу самостоятельных предложений:

$$Con = \frac{\text{Предлоги} + \text{Союзы}}{3N}$$

15. Количество простых предложений
16. Количество сложных предложений;
17. Количество сложноподчиненных предложений и их распределение по типам:
  - 17.1 Определительные;
  - 17.2 Изъяснительные;
  - 17.3 Образа действия, меры, степени;
  - 17.4 Сравнительные;
  - 17.5 Времени;
  - 17.6 Места;

- 17.7 Степени;
- 17.8 Условия;
- 17.9 Уступительные;
- 17.10 Следствия;
- 17.11 Цели;
- 17.12 Присоединительные;
- 17.13 С сопоставительными отношениями;
- 18. Количество сложносочиненных предложений;
- 19. Среднее число придаточных предложений в составе сложных предложений;
- 20. Количество вопросительных предложений;
- 21. Количество восклицательных предложений;
- 22. Количество предложений с инвертированным порядком слов;
- 23. Количество вводных конструкций;
- 24. Количество эллиптических конструкций;
- 25. Коэффициент синтаксической сложности речи (DS) (37, с. 149), равный отношению произведения количества знаменательных слов в тексте (n) на число простых предложений (k) к числу самостоятельных предложений (N) в тексте:

$$DS = \frac{n \times k}{2 \times k \times N} = \frac{n}{2 \times N}$$

Таким образом анализ письменной речи проводился по 91 параметрам.

Возникает вопрос: “Почему именно эти параметры были взяты при анализе письменной речи мужчин и женщин?”.

При выборе параметров перед нами стояла задача каким-либо образом сузить список признаков, т.к. в противном случае нам бы пришлось “объять необъятное”.

Поэтому мы тщательно проанализировали данные предшествующих исследований по выражению полового диморфизма в речи, и брали только те параметры, по которым в других языках и работах фиксировались расхождения между “мужскими” и “женскими” вариантами, или же наблюдалась противоречивость данных и были получены зачастую взаимоисключающие результаты, которые требовали дальнейшей проверки. Также мы учитывали формализуемость того или иного признака и однозначность его выделения и интерпретации.

Обработка результатов осуществлялась следующим образом.

Каждый анализируемый параметр из списка получал свой определенный код и все полученные тексты были преобразованы в последовательность кодов. После этого они вводились в компьютер и из них были сформированы специальные файлы для последующих расчетов уже с помощью РС.

Сначала подсчитывались абсолютные и относительные частоты встречаемости наблюдаемых параметров для каждого текста в отдельности и на их основании выводились усредненные значения по каждому параметру и для каждого из массивов. Статистическая значимость полученных расхождений по каждому параметру проверялась с помощью критерия Стьюдента (37, с.41).

Все расчеты были полностью автоматизированы и осуществлялись с помощью программы EXCEL (Microsoft). Полученные результаты были сведены в матрицу размерами $M \times N$, где M соответствовало количеству анализируемых признаков (т.е. 91), а N равнялось 6 (количеству массивов). Статистически значимые различия между массивами были выделены курсивом (см. Приложение №13).

4.3 Анализ результатов эксперимента

Статистический анализ письменной речи мужчин и женщин выявил следующие различия между образцами их речи, которые были нами разнесены по нескольким группам.

В первую группу были отнесены различия, которые проявились между массивом мужских и женских текстов лиц разного возраста и с различным уровнем образования (для установления корреляции между факторами половой и возрастной принадлежности и уровнем образования).

Во вторую группу попали различия в текстах, отобранных для контрольной выборки, и наиболее приближенные к реальной письменной речи.

В третью группу были отнесены различия, которые встретились попарно при сравнении всех шести массивов. Они и образовали набор характеристик мужской и женской письменной речи, названного нами *«списком идентификационных признаков мужского и женского стиля письма»*.

Итак, свой анализ установленных различий мы начнем с предпочтений в выборе тем.

В группе лиц с высшим образованием описать картину выбрали около 80% мужчин и 70% женщин. Далее предпочтения распределились следующим образом:

«Мой идеал женщины» писало 20% оставшихся мужчин. Среди женщин 10% написали сочинение на тему «Самый счастливый день в моей жизни», 15% - «За что я люблю весну» и 5% выбрали тему «Человек, которого я люблю».

Выбор тем у испытуемых со средним уровнем образования был менее разнообразен. «Человек и его дело» писали 50% мужчин и 56% женщин. Оставшиеся соответственно 50% и 44% испытуемых предпочли написать сочинение на тему «Человек, которого я люблю».

Как видно по полученным «предпочтениям», самое большое разнообразие при выборе темы сочинения проявили женщины с высшим образованием.

При анализе речи лиц с высшим уровнем образования были зарегистрированы следующие различия между «мужским» и «женским» массивами:

1. Женские тексты были значительно длиннее мужских.
2. Количество слов в предложении у женщин было значительно больше, чем у мужчин.
3. По общему количеству ошибок мужчины были менее грамотны чем женщины, а попросту сказать безграмотны, особенно сильно это тенденция проявлялась на графико-орфографическом уровне.
4. Словарь женщин был менее разнообразен. Индекс TTR значительно ниже.

Что касается распределение слов по частям речи, то статистически значимы стали различия по следующим параметрам:

5. У мужчин было зарегистрирована более высокая частота использования существительных, прилагательных и числительных. А у женщин в речи больше глаголов и частиц. В особенности это проявилось в употреблении частиц “не” и “ни”.
6. По распределению прилагательных и существительных по роду была установлена интересная черта: мужчины в количественном плане больше употребляли прилагательных и существительных женского рода, а женщины наоборот - мужского, т.е. существовала явная ориентация на противоположный пол, что еще раз подтвердило мысль А.М.Холода о прагматичности категории рода в русском языке, а именно тот факт, что: “грамматическая экспликация антропоцентрических показателей посредством родовых форм базируется на функционировании в речи психологического механизма половой дихотомии” (108, с.5) и об “обратно пропорциональной зависимости влияния антропоцентрических показателей на идентификацию по роду русских прилагательных и существительных” (107, с.78).
7. Мужчины употребляли больше качественных и притяжательных прилагательных, а вот женщины использовали больше превосходных и сравнительных степеней качественных прилагательных.
8. Интересные различия наблюдались и с “мужской” и “женской” оценочностью. В речи мужчин преобладали рационалистические оценки. Женщины же живее реагировали на социальную обстановку и больше оценивали явления с социальной точки зрения. Повышенная эмоциональность женщин отразилась сразу же в гораздо большем количестве эмоциональных оценок. По количеству сенсорных оценок женщины примерно в 1,3 раза “опережают” мужчин. Сублимированная (этическая и эстетическая) оценки встречаются в речи обоих полов довольно часто, но мужчины, как выяснилось, выделяют больше эстетическую сторону предмета, а женщины - этическую.
9. Как уже упоминалось выше, в речи женщин было зарегистрировано большее количество употребления глаголов, в т.ч. наблюдалась явная преференция к употреблению глаголов несовершенного вида пассивного залога. А вот при рассмотрении категории наклонения, было замечено, что мужчины используют чаще повелительное наклонение, а женщины сослагательное (по-видимому, в силу более вежливого характера их речи).
10. Статистически значимыми стали соотношения употреблений “существительных к глаголам” (в пользу мужчин) и “наречий к прилагательным” (у женщин пропорция наречий к прилагательным больше 1).
11. Если рассмотреть общие индексы (показатели построения структуры текстов), то значимые различия обнаружились по четырем пунктам: женская речь оказалась менее предметна и качественна (коэффициент предметности и качественности был ниже) чем мужская, т.е. получилось, что мужчины изображают мир, действительность в большем разнообразии качественных характеристик, красок, признаков, чем это делают женщины. Такой результат был для нас крайне неожиданным, т. к.

в большинстве исследований по этому вопросу утверждалось обратное (31, 118, 164, 227, 370, 375).

Мужские тексты были также более связаны и менее активны, судя по показателям соответствующих индексов.

При анализе синтаксической структуры женских и мужских текстов было выявлено, что:

12. В женском синтаксисе преобладают простые предложения, а в мужском - сложные.
13. При использовании синтаксической связи женщины чаще употребляют соединительную связь, а мужчины - подчинительную. Полученный результат подтвердил данные, полученные на материале английского языка Р.Лакофф (257, 258).
14. При построении сложных предложений с подчинительной связью мужчины "конструируют" больше придаточных времени, места и цели. У женщин преобладают, в основном, придаточные степени и уступительные.
15. Среднее число придаточных предложений в составе сложных синтаксических целых выше в мужских предложениях (около 3), а в женских равно 2.
16. Большая эмоциональность женщин в письменной речи выражается в более частом употреблении восклицательных и вопросительных предложений, а также в превалировании в их речи неполных предложений и эллиптических конструкций.
17. Гораздо чаще встречаются предложения с инвертированным порядком слов.
18. Большее количество вводных конструкций зафиксировано в мужской речи.
19. При сравнении коэффициентов синтаксической сложности речи более высоким он оказался в мужском массиве текстов.

При сравнении массивов, составленных из образцов сочинений лиц со средним уровнем образования и более старшего возраста, картина статистически значимых различий примерно совпадала с предшествующей (т.е. письменная речь мужчин и женщин разнилась по тем же параметрам за исключением нескольких пунктов).

К дополнительным различиям, проявившимся во второй группе текстов, могут быть отнесены следующие параметры:

1. Абстрактные существительные представлены в большем количестве в речи мужчин, а конкретные (в т.ч. имена собственные) гораздо чаще можно встретить в женской речи.
2. Статистически значимым признаком стало количество союзов в пользу женщин и частота употреблений наречий в пользу мужчин (в предыдущем массиве не было обнаружено статистически значимых различий по вышеуказанным параметрам).
3. Женские тексты, отобранные во второй группе испытуемых, были динамичнее (т.е. “женский” коэффициент динамизма был выше по сравнению с “мужским” коэффициентом).
4. У женщин в текстах встретилось меньше ошибок на грамматическом и лексическом уровнях, а вот различий по ошибкам в орфографии найдено не было (одинаково большое количество как у мужчин, так и у женщин).

Следует заметить, что особенностей и различий в синтаксической структуре предложений было найдено значительно меньше.

Женские тексты отличались от мужских лишь по:

1. Количеству употребления простых и сложных предложений.
2. Предпочтений в синтаксической связи (подчинительной больше в мужских текстах, а сочинительной - в женских).
3. По количеству использования вопросительных и восклицательных предложений, а также предложений с обратным порядком слов (у женщин в текстах они встречались чаще).

И прямо противоположные данные по сравнению с текстами из первой группы были получены по двум пунктам:

1. По лексическому разнообразию словаря (во второй группе испытуемых словарь женщин, а не мужчин оказался гораздо разнообразнее и богаче).
2. По синтаксической сложности речи (у женщин речь оказалась сложнее).

Т.е. мы можем утверждать, что уровень образования и возраст определенным образом влияют на проявление полового диморфизма в речи и изменяют некоторые её параметры.

При анализе текстов писем из контрольной выборки и выделении различий между прагматическими характеристиками мужской и женской письменной речи наблюдалась высокая частота совпадаемости полученных характеристик с признаками, выделенными в массиве лиц с высшим уровнем образования.

Практически совпали все характеристики за исключением трех параметров:

Не было найдено статистически значимых различий:

1. По количеству употреблений числительных.
2. По использованию мужчинами глаголов в повелительном наклонении.
3. По употреблению типов придаточных предложений.

Было также отмечено несколько параметров, по которым наблюдалась противоречивость в полученных данных при сопоставительном анализе.

1. В текстах писем у мужчин, а не у женщин отмечалась большее количество употреблений простых предложений.
2. Тексты мужчин получились с более активной структурой (коэффициент активности был выше).

Также добавился еще один статистически значимый признак “количество употреблений причастий” (оно было выше в мужской речи).

При составлении итогового перечня характеристик мужской и женской письменной речи мы учитывали противоречивость данных по некоторым параметрам (такие параметры письменной речи нами были исключены из списка вообще), а также некоторую ранжированность данных (мы имеем в виду тот факт, что в одной выборке признак обладал дифференцирующей силой, а в другой нет).

Поэтому мы составили два списка признаков мужской и женской письменной речи - *основной* (в который включили признаки, встреченные во всех выборках и группах текстов) и *дополнительный* (в него вошли параметры, которые являлись статистически значимыми только в одной выборке текстов, т.е. проявлялись при определенных условиях и коррелировали с другими социальными факторами).

Основной список идентификационных признаков мужской речи:

1. Мужские тексты были значительно короче женских.
2. Мужские предложения по своей длине также были короче женских.
3. Ошибок в мужских текстах было зарегистрировано гораздо больше.

По распределению слов по частям речи статистически значимы стали различия по следующим параметрам:

4. У мужчин было зарегистрирована более высокая частота использования существительных и прилагательных.
5. В свою очередь в их речи было гораздо меньше глаголов и частиц. В особенности это проявилось в употреблении частиц “не” и “ни” (очень низкая по сравнению с женщинами частота употреблений).
6. По распределению прилагательных и существительных по роду была установлена следующая особенность: мужчины в количественном плане больше употребляли прилагательных и существительных женского рода, т.е. существовала явная ориентация на использование слов, “противоположных” по роду.
7. Мужчины употребляли больше качественных и притяжательных прилагательных, причем качественные прилагательные употреблялись в основном в положительной степени (а не в сравнительной или же превосходных степенях).

8. Интересные различия наблюдались и в коннотативной окраске значений качественных прилагательных. При анализе частнооценочных значений этих прилагательных и выделении мотивов оценки было установлено, что в речи мужчин превалировали рационалистические оценки. Оценок с социальной точки зрения делалось крайне мало. Эмоциональных и сенсорных оценок в их речи также было меньше. Сублимированная (этическая и эстетическая) оценки встречаются в речи обоих полов довольно часто, но мужчины, как выяснилось, выделяют больше эстетическую нежели этическую сторону предмета или явления окружающей нас действительности.
9. Мужчины обнаружили четкую преференцию к использованию глаголов несовершенного вида в активном залоге.
10. Статистически значимыми для мужской письменной речи стали соотношения употреблений “существительных к глаголам” (в пользу существительных) и “наречий к прилагательным” (прилагательные встречаются чаще наречий).
11. По показателям построения структуры текстов индексы качества и предметности в мужских текстах были выше, т.е. получилось, что именно мужчины (хотя ожидалось прямо противоположное) изображают мир и действительность в большем разнообразии качественных характеристик, красок, и признаков, чем это делают женщины.
12. Речь мужчин также более связана (значение коэффициент связности выше).

При анализе синтаксической структуры женских и мужских текстов было выявлено, что:

13. При использовании синтаксической связи мужчины чаще употребляют подчинительную, а не сочинительную связь.
14. Мужчины в своей речи реже используют восклицательные и вопросительные предложения, а также в их речи зарегистрирована более низкая частота встречаемости неполных предложений и эллиптических конструкций.
15. Гораздо реже встречаются и предложения с инвертированным порядком слов.

Список идентификационных признаков женской письменной речи являет зеркальное отражение приведенного перечня статистически различающихся параметров.

А теперь приведем дополнительные характеристики мужской письменной речи, проявившиеся лишь в одной из трех выборов.

Дополнительный список идентификационных признаков мужской речи

1. У мужчин в текстах встретилось больше ошибок на грамматическом лексическом уровнях.
2. Абстрактные существительные представлены в большем количестве в речи мужчин, а конкретные (в т.ч. имена собственные) гораздо чаще можно встретить в женской речи.
3. Статистически значимым признаком стало количество союзов и числительных (в речи мужчин их меньше) и количество наречий и причастий (в речи мужчин они встречались чаще).
4. Мужчины используют чаще повелительное наклонение, а женщины сослагательное.
5. Мужские тексты были менее динамичными (т.е. значение “мужского” коэффициент динамизма был ниже в сравнении с “женским” коэффициентом).
6. При построении сложных предложений с подчинительной связью мужчины “конструируют” больше придаточных времени, места и цели. У женщин преобладают, в основном, придаточные степени и уступительные.
7. Среднее число придаточных предложений в составе сложных синтаксических целых выше в мужских предложениях (около 3), а в женских равно 2.
8. Большее количество вводных конструкций зафиксировано в мужской речи.

Создание такого списка признаков мужской и женской письменной речи в какой-то мере доказало выдвинутую гипотезу о существовании половой дихотомии в современном русском языке.

Данная дихотомия проявляется в существовании некоторых количественных закономерностей в использовании тех или иных речевых структур.

Под влиянием определенных факторов (уровня образования, профессии, возраста, эмоционального состояния пишущего) статистические различия, обусловленные половым диморфизмом в речи, могут как увеличиваться, так и сглаживаться (нивелироваться).

Выявленные различия носят вероятностный, а не инвентарный характер - в русском языке не существует отдельно структур, используемых женщинами, а отдельно - мужчинами. Не существует и отдельно мужских и женских вариантов языка.

Глава 6 - Женщина и мужчина.

(Какими видят и воспринимают себя наши современники).

Предметом последней стадии нашего исследования стало изучение образов мужчины и женщины в наивной картине мира носителей русского языка, а также, связанные с этим, представления о гендерных ролях и стереотипах социального поведения.

Возможны различные способы выявления специфики образов сознания носителей той или иной культуры.

Основной целью нашей работы стало рассмотрение того, какие именно качества приписываются в русском языковом сознании **мужчине**, а какие - **женщине** на рубеже 2000 тысячелетия.

В качестве инструментов для исследования был выбран специально разработанный личностный опросник (на подобию опросника ценностей Оллпорта - Вернона - Линдсея).

Эксперимент был связан с выявлением и описанием социальных ролей и стереотипов, с которыми в современном русском обществе ассоциируется женщина и мужчина. Предметом нашего исследования стали гендерные роли и определяемая ими система норм и установок именно в современном русскоговорящем обществе на рубеже двух тысячелетий.

Эксперимент проходил по следующей схеме:

Группе испытуемых - 600 мужчинам и женщинам, участвовавшим в проведенном ранее и описанном во второй главе нашей работы, ассоциативном эксперименте, был предложен список вопросов со следующей инструкцией: «Ответьте, пожалуйста, на вопросы, указывая те качества и характеристики, которые вы считаете наиболее важными для образов женщины и мужчины в нашем обществе сегодня». Заранее никакого перечня характеристик и качеств не давалось. Информанты были абсолютно вольны в своем выборе и в его вербальной репрезентации. Единственное условие, налагаемое экспериментатором, была просьба перечислять все свойства или качества в порядке предпочтения, нумеруя каждый пункт.

Опросник содержал две группы вопросов. Первая группа содержала вопросы, касающиеся непосредственно образов идеальных мужчины и женщины в сегодняшнем обществе: «*Какими достоинствами должна обладать женщина?*», «*Что у женщины может быть недостатком?*», «*Какими достоинствами должен обладать мужчина?*», «*Что у мужчины может быть недостатком?*». В результате такого опроса было получено восемь массивов ответов 4 мужских и 4 женских. После специального факторного анализа с использованием процедур статистического анализа ANOVA были составлены образы идеальных мужчины и женщины как от лица мужчины, так и от лица женщины, представляющих собой список предпочитаемых и отвергаемых характеристик и достоинств мужчины и женщины.

Вторая группа вопросов представляла собой как бы зеркальное отражение образов идеальных мужчины и женщины. Вопросы касались восприятия себя лицами противоположного пола, т.е. нами была предпринята попытка посмотреть на себя со стороны, увидеть свой образ *опосредованно* - глазами противоположного пола. Вопросы ставились отдельно мужчинам и отдельно женщинам. Например, «*По мнению женщины, какие недостатки и какие достоинства в них видят мужчины?*», «*По мнению мужчин, какие достоинства и какие недостатки в них видят женщины?*». В результате проведения опроса было получено также по 4 массива характеристик, которые после

аналогичной статистической обработки ANOVA дали образ современных женщины и мужчины как бы со стороны, через призму противоположного пола.

Как показали результаты эксперимента, *женщины* более других достоинств выделяют для *женщины* следующее:

- Внешняя привлекательность;
- Умение поддержать разговор;
- Быть интересной, развитой интеллект;
- Доброту, отзывчивость;
- Ласковость, нежность, мягкость;
- Чувство меры во всем, обладание вкусом;
- Самостоятельность;
- Общительность, коммуникабельность;
- Хорошая мать;
- Хорошая хозяйка;
- Актриса, кокетка;
- По-женски хитрая;
- Чувство собственного достоинства, умение постоять за себя;
- Гордость, неприступность;
- Тактичность, вежливость;
- Чувство красоты;
- Порядочность, верность;
- Аккуратность, ухоженность;
- Чувство юмора;
- Женственность;
- Оригинальность;
- Умение выслушать;
- Скромность.

К **женским** недостаткам, по мнению **женщин**, относятся:

- Грубость;
- Пьет, курит, сквернословит;
- Неряшливость, неухоженность;
- Отсутствие вкуса;
- Заносчивость, самоуверенность;
- Излишняя покладистость, «отсутствие гордости»;
- Вызывающее поведение, вульгарность;
- Излишняя скромность, застенчивость;
- Цинизм;
- Нетактичность;
- Жестокость;
- Плнота, плохая фигура.

Образ **женщины** для современных **мужчин** выглядит таким образом:

Красивая внешность (природная красота, умение выглядеть красивой);
Доброта, отзывчивость;
Умение поддержать разговор, выйти из любой ситуации, умение быть интересной, но в тоже время быть глупее мужчины);
Хорошая хозяйка, главное - умение вкусно готовить пищу;
Сексуальность, но при этом верность мужу;
Хорошая мать, любящая своих детей;
Понимание, сопереживание, женщина - друг;
Жизнерадостность;
Чувство юмора;
Общительность, гостеприимность;
Тактичность, вежливость;
Легкость в общении, покладистость;
Искренность, открытость, честность;
Обладание вкусом;
Естественность, нежеманность;
Чувством собственного достоинства;
Аккуратность, ухоженность;
Энергичность, подвижность;

Главными недостатками **мужчины** считают у **женщин**:

Курение, алкоголизм, сквернословие;
Грубость, хамство, наглость;
Неверность;
Отсутствие вкуса;
Неряшливость, неухоженность;
Надменность, заносчивость;
Болтливость;
Безразличие к делам мужчины;
Нескромность, бессовестность, вызывающее поведение;
Нетактичность;
Лживость;
Глупость;
Склонность к сплетням;
Чересчур умная;
Упрямство, непокладистость;
Эгоизм;
Плохая мать;
Плохая хозяйка;
Ревнивость;
Капризность;
Пошлость.

По мнению **женщины**, **мужчина** должен обладать следующими качествами:

Привлекательная внешность, обаяние;
Сила; умение постоять за себя;
Острый, пронизательный ум, широкий круг интересов;
Смелость;
Мужество;
Умение материально обеспечить семью, предприимчивость;
Практичность, трудолюбие;
Чувство юмора;
Эрудиция, культура;
Мужчина - друг;
Умение ухаживать, любить;
Аккуратность;
Доброта, отзывчивость;
Честность, открытость;
Общительность, тактичность;
Порядочность, верность;
Сдержанность, невозмутимость;
Принципиальность;
Обладание вкусом (умение одеваться);
Внимательность, нежность;
Благородство, великодушие;
Скромность.

К недостаткам у **мужчин женщины** относят:

Неумение любить;
Эгоизм;
Цинизм;
Склонность к сплетням;
Грубость;
Бескультурье;
Самоуверенность, самовлюбленность;
Слабость, трусость;
Тупость;
Хвастовство;
Нетактичность, наглость;
Несдержанность;
Упрямство;
Неряшливость;
«Секс на первом плане»;
Вызывающее поведение;
Расхлябанность;
Занудство;
Назойливость, навязчивость;
«Чересчур умный»;
Дурные привычки (пьет, курит).
Неверность;
Лень.

Для современного **мужчины**, как полагают сами **мужчины**, важны такие качества:

Физическое совершенство;
Высокий интеллект;
Умение вести себя с женщиной, пользоваться у них успехом;
Независимость в суждениях и поступках;
Приятная внешность;
Решительность, смелость;
Целеустремленность;
Развитое чувство собственного достоинства;

Сила духа, воли;
Предприимчивость;
Чувство юмора;
Общительность;
Умение постоять за себя;
Сдержанность;
Терпение;
Тактичность;
Вежливость;
Аккуратность;
Порядочность, честность;
Верность данному слову;
Принципиальность;
Доброта, отзывчивость;
К своим недостаткам **мужчины** относят:
Назойливость;
Застенчивость;
Занудство;
Быть у женщины под каблуком;
Сентиментальность;
Эмоциональность;
Физическая слабость;
Трусость;
Куливо, выпивка;

По полученным данным, можно сделать следующие выводы:

В образе современной женщине как мужчины, так и женщины ценят прежде всего физические качества, а потом лишь духовные.

Для мужчин такая социальная роль женщины как хорошая мать и хозяйка более важна, чем для самой женщины.

Для мужчин в женщине очень ценны такие качества как умение слушать, сопереживать мужчине, быть ему другом. Женщина должна быть сексуальна, но в тоже время верна мужчине. В мужских оценках духовные качества женщин занимают больше места, чем у самих женщин. Для женщин оказались более важны «внешние качества» (особенности поведения, нежели моральные или этические). Вообще, традиционно ценимые в обществе такие женские добродетели как скромность, женственность для женщин гораздо больше чем для мужчин ушли в настоящий момент на второй план.

Мужчины и женщины недостатками у женщины видят примерно одно и то же (пагубные привычки, вульгарность в поведении, неопрятный внешний вид). Однако мужчины не могут простить женщине измену и предательство.

Для современного мужчины также более ценятся физические данные (сила и красота), нежели богатство духовного мира. Для женщин также важно, чтобы мужчина был другом и опорой в семье. А вот при перечислении мужских пороков у женщин этический фактор преобладает в оценке, а уж потом оцениваются негативные черты в социальном поведении. У мужчины все наоборот. Мы также заметили, что при оценке качеств противоположного пола рациональный элемент начинает заметно преобладать в выносимых суждениях.

Результаты, полученные во второй части данного эксперимента, т.е. взгляда на себя через призму противоположного пола, выявили следующее.

Женщины полагают, что **мужчины** ценят в них:

Красивую внешность (фигуру, лицо);
Скромность;
Ум;
Нежность, ласку, теплоту;
Обаяние, женственность;
Умение готовить;
Верность;
Кокетство;
Искренность, откровенность;
Понимание (женщина - друг);
Доброту, отзывчивость;
Аккуратность, ухоженность;
Естественность;
Любовь к детям;
Оригинальность;
Мягкость, покладистость, послушание;
Внимание, умение выслушать;
Вкус;
Тактичность;
Наивность;
Чувство собственного достоинства.

По мнению **женщин**, **мужчины** видят в них такие недостатки:

Грубость;
Развязанное, вульгарное поведение;
Дурные привычки;
Отсутствие культуры;
Глупость, узость интересов;
Чрезмерное проявление ума;
Замкнутость;
Недоступность;
Несдержанность;
Отсутствие чувства меры;
Черствость, безразличие;
Сексуальная холодность;
Заносчивость;
Неискренность, лживость;
Неестественность, наигранность, жеманность;
Болтливость;
Сварливость, злость;
Отсутствие вкуса;
Неряшливость;
Плохое отношение к детям;
Навязчивость;
Неверность;
«Синий чулок».

Мужчины думают, что **женщины** к своим добродетелям относят такие качества:

Привлекательная внешность (природная красота, одежда, макияж, манеры);
Хорошая хозяйка;
Сексуальность;
Кокетливость;
По-женски быть хитрой;
Ум;
Обаятельность, женственность;
Нежность;
Гордость, недоступность;
Обилие поклонников.

Мужчины полагают, что **женщины** к своим порокам относят:

Непривлекательность (от природы некрасива, плохой макияж, безвкусно одета);
Плохой характер;
Отсутствие сексуального опыта.

Как мы видим взгляд на себя со стороны примерно совпадает с непосредственной оценкой, выносимой мужчинами или же женщинами. Полученный набор женских и мужских достоинств и недостатков существенно меньше, в силу, по всей видимости, нестандартности предложенной задачи. Но предпочтения в выборе положительных качеств сохраняется примерно такая же, как и на первой стадии эксперимента. Что же касается недостатков (принципов их выделения и оценки), то тут картина несколько иная. Они не совпадают по предпочтениям, появляются новые качества, причем этический параметр в оценке выходит на первый план как у мужчин, так и у женщин.

В целом, полученные списки признаков (женских и мужских достоинств и недостатков) являются по своей сути поиском социо - и психолингвистических измерений маскулинности или феминности. Это попытка с помощью лингвистических методов описать классы психологических свойств и поведенческих структур, различающих мужчин и женщин в данное время и в данной культуре. Они множественны и имеют разные корни и относительно независимо могут варьироваться у разных индивидов. Поэтому и их изучение должно проводиться на междисциплинарном уровне с привлечением не только социологических или же психологических методов исследования, а комплексно.

Происходящая в нашем обществе ломка традиционной системы половых ролей и стереотипов, как показал эксперимент, серьезно влияет на психику и поведение как мужчин, так и женщин и общество должно прогнозировать как следствие этого, так и дальнейшее развитие данных процессов.

В заключение отметим, что результаты, полученные нами в ходе исследования, являются предварительными и нуждаются в проверке и уточнении. Однако представляется, что данное направление исследования, т.е. извлечение психологического и социологического знания из лингвистического и наоборот, - плодотворно и предполагает междисциплинарный подход к решению описываемых проблем.

Закключение

На основании вышеизложенных теоретических и экспериментальных данных по проблеме полового диморфизма в речи на материале русского языка мы можем сделать следующие выводы:

В результате проведенного экспериментального исследования была подтверждена гипотеза о существовании межполовой дифференциации речевого поведения в русском языке.

Частные выводы проведенного исследования сводятся к следующим положениям:

1. Различия в речевом поведении человека, обусловленные его полом, проявляются на всех уровнях языка, охватывают все элементы языковой системы: от языковой способности до основных механизмов речемыслительной деятельности (порождения, восприятия и понимания речевого высказывания).
2. Эти различия обнаружены и в области фонетики (особенности произношения тех или иных звуков, просодических элементов звукового рисунка), в словообразовании морфологии (частотные особенности использования тех или иных частей речи), в организации словаря мужчины и женщины, грамматических особенностях их речи (статистического превалирования одних грамматических структур над другими), синтаксисе (преференции в употреблении различных синтаксических связей, синтаксической сложности предложений), дискурсе и прагматике (например, в оценочной окраске предметов и явлений окружающего нас мира).
3. Различия носят не инвентарный (существуют языковые средства, используемые только мужчинами, или же есть языковые структуры, которые употребляют только женщины), а вероятностный характер (т.е. проявляются в некоторых частотных закономерностях их использования).
4. Частота и характер различий на каждом языковом уровне проявляется неодинаково и с разной степенью интенсивности.
5. На степень и характер проявления различий, обусловленных половым диморфизмом, влияет целая система факторов (от этнических до индивидуально-психологических). Нами было установлено влияние факторов возраста, уровня образования и профессии на проявление полового диморфизма в вербальном поведении.
6. Основопологающим фактором (первоисточником появления речевых различий у мужчин и женщин) являются особенности устройства головного мозга, специализация его правого и левого полушарий, их функциональная асимметрия.
7. Социальные факторы (социальные стереотипы и нормы поведения, образование, социальное окружение и прочее) оказывают влияние, но уже опосредованное. Они могут влиять на интенсивность и степень проявления различий, но, по всей видимости, не могут порождать их самостоятельно.
8. Половая дифференциация в языке возникает вместе с формированием языковой способности человека, т.е. уже с раннего детства, в онтогенезе закладываются различия в речевом поведении человека, обусловленные его полом.
9. Перспективным методом исследования ассоциативной картины мира мужчин и женщин является анализ языковой стратегии испытуемых и структуры получаемых от них ассоциативных полей.

В завершении всей работы необходимо отметить, что выводы нашего исследования не претендуют ни на универсальность, ни на “истину в последней инстанции” и могут быть оспорены, но, нам кажется, что полученные данные и используемые методы могут быть экстраполированы как при изучении процессов порождения и восприятия речевых структур, так и при построении тезауруса ассоциативного мира мужчины и женщины.

Литература

1. Апухтин В.Б., Психолингвистический метод анализа смысловой структуры текста, М., 1977, (АКД).
2. Бакушева Е.М., О различиях в речевом поведении мальчиков и девочек// Антропоцентризм прагматика, Кривой Рог - Москва, 1995, с.100-110.
3. Бакушева Е.М., Особенности речи мужчин и женщин во французском языке, Автореф. дисс. канд. филологических наук, Москва, 1995
4. Балонов Л.Я., Деглин В.Л., Слух и речь доминантного и недоминантного полушарий, Л., 1976.
5. Баско Н.А., Половой дисбаланс и синтаксис простого предложения // Антропоцентризм прагматика, Кривой Рог - Москва, 1995, с.с.97-100.
6. Белов В.П., Хлынин С.К., Скокан Ю.А., Опыт машинной реализации некоторых психолингвистических задач, М., 1984.
7. Белянин В.П., Экспериментальное исследование психолингвистических закономерностей смыслового восприятия текста. Автореф. кан. дис., М., 1983.
8. Белянин В.П., Психолингвистические аспекты художественного текста, МГУ, 1988.
9. Белянин В.П., Ямпольский Л.Т., Экспериментальное выявление психологического тезаура жанра текста // Общение: структура и процесс, М., 1982.
10. Блейхер В.М., Боков С.Н., Ташлыков В.А., Использование методики "Вербальный проективный текст" в диагностики психических расстройств, Киев, 1991.
11. Блум Ф., Лейзерсон А., Хофстедтер Л., Мозг, разум и поведение, М., 1988.
12. Бойкова Н.Г., Штерн А.С., Исследование восприятия устного публицистического текста // Вестник ЛГУ, 1981, №8.
13. Бондаренко Г.В., Экспериментальное исследование структурных и психолингвистических особенностей синтеза связного текста // Материалы II симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации, М., 1972, с.с.58-59.
14. Бондаренко Г.В., Крючкова Т.Б., О роли семантических факторов в построении текста (Экспериментальное исследование), // Материалы II симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации, М., 1972, с.с. 27-28.
15. Брудный А.А., Значение слова и психология противопоставлений // Семантическая структура слова, М., 1971, с.с.19-27.
16. Брудный А.А., Семантика языка и психология человека, Фрунзе, 1972.
17. Брудный А.А., Экспериментальный анализ процесса понимания. Тезисы докладов к 20 Международному психологическому конгрессу, М., 1972, с.с. 35-37.
18. Брудный А.А., К анализу процессов понимания текстов. Знак и общение, Фрунзе, 1974, с.с.3-6.
19. Брудный А.А., Понимание как философско-психологическая проблема, Вопросы философии, 1975, №10, с.с.109-117.
20. Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М., Словарь-справочник по психологической диагностике, Киев, Наукова Думка, 1989.
21. Васильев С.А., Синтез смысла при создании и понимании текста, Киев, Наукова Думка, 1988.
22. Вейлерт А.А., О зависимости количественных показателей единиц языка от пола говорящего лица // Вопросы языкознания, N5, 1976, с.с.138-143.
23. Вейнигер О., Пол и характер, М., 1912.
24. Вернер Ф., Речевое поведение женщин и мужчин // Рж. - Сер.6 Языкознание. - 1984, N6, с.95.

25. Верховланцева Н.Ф., Из наблюдений над использованием просторечной лексики мужчин-женщин - носителями литературного русского языка // Живое слово в русской речи Прикамья, Пермь, 1989, с.с.83-89.
26. Вольф Е.М., Грамматика и семантика прилагательного (на материале иберо-романских языков), М., 1978.
27. Вольф Е.М., Функциональная семантика оценки, М., 1985.
28. Вопросы практической психодиагностики и консультирования в вузе, Л., 1984.
29. Вопросы судебно-автороведческой диагностической экспертизы, Киев, РИО МВД УССР, 1984.
30. Вул С.М., Горошко Е.И., Судебно-автороведческая классификационная диагностика: установление половой принадлежности автора документа // Современные достижения науки и техники в борьбе с преступностью (Тезисы научно-практической конференции), Минск, 1992, с.139-141.
31. Вул С.М., Мартынюк А.П., Теоретические предпосылки диагностирования половой принадлежности автора документа // Современное состояние и перспективы развития традиционных видов криминалистической экспертизы, М., 1987, с.с.105-112.
32. Выготский Л.С., Предыстория письменной речи // Умственное развитие детей в процессе обучения, М.-Л., 1935.
33. Выготский Л.С., Избранные психологические исследования, М., 1956.
34. Гальперин И.Р., О понятии "текст" // Вопросы языкознания, 1974, №5, с.с.361- 365.
35. Гальперин И.Р., Текст как предмет лингвистического исследования, М., 1981.
36. Гасица Н.А. Особенности вербальных ассоциаций в онтогенезе, Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, М., 1992.
37. Головин Б.Н., Язык и статистика, М., Просвещение, 1971.
38. Гомон Т.В., Исследование документов с деформированной внутренней структурой. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук, Москва, 1990.
39. Горошко Е.И., Исследование оценочных значений прилагательных с целью установления пола автора документа // Криминалистика и судебная экспертиза, Киев, 1990, N5, с.с.62-71.
40. Горошко Е.И., Проблемы изучения особенностей мужского и женского стиля речи // Формирование коммуникативных и интеллектуальных навыков школьников и студентов, Днепропетровск, 1994, с.с.160-169.
41. Горошко Е.И., Особенности восприятия и порождения текста, обусловленные половой принадлежностью индивида // Антропоцентризм и прагматика, Москва - Кривой Рог, 1995, с.с.82 - 91.
42. Горошко Е.И., Особенности восприятия текста, обусловленные половой дифференциацией личности // 1 Международный симпозиум "Человек: Язык, культура, познание" (Тезисы научно-практической конференции), Кривой Рог, 1995, с.с.247-248.
43. Доблаев Л.П., О двух типах смысловых отношений в учебном и научном тексте // Материалы II симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации, М., 1972, с.с.67-68.
44. Доблаев Л.П., Смысловая структура учебного текста и проблемы его понимания, М., 1982.
45. Дридзе Т.М., Ассоциативный эксперимент в конкретном социологическом исследовании // Семантическая структура слова, М., 1971, с.с.168-178.
46. Жельвис В.И., Инвектива: мужское и женское предпочтения // Этнические и культурные стереотипы социального поведения, Л., 1989, с.с. 266-283.
47. Жинкин Н.И., Механизмы речи, М., 1958.
48. Жинкин Н.И., Развитие письменной речи учащихся III - VII классов // Известия АПН РСФСР, М., 1956, вып.78.

49. Жинкин Н.И., Речь как проводник информации, М., 1982.
50. Залевская А.А., Свободные ассоциации в трех языках // Семантическая структура слова, М., 1971., с.с.178-194.
51. Залевская А.А., Функциональная основа разграничения парадигматических синтагматических связей при анализе материалов ассоциативного эксперимента // Слово и текст в психолингвистическом аспекте, Тверь, 1992., с.с.43-50.
52. Звонкин А.К., Ярхо А.В., Последовательная трансформация текста как способ исследования его понимания // Тезисы УІ Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации, М., 1978.
53. Зимняя И.А., О психологическом подходе к изучению текста // Тезисы УІ Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации, М., 1978, с.с. 231-233.
54. Исследование мышления в советской психологии, М., 1966, с.с.27-36.
55. Исследование речевого мышления в психолингвистике, М., 1985.
56. Каган Е.В., Стереотипы мужественности и женственности и “образ я” у подростков // Психологический журнал, 1988, N5, с.с.53 - 62.
57. Каменская О.Л., Текст и коммуникация, М., Высшая школа, 1990.
58. Караулов Ю.Н., От структуры ассоциативного словаря к структуре языковой способности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия 2. Филология. Журналистика, 1993, N1.
59. Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка, М., 1993.
60. Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник инструмент анализа языковой личности // РАС, с.с.190-219.
61. Каспранский Р.Р., “Звучащий текст” и его порождение // Материалы У Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации, М., 1975.
62. Коломийцева О.А., Опыт психолингвистического анализа речемыслительных расстройств больных шизофренией // Психологический журнал, 1995, т.16, №6, с.с.122-129.
63. Кон И.С., Психология половых различий // Вопросы психологии, 1981, N2, с.с.47-56.
64. Коновалов В.Ф., Отмахова О.А., Особенности межполушарных взаимодействий при запечатлении информации // Вопросы психологии, 1984, N4, с.с.68-79.
65. Копыленко О.М., Роль смысловой структуры текста в понимании // Материалы Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации, М., 1975, с.с.28-31.
66. Копыленко О.М., Экспериментальное исследование влияния смысловой структуры текста на его понимание // Тезисы УІ всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации, М., 1978.
67. Котик Б.С., Межполушарное взаимодействие при осуществлении речи у билингвов // Вопросы психологии, 1983, N6, с.с.114-120.
68. Крючкова Т.Б., Некоторые экспериментальные исследования особенностей использования русского языка мужчиной и женщиной // Проблемы психолингвистики, М., 1975б, с.с.186-200.
69. Леонтьев А.А., Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах // Словарь ассоциативных норм русского языка, М., 1977, сс.5-17.
70. Леонтьев А.А., Понятие текста в современной лингвистике и психологии // Психолингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности её восприятия, Киев, 1979.
71. Леонтьев А.А., Психологические механизмы речи // Общее языкознание, М., 1970.
72. Леонтьев А.А., Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания, М., 1969.

73. Леонтьева О.Ю., Мартынюк А.П., Стереотипы мужских и женских качеств в речи авторов мужчин и женщин / Гос.ком. СССР по народному образованию, ХГУ, - Харьков, 1989, 9с., Рук. деп. в ИНИОН АН СССР N38936 от 20.07.1989.
74. Ляудис В.Я., Негурэ Н.П., Психологические основы формирования письменной речи младших школьников, М., Международная педагогическая академия, 1994.
75. Мартынюк А.П., О реализации принципа вежливости в речи мужчин и женщин // Вестник Харьковского Университета, Харьков, 1989, N339, с.с.89 - 92.
76. Мартынюк А.П., Землянский П.Н., Речевое поведение мужчин и женщин в малых группах // Язык. Сознание. Этнос. Культура, М., 1994, с.с.134 - 135.
77. Мартынюк А.П., Касимова И.А., Наречия, выражающие различную степень уверенности говорящего в речи мужчин и женщин в современном английском языке // Гос. ком. СССР по народному образованию, ХГУ, Харьков, 1989, 10 с., Рук. деп. в ИНИОН АН СССР N39948 от 29.08.1989.
78. Мартынюк А.П., Медведева Т.С., Некоторые оценочные высказывания в речи мужчин и женщин // Гос. ком. СССР по народному образованию, ХГУ, Харьков, 1990, 12с., Рук. деп. в ИНИОН АН СССР от 28.08.1990, N 42766.
79. Маслова В.А., Параметры экспрессивности текста // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности, М., Наука, 1991, с.с.179-204.
80. Михайлов В.А., Павлов В.М., Текст и процессы речемыслительной деятельности // Материалы VIII Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации, М., 1985.
81. Михеев А.В., Ярославцева Е.И., Влияние лингвистических параметров текста на эффективность речевого воздействия // Материалы VIII Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации, М., 1985.
82. Мосидзе В.М., Рамишвили Б.В., Функциональная асимметрия мозга, Тбилиси, 1977.
83. Мошинская Л.Р. Влияние половозрастных особенностей субъекта на процесс вербальной коммуникации // Тезисы VI всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации, М., 1978, с.с.44-46.
84. Нгуен Дык Тон, Особенности вьетнамских и русских ассоциаций в зависимости от пола говорящего // Новое в изучении вьетнамского языка и других языков Юго-Восточной Азии, М., 1989, с.с.156 - 159.
85. Нгуен Дык Тон, Ли Тоан Тханг, Направленный ассоциативный эксперимент как инструмент исследования национально-культурной специфики речевого мышления вьетнамцев // Язык: этнокультурный и прагматический аспекты. Сборник научных трудов, Днепропетровск, 1988, с.с.56-63.
86. Николаенко Н.Н., Асимметрия полушарий мозга и цветовосприятие // Взаимоотношение полушарий мозга, Тбилиси, 1982.
87. Нишанов В.К., Системный анализ понимания текстов Материалы VIII Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации, М., 1985.
88. Новиков А.И., Исследование процесса смыслового преобразования текста // Семантика, логика, интуиция в мыслительной деятельности человека, М., 1979.
89. Ножин А.Е., Логика рассуждений и логика изложений в организации текста // Смысловое восприятие речевого сообщения, М., 1976.
90. Общение. Текст. Высказывание, М., 1989.
91. Овчинникова И.Г., Ассоциации и высказывание, Пермь, 1994.
92. Петренко В.Ф., Психосемантика сознания, М., МГУ, 1988.
93. Поликашина Р.А., Смысловая структура пропагандистских текстов (Результаты пилотажного эксперимента) // Тезисы VI всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации, М., 1978, с.с.117-127.

94. Пособие по применению психологической методики ММРІ/ Сост.Собчик Л.Н. - М.: НИИ психиатрии МЗ РСФСР , 1971.
95. Психология индивидуальных различий, М., 1986.
96. Русский ассоциативный словарь (РАС). Книга 1. Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть 1. 96., Ю.Н.Караулов, Ю.А.Сорокин, Е.Ф.Тарасов и др., М., 1994.
97. Рыжжина О.А., Реснянская Л.И., Психо- и социолінгвістический анализ языкового портрета горожанина // Живая речь уральского города, Свердловск, 1988, с.с.39 - 47.
98. Сахарный Л.В., Введение в психолінгвістику, Л., ЛГУ, 1989.
99. Семенов В.Е., Исследование процессов восприятия произведений литературы и искусства // Психологический журнал, 1985, т.6, №3.
100. Словарь ассоциативных норм русского языка, М., 1977.
101. Смысловое восприятие речевого сообщения, М., 1976.
102. Сорокин Ю.А., Шахнорович А.М., Уфимцева Н.В., Смысловое восприятие и оценка текстов // Проблемы психолінгвістики, М., 1975.
103. Статистика речи и смысловой анализ текста, Ленинград, 1980.
104. Толкачева С.Д., Влияние структурных особенностей текста на его воспроизведение применительно к задачам обучения иноязычной письменной речи //Материалы V Всесоюзного симпозиума по психолінгвістике и теории коммуникации, М., 1975, с.с.56-59.
105. Холод А.М., Холод И.В., Половая дифференциация в развитии речи младших школьников // Развитие речи младших школьников. Тезисы докладов Республиканской научно-практической конференции, Самара, 1991, с.с.89-92.
106. Холод А.М., Прагматика родовых форм русских существительных в квазиконтексте // Прагматическое содержание грамматики текста, Москва, 1992 с.с. 106 -117.
107. Холод А.М., Прагматические характеристики родовых форм русских имен прилагательных существительных. Дисс. на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Киев, 1994.
108. Холод О.М., Прагматичні характеристики родових форм російських прикметників та іменників, Автор. дис. на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук, Київ, 1994.
109. Холод А.М., “Любимые звуки” и расстройства сексуальной деятельности // Антропоцентризм и прагматика, Москва-Кривой Рог, 1995, с.с. 67 - 82.
110. Черниговская Т.В., Балонов Л.Я., Деглин В.Л., Эволюционно-физиологический анализ мозговой организации билингвизма // Взаимоотношение полушарий мозга, Тбилиси, 1982, с.с.37-56
111. Школьник Л.С., Экспериментальное изучение логико-мотивационной структуры прагматически ориентированного текста // Общение: теоретические и прагматические проблемы, М., 1978.
112. Шовгеля Е.Н., Антропоцентризм в толковании лексического значения имени существительного // Антропоцентризм и прагматика, Москва - Кривой Рог, 1995, с.с.91- 97.
113. Шеварев П.А., О роли ассоциаций в процессах мышления // Понимание как философская проблема, 1956, с.с.388-437.
114. Шукуров Э., Нишанов В., О специфике понимания // Диалектика познания, понимания, общения, Фрунзе, 1985.
115. Щекин Г.В., Визуальная психодиагностика и ее методы, Киев, 1992, т.1.
116. Щур Г.С., О типах лексических ассоциаций в языке // Семантическая структура слова, М., 1971.. с.с.140-151.
117. Abbot, P. and Sapsford, R., (1987), Women and Social Class, London, Tavistock Publications.

118. Adler M.K., (1987), *Sex Differences in Human Speech. A Sociolinguistic Study*, Hamburg.
119. Archer, J., & Lloyd, B., (1982), *Sex and Gender*, Penguin, Harmondsworth.
120. Archer, J., (1988), *Biological Explanations of Sex-Role Stereotypes*, in *Conceptual Social and Semantic Issues*, Pergamon Press, p.p.4-26.
121. Ardener, S., (1978), *The Nature of Women in Society*, London, Croom Helm.
122. Aries, E., (1976), *Interaction Patterns and Themes of Male, Female and Mixed Groups*, in *Small Group Behaviour*, N7 (1), p.p.7-18.
123. Aronovich C.D., (1976), *The Voice of Personality: Stereotyped Judgements and their Relation to Voice Quality and Sex of Speaker*, in *Journal of Social Psychology*, N99, p.p.204 - 220.
124. Ashmore, R.D., (1990), *Sex, Gender and the Individual*, in L.A.Pervin (ed.), *Handbook of Personality: Theory and Research*, New York, Guilford, p.p.486-526.
125. Baker Sidney S., (1948), *The Sexual Symbolism of Language*, *International Journal of Sexology*, N2, p.p.13-48.
126. Bardwick J.M., (1971), *The Psychology of Women*, New York, Harper & Row.
127. Barron N., (1971), *Sex-typed Language: The Production of Grammatical Cases*, *Acta Sociologica*, N14, p.p.24 - 72.
128. Bate B.A. , (1976), *Generic Man, Invisible Woman: Language, Thought, and Social Change*, *University of Michigan Papers in Women's Studies*, N2 (1), p.p. 2 - 13.
129. Baumann, M., (1979), *Two features of "Women's Speech?"* in Dubois, B.L. and Crouch, I. (eds) *The Sociology of the Languages of American Women*, *Papers in Southwest English IY*, San Antonio, Trinity University.
130. Beattie, G.W., (1981), *Interruption in Conversational Interaction, and its Relation to the Sex and Status of Interactants*, in *Linguistics*, N19, p.p 15 - 35.
131. Beattie, G.W., (1983) *Talk: an Analysis of Speech and Non-verbal Behaviour in Conversation*, Milton Keynes, The Open University Press.
132. Beauvoir, S. de (1953) *The Second Sex*, London, Jonathan Cape.
133. Bennet E.M., Cohne L.K., (1952), *Men and Women Personality Patterns and Contrast*, *Genetic Psychology Monographs*, N59, p.p.101-155.
134. Bernard, J., (1972), *The Sex Game*, New York, Atheneum.
135. Bernard, J., (1987), *The Female World from a Global Perspective*, Bloomington.
136. Berryman C.L., (1986), *Attitudes towards Male and Female Language*, *Berryman CC8 V-U Eman*, p.p.195 - 215.
137. Berthoff, A.E., (1988), *Sapir and the Two Tasks of Language*, *Semiotica*, N71: 1, p.p.47.
138. Bodine, A., (1975b), *Sex Differentiation in Language*, in Thorne & Henley (1975b), p.p. 130 - 151.
139. Bodine, A., (1975b), *Antropocentrism in Prescriptive Grammar: Singular "They", Sex-indefinite "He" or "She"*, *Language in Society* N4, p.p.129-146.
140. Bolinger de L.M., (1980), *The Loaded Weapon. The Use and Abuse of Language Today*, London - New-York, 1980, p.98.
141. Bornstein, D., (1978), *As Meek as a Maid: a Historical Perspective on Language for Women in Courtesy Books from the Middle Ages to Seventeen Magazine*, in Butturf, D. and Epstein, E.L. (eds) *Women's Language and Style*, Dept. of English, University of Akron.
142. Bosmajian, H.A., (1972), *The Language of Sexism*, London, Longman.
143. Brend, R., (1975), *Male-Female Intonation Patterns in American English*, in B.Thorne and N.Henley (eds) *Language and Sex: Difference and Dominance*, Rowley, Mass., Newbury House.

144. Brotherton P.L., Penman R.A., (1977), A Comparison of Some Characteristic of Male and Female Speech, *Journal of Social Psychology*, N103, p.p. 161 - 168.
145. Brouner D., (1982), The Influence of the Addressee's Sex on Politeness in Language Use, *Linguistics*, N20, p.p.697-711.
146. Broverman, I.K., Vogel, S.R., Broverman D.W., Clarkson, F.E., & Rosenkrantz, P.S., (1972), Sex Role Stereotypes: a Current Appraisal, *Journal of Social Issues*, N28 (2), p.p.59 - 78.
147. Brower D., Haan D., (1987), Women's Language, Socialization and Self-Image, in *Language, Culture and Female Future*, v4, Dordrecht, Providence, Foris.
148. Brown, P., (1980), How and Why are Women more Polite: Some Evidence from a Malayan Community, in McConnell-Ginet, S., Borker, R. and Furman, N. (eds) *Women and Language in Literature and Society*, New York, Prager.
149. Brown, P., & Levinson, S., (1978), Universals in Language Usage: Politeness Phenomena, in E.N.Goody (ed.), *Questions and Politeness: Strategies in Social Interaction*, Cambridge University Press, Cambridge, p.p.56 -324.
150. Brown Parlee M., (1989), Language and Gender: not for Linguist and Feminist Only, in *Contemporary Psychology*, Washington, v34, N6, p.p.545-546.
151. Brown, R., & Ford, M., (1964), Address in American English, in D.Hymes (ed.), *Language in Culture and Society*, New York, Harper and Row, p.p.234-244.
152. Cameron, D., (1984), Sexism and Semantics, *Radical Philosophy*, 36, p.p.14 - 16.
153. Cameron, D., (1985), *Feminism and Linguistic Theory*, London, Macmillan.
154. Cameron, D. and Coates, J., (1985), Some Problems in the Sociolinguistic Explanations of Sex Differences, *Language and Communication*, N5, (3), p.p.143-151.
155. Chandler M.A., Basset D., L., (1989), Tag Questions and Powerfulness: Quantitative and Qualitative Analysis of a Course of Psychotherapy, *Language in Society*, N1, v18, p.p.77-86.
156. Cherry, L.J., (1975a), Sex Differences in Child Speech: McCarthy revisited, *Research Bulletin, Educational Testing Service*, Princeton, New Jersey.
157. Cherry, L.J., (1975b), Teacher-Child Verbal Interaction: An Approach to the Study of Sex Differences, in Thorne & Henley (1975b), p.p.172-183.
158. Christie, F., (1985b), Young Children's Writing Development: The Relationship of Written Genres to Curriculum Genres, in B. Barlett (ed.), *Language in Education* (Brisbane College of Advanced Education), Brisbane.
159. Christie, F., (1985), Language and Schooling, in S.Tchudi (ed.), *Language, Schooling and Society* (Boyton/Cook, Montclair), New Jersey.
160. Clarke, M.A., Losoff, A., Mc Cracken, M.D. and Rood, D.S., (1984), Linguistic Relativity and Sex/Gender Studies: Epistemological and Methodological Considerations, *Language Learning*, 34, p.p.47 - 67.
161. Clarricoates, K., (1983), Classroom Interaction in Whyld, J. (ed.) *Sexism in the Secondary Curriculum*, New York, Harper and Row.
162. Clifton, A.K., McGrath, D., & Wick, B., (1976), Stereotypes of Woman: a Single Category?, *Sex Roles* 2, p.p.135 - 148.
163. Coates, J., (1984), Language and Sexism, Committee for Linguistics in Education (CLIE), Working paper N5.
164. Coates, J., (1986), *Women, Men and Language*, London, Longman.
165. Cohen, D., Wilkie, (1979), F. Sex-Related Differences in Cognition among the Elderly, in *Sex Differences in Cognitive Functioning*, Academic Press, Baltimore, p.p.145-155.
166. Coleman, R.O., (1973), A Comparison of the Contributions of Two Vocal Characteristics to the Perception of Maleness and Femaleness in the Voice, *STL-QPSP*, N2-3: 13-22.

167. Condry, J. & Condry, S., (1976), Sex Differences: A Study of the Eye of the Beholder, in *Child Development*, N47, p.p.812-819.
168. Conklin, N.F., (1974), Toward a Feminist Analysis of Linguistic Behaviour, *University of Michigan, Papers in Women's Studies* 1, p.p.51-73.
169. Crosby, F., & Lind, N., (1977), The Female Register: an Empirical Study of Lakoff's Hypotheses, *Language in Society*, N6, p.p.313-322.
170. Davis, L.M., Houck, Ch.L., (1990), Female Regional Speech and Occupational Classification: Linguistic Attitudes in Hoosierdom, in *American Speech*, 65.2, p.p.127-134.
171. Damjanowa, L., (1993), Particularidades del lenguaje femenino y masculino en Espanol, *Universidad de Viena, Austria*.
172. Deese, J., (1964), The Associative Structure of Some Common English Adjectives // *Journal of Verbal Learning and Verbal Behaviour*, N3, p.p.124-156.
173. Deese, J., (1965), *The Structure of Associations in Language and Thought*, Baltimore.
174. Drieman, G.H., (1962), Differences between Written and Spoken Language, in *Acta Psychologica*, N1 - 2.
175. Drummond, H., (1989), *The Ascent of Man*, London, Hodder and Stoughton.
176. Dubois, B.L. and Crouch, I., (1975), The Question of Tag Questions in Women's Speech: They don't Really Use More of Them, Do They?, *Language in Society*, N4, p.p.289-294.
177. Dubois, P.H., (1979), The Sex Difference on the Color-Naming Test, in *American Journal of Psychology*, v52, p.p.380-382.
178. Eakins, B., and Eakins, G., (1976), Verbal Turn-taking and Exchanges in Faculty Dialogue, in Dubois, B.L. and Crouch, I. (eds), (1978), *The Sociology of the Languages of American Women*, Papers in Southwest English IY, San Antonio, Trinity University.
179. Eakins, B.W., & Eakins, R.G., (1978), *Sex Differences in Human Communication*, Boston, Houghton Mufflin.
180. Eckert, P., (1990), Cooperative Competition in Adolescent "Girl Talk", v13, N1, .p.91-122.
181. Eckes, Th., (1994), Features of Men, Features of Women: Assessing Stereotypic Beliefs about Gender Subtypes, in *British Journal of Social Psychology*, N33, p p.107-123.
182. Edelsky, C., (1977), Acquisition of an Aspect of Communicative Competence: Learning what it Means to Talk like a Lady, in S., Ervin-Tripp & C., Mitchell-Kernan (eds), *Child Discourse*, New York, Academic Press, p.p.225-243.
183. Edelsky, C., (1979), Question Intonation and Sex Roles, *Language in Society*, N8, p.p.15-32.
184. Edelsky, C., (1981), Who's Got the Floor?, *Language in Society*, N10, p.p.383-421.
185. Eder, D., Hallinan M.T., (1993), Sex Differences in Children's Friendships, in *American Sociological Review*, N43, p.p.223-229.
186. Edwards, J.R., (1979), Social Class Differences and the Identification of Sex in Children's Speech, *Journal of Child Language*, N6, p.p.121-127.
187. Ehrenreich, B., (1983), *The Hearts of Men: American Dreams and the Flight from Commitment*, London, Pluto Press.
188. Elliot, J., (1974), Sex Role Constraints on Freedom of Discussion: a Neglected Reality of the Classroom, *The New Era*, 55, (6).
189. Ellis, H., (1896), *Man and Woman*, London, Walter Scott.
190. Ellmann, M., (1979), *Thinking about Women*, London, Virago.
191. Elyan, O., (eds), (1978), RP-accented Speech: the Voice of Perceived Androgyny?, in Trudgill, P. (ed.) *Sociolinguistic Patterns in British English*, London, Edward Arnold.
192. Ervin, S., (1962), The Connotations of Gender, in *Word*, N18, p.p.249-261.

193. Ervin, S., (1961), Changes with Age in the Verbal Determinants of Word-Association, in *American Journal of Psychology*, v.74, p.p.361-372.
194. Esposito, A., (1979), Sex Differences in Children's Conversation, *Language and Speech*, N22 (3), p.p.213-220.
195. Fichtelius, A., Johansson, I., & Nordin, K., (1980), Three Investigations of Sex-Associated Speech Variation in Day School, in *Kramarae*, (1980), p.p.219-225.
196. Firestone. S., (1972), *The Dialectic of Sex: The Case for Feminist Revolution*, London, Paladin.
197. Firth, J.R., (1959), Personality and Language, in *Society Sociological Review*, N42, p.p. 37-53.
198. Fischer, J.L., (1958), Social Influences on the Choice of a Linguistic Variant, in *Word*, N14, p.p.47-59.
199. Fishman, P.M., (1978a), What Do Couples Talk About When They Are Alone?, in Butturf, D. and Epstein, E.L. (eds), *Women's Language and Style*, Department of English, University of Akron.
200. Fishman, P.M., (1978b), Interaction: the Work Women Do, in *Social Problems* 25, (4), p.p.397-406.
201. Frank, J., (1990), Gender Differences in Color Naming: Direct Mail Order Advertisements, in *American Speech*, 65.2, p.p.116-125.
202. Fraisse, P., Breyton M., (1959), Comparaison entre les Languages Oral et Ecrit, in *Annee psychologique*, N59, fasc.1.
203. Freinet, C., (1966), *Essai de Psychologie Sensible*, Neuchatel.
204. French, J., and French, P., (1984b), Sociolinguistics and Gender Divisions, in Acker, S. et al. (eds) *World Yearbook of Education 1984: Women and Education*, London, Kogan Page.
205. French, J. and French, P. (1984a) Gender Imbalance in the Primary Classroom: an Interaction Account, in *Educational Research*, 26, (2).
206. Friedan, B., (1965), *The Feminine Mystique*, Penguin, Harmondsworth.
207. Furfey, P.H., (1944), Men's and Women's Language, in the *American Catholic Sociological Review*, 5:218-223.
208. Gal, S. (1978), Peasant Men can't Get Wives: Language Change and Sex Roles in a Bilingual Community, *Language in Society*, N7, p.p.1-16.
209. Gedda, L., Fiori-Ratti, L. and Bruno, G., (1960), La voix chez les jumeaux monozygotiques, in *Folia Phoniatica*, N12, p.p.81-94.
210. Geles, H., Marsh, P., (1979), Perceived Masculinity and Accented Speech, in *Language Sciences*, N1, p.p.301-315.
211. *Gender and Discourse: the Power of Talk*, (1988), Norwood, Abuex.
212. Gilley, H.M., Summers, C.S., (1970), Sex Differences in the Use of Hostile Verbs, *Journal of Psychology*, N76, p.p.33-37.
213. Gleser, G., Gottschalt, L., Watkins, J., (1959), The Relationship of Sex and Intelligence to Choice of Words. A Normative Study of Verbal Behaviour, in *Journal of Clinical Psychiatry*, N15, p.p.182-191.
214. Goffman, E., *Gender Advertisements*, (1976), New York, Harper&Row.
215. Goffman, E., *The Arrangement between the Sexes*, (1977), in *Theory and Society*, N4, p.p.301-311.
216. Goldberg, P., (1974), Are Women Prejudiced against Women?, in Stacey et al., p.p.37-42.
217. Goodwin, M.H., (1980), Directive-Response Speech Sequences in Girls' and Boys' Task Activities, in McConnell-Ginet, S., Borker, R. and Fupman, M. (eds.), *Women and Language in Literature and Society*, New York, Praeger.
218. Gregersen E.A., (1979), *Sexual Linguistics*, London, Harper&Row.
219. Guentherodt, I., Hellinger, M., Pusch, L.F. and Tromel-Plotz, S. (1980), Richtlinien zur Vermeldung sexistischen Sprachgebrauchs, im *Linguistisches Berichte*, N69, p.p.15-21.

220. Guiora, A.Z. and Acton, W.R., (1979), Personality and Language Behaviour: a Restatement, in Language Learning, N29, p.p.193-206.
221. Gumperz, J.J., (1987), Preface in Brown, P. and Levinson, S.C. Politeness: Some Universals of Language Use, Cambridge, Cambridge University Press.
222. Guy, G.R. (eds.), (1982), Question Intonation in Declarative Clauses in Australian English: Quantitative Study, paper presented at the Annual Meeting of the Australian Linguistic Society, (Australian National University).
223. Haan de D., (1993), Sex Differences in Evaluation and Proficiency of Mother Tongue and Second Language, Baltimore.
224. Haas, M.R., (1944), Men's and Women's Speech in Koasati, in Language, Society, New York, N20, p.p.142-149.
225. Head, H., (1923), Speech and Cerebral Lateralization, in Brain, N46, p.p.355-528.
226. Heath, S.B., (1983), Ways with Words: Language, Life and Work in Communities and Classrooms, Cambridge, Cambridge University Press.
227. Hellinger, M., (1980), Zum Gebrauch weiblicher Berufsbezeichnungen im Deutschen-Variabilität als Ausdruck aussersprachlicher Machtstrukturen, in Linguistische Berichte, N69, p.p.37-57.
228. Henley, N., (1977), Body Politics: Power, Sex and Non-verbal Communication, New Jersey, Prentice-Hall, Englewood Cliffs.
229. Henley, N., Thorne, (1975), B., Sex Differences in Language, Speech and Communication.
230. Henton, C.G. and Bladon, A.W., (1985), Breathiness in Normal Female Speech: Inefficiency versus Desirability, Language and Communication, N5, p.p.221-227.
231. Herbert, R.K., (1990), Sex-based Differences in Compliment Behaviour, Language in Society, p.p.201-224.
232. Hiatt, M., (1977), The Way Women Write, New York, Teachers Press.
233. Hirshman, L., (1974), Analysis of Supportive and Assertive Behaviour in Conversations, paper presented at a meeting of the Linguistic Society of America, July, 1973. See summary in Thorne, B. and Henley, N. (1975) Language and Sex: Difference and Dominance, Rowley, Mass., Newbury House.
234. Hlee, C. A., (1987), Differential Language Usage: Patterns by Males and Females in a Rural Community in the Rio Grande Vally, in Language and Language Use, p.p.125-145.
235. Hoff-Ginsberg, E., (1990), Maternal Speech and the Child's Development of Syntax: a Further Look, in Journal of Child Language, Cambridge, v17, N4, p.p.85-87.
236. Holmes, J., (1986), Functions of *you know* in women's speech, in Language in Society, N15, p.p.1-22.
237. Holmes, J., (1993), New Zealand Women Are Good to Talk to: an Analysis of Politeness Strategies in Interaction, in Journal of Pragmatics, N20, p.p.91-116.
238. Hopper, R., Knapp, M.I., & Scott, L., (1981), "Couples" Personal Idioms: Exploring Intimate Talk, Journal of Communication, N31, p.p.23-33.
239. Jabbra, N.W., (1980), Sex Roles and Language in Lebanon, in Ethnology, N19, v4, p.p.459-474.
240. Janssen-Jurreit, M., (1982), The Dialectic of Man and Woman, in Sexism: The Male Monopoly of History and Thought, Pluto Press, London, p.p.299-307.
241. Jennigs, G., (1967), Personalities of Language, London, Golanez.
242. Jespersen, O., (1922), Language: Its Nature, Development and Origins, London, Allen and Unwin.
243. John-Steiner, V., Irvine, P. (1989), Women's Verbal Images and Associations, Chicago Press.
244. Johnstone, B., Ferrara, K., Mattson, Bean, J., (1992), Gender, Politeness and Discourse Management in Same-Sex and Cross-Sex Opinion Poll Interviews, in Journal of Pragmatics, v18, N5, p.p.405-431.

245. Kaplan, C., (1986), *Sea Changes: Culture and Feminism*, London, Verso.
246. Kent, G. H. & Rosanoff, A.J. (1910), *A Study of Association in Insanity*, v.67, N 1-2.
247. Key, M.R., (1975), *Male / Female Language*, New Jersey, Metuchen, Scarecrow Press.
248. Kidd, V., (1971), *A Study of Images Produced through the Use of a Male Pronoun as the Generic Movements: Contemporary Rhetoric and Communication*, Fall (1), p.p.25-30.
249. Kingston, M.H., (1976), *The Woman Warrior*, Harmondsworth, Penguin.
250. Kramarae, C., (ed), (1980), *The Voices and Words of Women and Men*, Special Issue of *Women's Studies International Quarterly*, 3(2/3).
251. Kramer, C., (1975), *Sex-Related Differences in Address Systems*, *Anthropological Linguistics*, 17(5), p.p.198-210.
252. Kramer, C., (1977), *Perceptions of Male and Female Speech*, in *Language and Speech*, N20, p.p.151-161.
253. Kramer, C., Thorne, B., & Henley, N., (1978), *Review Essay: Perspectives on Language and Communication*, in *Journal of Women in Culture and Society* 3, p.p.638-651.
254. Labov, W., (1966), *The Social Stratification of English in New York City*, Washington DC, Centre for Applied Linguistics.
255. Labov, W., (1972a), *Sociolinguistic Patterns*, Philadelphia, University of Pennsylvania Press.
256. Ladavas, E., Unita, C., Ricci-Bitti, P.E., (1980), *Evidence for Sex Differences in Right-hemisphere Dominance for Emotions*, in *Neuropsychology*, 1980, v18, N3, p.p.361-366.
257. Lakoff, R., (1975), *Language and Woman's Place*, New York, Harper&Row.
258. Lakoff, R., (1979), *Stylistic Strategies within a Grammar of Style*, in Orasanu et al. , p.p.53-78.
259. Langer, E., (1970), *The Women of the Telephone Company*, New York Review of Books, N14, 12&26 March.
260. Lee, M.Y., (1976), *The Married Woman's Status and Role in Japanese: an Exploratory Sociolinguistic Study*, *Signs* 1, N4, p.p.991-999.
261. Lees, S., (1983), *How Boys Slag off Girls*, New Society, 13 th October.
262. Leet-Pellegrini, H.M., (1980), *Conversational Dominance as a Function of Gender and Expertise*, in Giles, H., Robinson, W.P. and Smith, P.M. *Language: Social Psychological Perspectives*, Oxford, Pergamon.
263. Legman, G., (1972), *Rationale of the Dirty Joke: an Analysis of Sexual Humor*, 2 vols., London, Granada.
264. Lewis, M., (1972), *Parents and Children: Sex-Role Development*, in *School Review*, N80, p.p.229-240.
265. Lewis, M., & Freedle, R., (1973), *Mother-Infant Dyad: the Cradle of Meaning*, in P.Pliner, L.Krames & T.Alloyway (eds.), *Communication and Affect, Language and Thought*, Academic Press, New York.
266. Loveday, L., (1981), *Pitch, Politeness and Sexual Role: an Exploratory Investigation*, in *Language and Speech*, N24, p.p.71-88.
267. Maccoby, E.A., (1966), *The Development of Sex Differences*, Standford. California, Stanford University Press.
268. McDonnell, D., (1986), *Theories of Discourse*, Oxford, Basil Blackwell.
269. McCarthy, D., (1953), *Some Possible Explanations of Sex Differences in Language Development and Disorders*, *Journal of Psychology*, N35, p.p.155-160.
270. Mackay, D. and Fulkerson, D., (1979), *On the Comprehension and Production of Pronouns*, in *Journal of Verbal Learning and Verbal Behaviour*, N18, p.p.661-673.

271. Majewski, W., Hollien, H. and Zalewski, J., (1972), Speaking Fundamental Frequencies of Polish Adult Males, in *Phonetica*, N25, p.p.119-125.
272. Maltz, D.N. and Borker, R.A., (1982), A Cultural Approach to Male-Female Miscommunication, in Gumperz, J.J. (ed.) *Language and Social Identity*, Cambridge, Cambridge University Press.
273. Marshall G.R.&Cofer Ch.N. (1963), Associative Indices as Measures of Word Relatedness: Summary and Comparison of Ten Methods, in *Journal of Verbal Learning and Verbal Behaviour*, v.6, p.p.408-421.
274. Martyna, W., (1978), What Does He Mean - Use of the Generic Masculine, in *Journal of Communication*, N28, p.p.131-138.
275. McConnell-Ginet, S. (1983), Intonation in a man's world, in Thorne, B., Kramarae, C. and Henley, N. (eds.) *Language, Gender and Society*, Rowley, Mass., Newbury House.
276. McConnell-Ginet, S., (1984), The Origins of Sexist Language in Discourse, *Annals of the New York Academy of Sciences*, N433, p.p.123-135.
277. McConnell-Ginnet, S., (1978b), Address forms in Sexual Politics, in D.Butturff & E.L.Epstein (eds), *Women's Language and Style*, University of Akron Press, Akron, p.p.23-35.
278. McConnell-Ginet, S., Borker, R., & Furman, N. (eds.), (1980), *Women and Language in Literature and Society*, New York, Praeger.
279. MacCormack, C., & Strathern, M. (eds.), (1980), *Nature, Culture and Gender*, Cambridge, Cambridge University Press.
280. McGlone, J., (1980), Sex Differences in Human Brain Asymmetry, v3, N7, p.p.215-263.
281. Martin, J.R., (1984), Language, Register and Genre, in *Children Writing: Reader (ECT4 18 Language Studies)*, Deakin University, Geelong, Victoria, 1984, p.p.21-30.
282. Mathiot, M., Roberts, M., (1979), Sex Roles as Revealed through Referential Gender in American English, in Mathiot, M., (1979), *Ethnolinguistics: Boas, Sapir and Whorf Revisited*, p.p.1-47.
283. Meredith, M., Mow, F.I., (1951), The Language of Feminine Fashions, in *American Speech*, N26, p.p.231-232.
284. Miller, A.G., (1951), *Language and Communication*, New York.
285. Miller, C. and Swift, K., (1977), *Words and Women*, New York, Doubleday.
286. Milroy, L., (1980), *Language and Social Networks*, Oxford, Basil Blackwell.
287. Mischel, W., (1970), Sex Typing and Socialisation, in Mussen, P.H., (ed.) *Manual of Child Psychology*, 3- ed., N4-6, v2, p.p.3-72.
288. Moore, H., (1922), Further Data Concerning Sex Differences, in *Journal of Abnormal and Special Psychology*, N17, p.p.210-214.
289. Moulton, J., Robinson, G.M., and Elias, C., (1978), Sex Bias in Language Use: "Neutral" Pronouns That Aren't, in *American Psychologist*, N33, p.p.1032-1036.
290. Nichols, P., (1980), Women in their Speech Communities, in McConnell-Ginet et al. (1980), p.p.140-149.
291. Nichols, P., (1979), Black Women in the Rural South: Conservative and Innovative, in Dubois, B.L. and Crouch, I. (eds.), *The Sociology of the Languages of American Women*, Papers in Southwest English, San Antonio, Trinity University.
292. Nicholson, J., (1984), *Men and Women: How Different are They?*, Oxford, Oxford University Press.
293. Nilsen, C.P. (1972), *Sexism in English. A Feminist View in Female Studies*, New York. Pergamon Press.
294. Noseworthy, G.M., Lott, A.J., (1984), The Cognitive Organization of Gender-Stereotypic Categories, in *Personality and Social Psychology Bulletin*, N10, p.p.474-481.

295. O'Barr, W.M., and Atkins, B.K., (1980), "Women's Language or "Powerless Language?", in McConnel-Ginnet, S., Borker, R. and Furman, N. (eds.), *Women and Language in Literature and Society*, New York, Praeger.
296. Oakley, A., (1972), *Sex, Gender and Society*, Melbourne, Sun Books.
297. Oakley, A., (1981), *Subject Women*, Oxford, Martin Robertson.
298. Oakley, A. and Oakley, R., (1979), Sexism in Official Statistics, in Irvine, J., Miles, I. and Evans, J. (eds.) *Demystifying Social Statistics*, London, Pluto Press.
299. Orasanu, J., Slater, M.K., & Adler, L.L. (eds.), (1979), *Language, Sex and Society. Does "La Difference" Make a Difference?*, in *Annals of the New York Academy of Sciences*, 327.
300. Ordoubadian, R., (1978), Sexism and Language Structure, in W. Wolck & P.L.Garvin (eds.), *The Fifth LACUS Forum 1978*, Hornbeam Press, Columbia, SC, p.p. 415-421.
301. Packham, G.A., (1982), *A Study of Questions Asked by Men and Women in the Graduate Classroom*. Unpublished (graduate student) paper, University of Illinois at Chicago Circle.
302. Parker, A.M., (1973), *Sex Differences in Classroom Intellectual Argumentation*, MS thesis, Pennsylvania State University.
303. Phillips, Juliet R., (1973), Syntax and Vocabulary of Mothers' Speech to Young Children: Age and Sex Comparisons, in *Child Development*, N44, p.p.182-185.
304. Phillipsen, G. (1975), Speaking Like a Man in Teamsterville: Culture Patterns of Role Enactment in an Urban Neighbourhood, in *The Quarterly Journal of Speech*, N61, p.p.13-22.
305. Philips, S.U., (1980), Sex Differences and Language, *Annual Review of Anthropology*, N9, p.p.523-544.
306. Pieper, U., (1984), Is Parental Language Sexually Differentiated?, *Studia Anglica Posnanienska*, XYII, Poznan, p.p.71-80.
307. Poyton, C., (1990), *Language and Gender. Making the Difference*, Oxford, Oxford University Press.
308. Preisler, B., (1986), *Linguistic Sex Roles in Conversation: Social Variation in the Expression of Tentativeness in English*, Berlin, Mouton de Gruyter.
309. Pusch, L.F., (1980), *Das Deutsche als Mannersprache - Diagnose und Therapievorschlage*, *Linguistische Berichte*, N69, p.p.59-74.
310. Ray, W.J., Morell, M., Frediani, A.W., Tucker, D., (1976), Sex Differences and Lateral Specialization of Hemispheric Functioning, in *Neuropsychology*, v14, N3, p.p.391-394.
311. Risch, B., (1987), Women's Derogatory Terms for Men: That's Right, "dirty" Words, in *Language in Society*, 16, 3, p.p.353-358.
312. Roberts, B., (1984), Ockers and Malespeak: Why Men and Women don't Speak the Same Language in Australia, *Australian Society* 3(8), p.p.13-16.
313. Rudes, B., & Healy, B., (1979), Is She for Real?: The Concepts of Femaleness and Maleness in the Gay World, in Mathiot (1979), p.p.49-61.
314. Russell, W.A.&Jenkins, J.J. (1954), *The Complete Minnesota Norms for Responses to 100 Words from the Kent-Rosanoff Word Association Test*, University of Minnesota, Technical Report N11.
315. Sachs, J., Lieberman, P., and Erikson, D., (1973), Anatomical and Cultural Determinants of Male and Female Speech, in Shuy, R.W. and Fasold, R.W. (eds.) *Language Attitudes: Current Trends and Prospects*, Washington, Georgetown University Press.
316. Sachs, J., (1975), Cues to the Identification of Sex in Children's Speech, in Thorne & Henley (1975b), p.p.152-171.
317. Sachs, H., Schegloff, E., and Jefferson, G., (1974), A Simplest Systematics for the Organization of Turn-Taking for Conversation, in *Language*, N50, p.p.696-735.
318. Sadker, M. and Sadker, D. (1985), Sexism in the Schoolroom of the "80s", *Psychology Today*, March, 1985, p.p.54-57.

319. Samarin, W., (1951), *Tongues of Men and Angels*, Macmillan, New York.
320. Sangstad, P.A., (1977), *A Theory of Communication and Use of Language*, Oslo.
321. Sapir, E. (1929), *Male and Female Forms of Speech in Yana*, in Teeuwen, St. W.J. (ed.) *Donum Natalicium Schrijnen*, Nijmegen-Utrecht.
322. Sapir, E., (1970), *Linguistics as a Science*, in D.G.Mandelbaum (ed.), *Edward Sapir: Culture, Language and Personality, Selected Essays*, Berkley, University of California Press.
323. Sarah, E., (1980), *Teachers and Students in the Classroom: An Examination of Classroom Interaction*, in Spender & Sarah (1980), p.p.155-164.
324. Schmidt, C., (1988), *Typisch weiblich - Typisch mannlich, geschlechts typisches Kommunikationsverhalten in studentischen Kleingruppen*, in *Germanistische Ling.*, N87, Niemeyer, IX.
325. Schneider, J.W., & Hacker, S.L., (1973), *Sex Role Imagery and the Use of the Generic "Man" in Introductory Texts*, in *American Sociologist*, N8, p.p.12-18.
326. Schultz, M., (1975), *The Semantic Derogation of Women*, in Thorne, B. and Henley, N. (eds) *Language and Sex: Difference and Dominance*, Rowley, Mass., Newbury House.
327. Sears, P.S. & Feldman, D.H., (1966/1977), *Teacher Interactions with Boys and with Girls*, in Stacey et.al. (1974), p.p.147-158.
328. *Sex Differences: Social and Biological Perspectives*, (1976), New York, Garden City, Anchor Press.
329. Sherriffs, A.C., McKee, J.P., (1957), *Qualitative Aspects of Beliefs about Men and Women*, in *Journal of Personality*, N25, p.p.451-464.
330. Shibamoto, J., (1985), *Japanese Women's Language*, New York, Academic Press.
331. Shuy, R., (1970), *Sociolinguistic Research at the Centre for Applied Linguistics: the Correlation of Language and Sex*, in *International Days of Sociolinguistics*, Rome, Instituto Luigi Sturzo.
332. Siegler, D.M., Siegler, R.S., (1976), *Stereotypes of Males' and Females' Speech*, in *Psychological Reports*, N39, p.p.167-170.
333. Silveira, J., (1980), *Generic Masculine Words and Thinking*, in *Women's Studies International Quarterly*, N3, p.p.165-178.
334. Six, B. & Eckes, T., (1991), *A Closer Look at the Complex Structure of Gender Stereotypes*, in *Sex Roles*, N24, p.p.57-71.
335. Smith, P.M., (1979), *Sex Markers in Speech*, in K.R.Scherer & H.Giles (eds.), *Social Markers in Speech*, Cambridge University Press, Cambridge, p.p.109-146.
336. Smith, P.M., (1985), *Language, the Sexes and Society*, Oxford, Basil Blackwell.
337. Smith-Hefner, N.J., (1988), *Women and Politeness. The Javanese Example*, in *Language in Society*, v17, N4, p.p.535-554.
338. Soskin, W.F., and John, V.P. (1963), *The Study of Spontaneous Talk*, in Barker, R. (ed.) *The Stream of Behaviour*, New York, Appleton- Century-Crofts.
339. Spender, D. (1978), *The Right Way to Talk: Sex Differences in Language*, *Times Educational Supplement*, 3 November: 19.
340. Spender, D., & Sarah, E. (1980), (eds.), *Learning to Lose: Sexism and Education*, Women's Press, London.
341. Spender, D., (1982), *Women of Ideas (And What Men Have Done to Them): From Aphra Behn to Adrienne Rich*, Routledge & Kegan Paul, London.
342. Spender, D., (1982), *Invisible Women: the Schooling Scandal*, London, Writers and Readers Publishing Co-operative.
343. Spender, D., (1985), *Man Made Language*, London, Routledge and Kegan Paul.
344. Stacey, J., Bereaud, S., & Daniels, J. , (1974), (eds.), *And Jill Came Tumbling After: Sexism in American Education*, New York, Dell.

345. Stanley, J.P., (1977), *Paradigmatic Woman: the Prostitute*, in Shores, D.L. and Hines, C.P. (eds), in *Papers in Language Variation*, University of Alabama Press.
346. Stanley, J.P., and Robbins, S.W. (1978), *Sex-marked Predicates in English*, *Papers in Linguistics*, N11, s, p.p.487-516.
347. Stanworth, M. , (1981), *Gender and Schooling: A study of Gender Divisions in the Classroom*, London, Women's Research and Resources Centre.
348. Steckler, N., Cooper, N., (1980), *Sex Differences in Color Naming of Unisex Apparel*, in *Anthropological Linguistics*, N22, p.p.373-381.
349. Steedman, C., (1982), *The Tidy House: Little Girls Writing*, London, Virago.
350. Stein, S.H., (1988), *The Language of Sex in Equality*, (eds), San Francisco, San Press.й
351. Stoke, S.M., Elmer, D.W., (1931), *Sex Differences in Conversational Interests*, *Journal of Social Psychology*, N2,p.p.120-126.
352. Strainchamps, E. (1971), *Our Sexist Language*, in V.Gornick and B.K.Moran (eds), *Women in Sexist Society: Studies in Power and Powerlessness*, New York, Mentor Books.
353. Swacker, M., (1975), *The Sex of the Speaker as a Sociolinguistic Variable*, in Thorne, B. and Henley, N. (eds) *Language and Sex: Difference and Dominance*, Rowley, Mass., Newbury House.
354. Swacker, M., (1979), *Women's Verbal Behaviour at Learned and Professional Conferences*, in Betty Dubois and Isabel Crouch, (eds), *The Sociology of the Languages of American Women*, San Antonio, Trinity University, p.p.155-160.
355. Swann, J., and Graddol, D. (1988), *Gender Inequalities in Classroom Talk*, *English in Education*, 22, (1), p.p.48-65.
356. Swann, J., and Graddol, D. (1994), *Gender Voices*, Oxford and Cambridge, Basil Blackwell.
357. Tachs, J., Lieberman, Ph., Erickson, D., (1986), *Anatomical and Cultural Determinants of Male and Female Speech*, in Roger, W., Ralph, M., Fasold, E. *Language Attitudes: Current Trends and Prospects*, Georgetown University Press, 1986., p.p. 56-87.
358. Theodor-Reik, M., (1988), *Men and Women Speak Different Languages*, in *Psychoanalysis*, N2 (4), p.p.3-15.
359. Thorne, B., Kramarae, C. and Henley, N., (1973), (eds), *Language, Gender and Society*, Rowley, Mass., Newbury House.
360. Thorne, B., & Henley, N., (eds.), (1975b), *Language and Sex: Difference and Dominance*, Newbury House, Rowley, Massachusetts.
361. Tromel-Plotz, S., (1987), *Frausprache, Sprache der Veranderung*, Frankfurt-a-M: Taschenbuch. - Verlag.
362. Trudgill, P., (1972), *Sex, Covert Prestige and Linguistic Change in the Urban British English of Norwich*, in *Language in Society*, N1, p.p. 179-95.
363. Trudgill, P., (1974), *The Social Differentiation of English in Norwich*, Cambridge, Cambridge University Press.
364. Trudgill, P., (1974), *Sociolinguistics*, Harmondsworth, Penguin.
365. Valentine, C.A. and St.Damian, B., (1988), *Gender and Culture as Determinants of the Ideal Voice*, in *Semiotica*, N71, p.p.285-303.
366. Van den Berghe, P. (1973), *Age and Sex in Human Societies: a Biological Perspective*, Belmont, California, Wadsworth Publishing Co.
367. Vetterling-Braggin, M., (1981), (ed.), *Sexist Language: A Modern Philosophical Analysis*, Littlefield Adams, Totowa, New Jersey.
368. Ulrich, M., (1988), *Neutrale Manner - Markierte Frauen Feminismus und Sprachwissenschaft*, Heidelberg, N4, p.p.383-399.

369. Ward, C., (1979), Differential Evaluation of Male and Female Speech. Expertise Prejudice against Women?, in *British Journal of Social and Clinical Psychology*, N18, p.p.65-69.
370. Warshay, D.W., (1972), Sex Differences in Language Style, in *Toward a Sociology of Women*, Xerox college Publishing, Lexington, p.p.-9.
371. Watts, R. J., (1992), Acquiring Status in Conversation: Male and Female Discourse Strategies, in *Journal of Pragmatics*, v18, N5, p.p.467-505.
372. Whalen, R.E., (1977), Brain Mechanisms Controlling Sexual Behaviour, In Beach, F.R., *Sexuality in Four Perspectives*, Baltimore, p.p.215-246.
373. West, C., (1984), When the Doctor is a Lady, in *Symbolic Interaction*, 7, (1), p.p.87-106.
374. West, C. and Zimmerman, D.H., (1983), Small Insults: a Study of Interruptions in Cross-sex Conversations between Unacquainted Persons, in Thorne, B., Kramarae, C., and Henley, N., (eds) *Language, Gender and Society*, Rowley, Mass. Newbury House.
375. Williams, J.E., Bennet, S.M., (1975), The Definition of Sex Stereotypes via the Adjectives Check List, in *Sex Roles* N1, p.p.327-337.
376. *Women Language Transition*, (1987), Albany.
377. Wood, M.M., (1966), The Influence of Sex and Knowledge of Communication Effectiveness on Spontaneous Speech, in *Word*, N22, p.p.112-137.
378. Yodler, P.J., Kaiser, A.P., (1989), Alternative Explanations for the Relationship between Internal Maternal Verbal Interaction Style and Child Language Development, in *Journal of Child Language*, Cambridge-New York, v16, N1, p.p.141-160.
379. Zimmerman, D. & West, C., (1975), Sex Roles, Interruptions and Silences in Conversation, in Thorne & Henley (1975b), p.p.105-129.